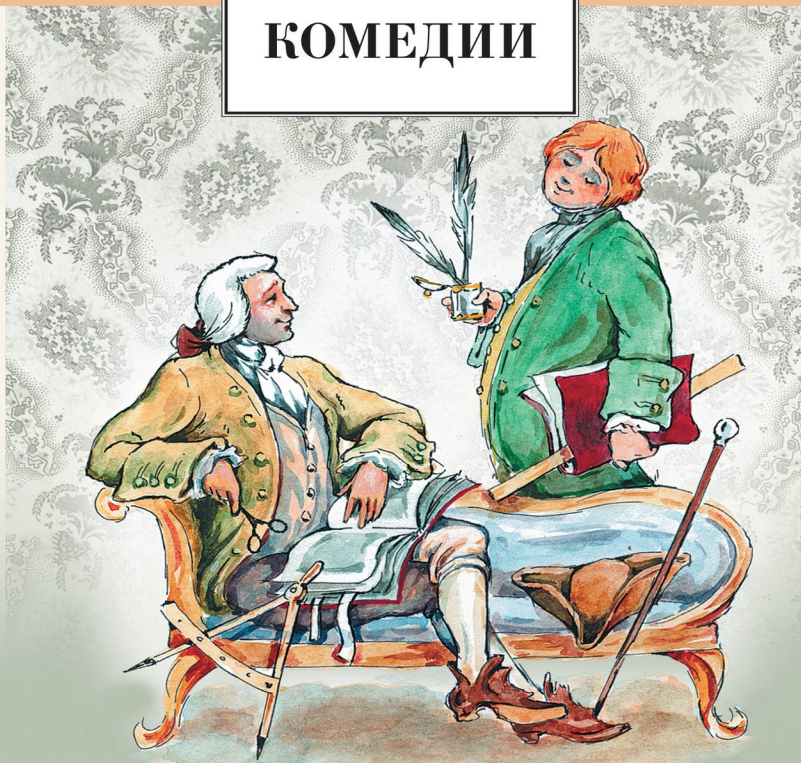
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. И. Фонвизин

КОМЕДИИ



Комедии

Денис Иванович Фонвизин

Аннотация
Денис Иванович Фонвизин. Комедии. Прозаические произведения
Денис Иванович Фонвизин
Бригадир. Комедия в пяти действиях
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
  Действие пятое
Недоросль. Комедия в пяти действиях
  Действующие лица
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
  Действие пятое
Прозаические произведения
  Всеобщая придворная грамматика
  Рассуждение о непременных государственных законах
  Чистосердечное признание в делах моих и по-

мышлениях
Вступление
Книга первая
Книга вторая
Книга третья
Комментарии

Аннотация

В книгу вошли две знаменитые комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль», а также прозаические произведения: «Всеобщая придворная грамматика», «Рассуждение о непременных государственных законах» и «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях».

Для старшего школьного возраста.

Денис Иванович Фонвизин
Комедии. Прозаические произведения

Д. И. фонъ-Визинъ

1745–1792

© Афанасьев Э. Л., вступительная статья и комментарии, 1999
© Белов А. Н., иллюстрации, 1999
© Оформление серии, составление. Издательство «Детская литература», 2003

Денис Иванович Фонвизин

Комедии Дениса Фонвизина уже двести лет восхищают зрителя и не сходят со сцены. Давно уже канули в Лету и позабыты трагедии и комедии его славных современников, многие из которых при жизни именовались «русскими Расинами» или «русскими Вольтерами». Ныне же их читают только ученые-филологи или студенты. А герои Фонвизина живут, волнуют, веселят или печалят наши думы.

Каким же непостижимым художественным тактом, каким же редкостным даром живого русского слова надо было обладать, чтобы написать нетленное, живя в далеком восемнадцатом

столетии, на целые полвека раньше А. Пушкина, когда еще и современный литературный язык находился только в становлении?!

Однако такое поразительное долголетие объясняется не одним только замечательным изяществом речи великого национального комедиографа, но и глубиной мысли, остротой его вопрошаний о России, о нашем национальном характере.

Фонвизинские чувство и мысль, в какой бы форме они ни выражались, — в изящной художественной картине или в философическом раздумье, в полной смирения покаянной автобиографической записке или в пламенном публицистическом негодовании, — страдают, мучаются и бьются над одним: судьба и благоденствие любезного Отечества. Вот что их объединяет.

Фонвизин склонен к преувеличениям, он не умеет быть равнодушным, не может писать без волнения, потому что всегда думает о главном. Это русский человек на все времена.

Время топит в забвении все несущественное для жизни нации; но оно же только полнее и ярче раскрывает значение подобных писателей.

1

Фонвизины по мужской линии происходили из древнего немецкого рыцарского рода. В Ливонской войне, во времена Иоанна Грозного, его предок Петр вместе со своими сыновьями был пленен русскими войсками и, по-видимому, попросился потом на русскую службу. Они получили земли и начали верой и правдой служить своей новой родине. Один из предков драматурга (кстати, тоже носящий имя Денис!) показал себя мужественным и неподкупным патриотом во времена Смуты. В царствование Алексея Михайловича Фонвизины приняли православную веру (до этого были «в немецкой вере», то есть лютеране-протестанты), а к восемнадцатому столетию окончательно обрусели. Но фамилию писали по-старинному, по-немецки — «фон-Визин», и еще сам Денис Иванович подписывал свое имя именно так. (В XIX веке такое написание некоторых уже будет коробить. Хорошо, например, известно, как Пушкин в письме отчитывал своего брата Льва. «Что ты из Фонвизина делаешь «нехриста», — ворчал великий поэт, — он — «из перерусских русской».)

История фонвизинского рода с несомненно-

стью свидетельствует, как процветание России умножалось людьми разных вер и национальностей, которые в своей сыновней почтительности приумножали ее высокую славу.

Фонвизин родился 3 (14) апреля 1745 года в Москве, в той части древней столицы, которая традиционно носила название «Печатники». Здесь была дворцовая Печатная слобода, в которой жили мастера Печатного двора — первой московской типографии. А на углу Рождественского бульвара и Сретенки находилась известная еще с 1625 года церковь Успения Богородицы в Печатниках. В 1695 году церковь была перестроена, и храм стал каменным.

Именно сюда, судя по исповедальным книгам, и ходили жившие в двух шагах Фонвизины.

Дружная, благочестивая и трудовая семья Фонвизиных во многом жила еще «по старинным обыкновениям», которых, казалось, мало коснулись петровские нововведения и великосветские соблазны. Из семьи будущий писатель вынес твердые нравственные устои: здесь много значил моральный авторитет отца. Иван Андреевич не получил должного образования, но не потерял чести ни на военной, ни на гражданской службе. Драматург с нескрываемой гордостью

будет вспоминать, как отец отвергал различные подношения и строго выговаривал дарителям, пытавшимся склонить его к решению дел в их пользу. Наверное, и в середине XVIII века это уже становилось исключением из правил, а тем более в царствование императрицы Екатерины II, которая, по существу, закрывала глаза на взятки и, когда ей указывали на очередного крупного взяточника, здраво, но не без цинизма говаривала: «Этот уже наворовался и успокоился, а назначь другого — тот будет рвать еще больше».

Особенное значение в быту семьи занимали молитвенные бдения. Денис, старший из мальчиков (всего детей было восемь), читал вслух Псалтирь и другие церковные книги. Впоследствии это много даст ему как писателю, и он даже будет утверждать, что без знания церковнославянского языка невозможно хорошо знать русский. Добавим, что в это именно время М. В. Ломоносов опубликовал свое знаменитое рассуждение «О пользе книг церьковных» (1757), как бы призывая русских писателей и впредь не уходить от глубины, лаконизма и возвышенной торжественности церковнославянской речи.

Как часто бывает с честными людьми, Иван Андреевич не был слишком богат и не имел

возможности нанять своим детям домашних учителей. Однако с открытием Московского университета (1755) он тут же записывает своих старших сыновей — Дениса (ему было десять) и Павла — в училище при нем.

В «Чистосердечном признании» писатель вспоминает время своего учения. Он не удерживается от живых и забавных картин, рисуя, например, экзамен по латыни или географии. По-видимому, драматург нередко тешил слушателей веселыми устными рассказами: отточенность в слове этих сценок замечательна.

Конечно, как истинный художник, Фонвизин увлекается и несколько преувеличивает. Впрочем, он тут же оговаривается, что учение в университете ему все-таки многое дало. Он вышел оттуда, основательно владея главными европейскими языками и уже 16–17-летним юношей много переводит с немецкого и французского. Именно ему поручит университетский профессор И. Г. Рейхель (немец по национальности) перевести свое торжественное слово, сказанное на коронационных торжествах в присутствии императрицы Екатерины II. С этим ответственным заданием Денис справится с блеском, и в 1762 году перевод будет напечатан.

В университете царил культ словесных наук, и именно здесь будущий комедиограф научился писать замечательно ясным и чистым слогом. Отметим, что не последним делом была и привычка усердно трудиться.

2

Свою литературную деятельность Фонвизин начинает с переводов. То был обычный путь русского писателя восемнадцатого столетия.

Вся вторая половина XVIII века проходит у нас в неустанной переводческой работе. Широкие издательские акции, среди инициаторов которых прославился известный просветитель Николай Новиков, приобщали русского читателя к замечательным достижениям мировой словесности.

Всего за несколько десятилетий на русский язык было переведено множество литературных произведений, а также книги по философии, истории, этике, эстетике, сочинений религиозно-нравственного содержания. Причем охват был просто фантастическим — от античности до современных западноевропейских литератур XVII — XVIII веков. Пытливый познавательный интерес привел даже к великим литературам Древнего Востока — арабской (дважды будет

переведен Коран!), индийской, китайской. На литературное качество в переводческой практике обращалось исключительное внимание: надо было не просто точно передать текст и донести смысл, но и выразить все с изяществом, дающим почувствовать совершенство оригинала.

Чтобы добиться этого, Н. Новиков нередко заказывал перевод одного сочинения сразу двум или нескольким переводчикам, хорошо оплачивал труд каждого, но для публикации выбирал только безусловно лучший.

Нет ни одного русского писателя того времени, не прошедшего через эту школу. Перевод не только приучал к неукоснительной систематичности литературного труда, но и помогал становлению писательской индивидуальности.

Переводчик на практике осваивал художественные приемы и искусство композиции, темы и мотивы талантливых писателей разных стран и эпох. Литературное мастерство в такой школе совершенствовалось стремительно.

Первым литературным трудом, принесшим Фонвизину известность, стал перевод книги «Нравоучительных басен» выдающегося деятеля скандинавского Просвещения Людвига Хольберга (1684–1754). Хольберг написал свои

сатирические басни прозой и издал их в 1751 году, а уже через десять лет они дошествовали до России. Фонвизин не знал датского и пользовался немецким переводом. В литературной практике восемнадцатого столетия такое случалось часто: многие сочинения проходили двойной перевод. С редкого и не всеми знаемого языка — например, английского или датского — произведение переводилось сначала на язык общеевропейского литературного общения — французский или немецкий и таким образом становилось доступным и русским переводчикам. Но точность переводов была исключительна, и, даже пройдя такой непростой путь, произведение практически ничего не теряло.

Моралистические сентенции датского писателя под пером Фонвизина нередко становились живыми сценками, где под видом привычных для басни животных осмеивались повадки двора и чванство вельмож. Особенно удались переводчику остроумные и изящные диалоги.

Фонвизин будет обращаться к переводам всю жизнь, но переведет в целом не столь уж много. Он будет подходить к ним весьма избирательно, как правило останавливая свой выбор только на иноязычных сочинениях, созвучных строю его

мыслей и позволяющих выразить задушевные настроения, насытив их живописной размашистостью и писательской мощью. То не было поденной или рутинной работой, и не случайно поэтому главные свои переводы Фонвизин без раздумий включает в собрание собственных сочинений: столь важными они ему представлялись.

В XVIII веке искусство письменной речи и чистота слога немало помогали продвижению по служебной лестнице. Уже первые переводы Фонвизина были замечены, и его сразу же после университета принимают переводчиком в Иностранную коллегию. Для поступления туда Денис при своем прошении приложил пробные переводы с трех языков — французского, немецкого и латинского. (Коллегия иностранных дел — едва ли не обычное место служебной деятельности многих знаменитых наших писателей: и Грибоедов, и Пушкин, и Кюхельбекер начинали там свою службу.) С тех пор и в продолжение всей своей службы Фонвизин будет общаться с самыми влиятельными лицами государства; отныне он посвящен в тайны внешней политики России, о которых ему строжайше заповедано делиться даже с близкими.

Всего лишь через год Фонвизина берет к себе в качестве статс-секретаря в канцелярию И. П. Елагин. Иван Перфильевич Елагин — колоритнейшая фигура XVIII века. Сподвижник А. П. Сумарокова, создатель широко известных стихотворных и театральных сочинений, в том числе первого у нас литературного памфлета «Автор», а также нашумевшей сатиры «На петиметра», которая откроет ход одной из самых жестоких полемик в новой русской словесности (А. Сумароков — М. Ломоносов — В. Тредиаковский). Елагин тяготел к философическим рассуждениям, написанным довольно туманным и напыщенным слогом. Но он любил и ценил и фольклор и одним из первых принялся за обдумывание эстетического опыта народной поэзии и национальной мифологии. В салоне Елагина нередко звучали и русские народные песни, которые прекрасно исполняла его младшая дочь. Фонвизин надолго запомнит ее задушевное исполнение песни «Из-за лесу, лесу темного…».

Фонвизин прослужит у Елагина около шести лет. До поры до времени увлечение литературой и театром объединяло их, но когда комедия «Бригадир» принесла Фонвизину широкую и шумную славу в придворных кругах, в патроне зашевели-

лась ревность. Недоброжелатели Фонвизина эту ревность искусно подогревали. Особенно много огорчений Фонвизину принес В. И. Лукин. До конца жизни Фонвизин будет помнить обиды и неприятности, возникшие по наветам Лукина. Это необычно для Фонвизина: он был вспыльчивым человеком, но умел скоро прощать. Нам сейчас многое непонятно в отношениях замечательных русских писателей XVIII века, в их жестоких спорах и ссорах. Мы смотрим на них с неизменным уважением и не решаемся принять ту или иную сторону. Мы склонны уважительно отметить вклад каждого, кто содействовал развитию русского просвещения и отечественной словесности. Владимир Игнатьевич Лукин — даровитый и по-своему интересный драматург, много сил отдавший переработкам на русский лад французских пьес (принцип «склонения» на русские нравы), пытавшийся вывести репертуар русского театра на национальные темы.

Может быть, Фонвизин и сам был небезгрешен. Его острый язык, умение зорко подмечать слабые и смешные черты в характере и поведении других людей нередко задевали за живое. Часто Фонвизин обижал без злого умысла, не думая обижать, но тем легко наживал себе врагов. Его

отточенные реплики запоминались и мгновенно разносились по столице. Попасть «на зубок» такому остроумцу мало кому хотелось. (В конце жизни Фонвизин будет раскаиваться в этом.)

3

В 1769 году Фонвизин пишет свою первую оригинальную комедию «Бригадир». Озорная и веселая, комедия стала известна гораздо ранее театральной премьеры (1780): автор неподражаемо читал ее «в лицах», искусно переменяя голос и интонации, и его наперебой приглашали в самые знатные дома столицы. Сама императрица соблаговолила выслушать даровитого автора. Здесь его талантом восхитился граф Н. И. Панин, министр иностранных дел и воспитатель наследника престола цесаревича Павла. Фонвизин в одночасье становится петербургской знаменитостью, и именно после этих чтений резко меняется его судьба: начинается испытание известностью и славой. Да вдобавок и граф Панин переманивает его в свою канцелярию, и отныне драматург — его ближайший и незаменимый сотрудник и сподвижник. Несмотря на значительную разницу в возрасте (27 лет), отношения с Никитой Паниным, замечательным государственным

деятелем России XVIII века, у Фонвизина самые доверительные и прочные. Их многое роднило в понимании состояния России, в оценке правления Екатерины.

Действие пьесы перенесено в деревню, но Фонвизин никогда не жил в деревне. Он описывает, конечно, «московским говором московские нравы». (В письмах в Москву Фонвизин просит свою литературно одаренную старшую сестру записывать для него примечательные слова и обороты «московской речи», а также занятные житейские случаи.) Любопытно, что XIX век этой подмены не заметит. Во многом потому, что разница не была столь уж велика, а в XIX веке она и вовсе сгладится, и то, что считалось московским, «сядет», опустится на самое дно российской провинциальной жизни.

В центре пьесы герой (точнее, антигерой) со сказочным именем Иванушка. Но если в наших сказках такой персонаж наделен здравым смыслом или «иной правдой», недоступной выгоде и чистогану, то в пьесе Иванушка слепо подражает всему французскому.

Родители Иванушки не привили ему прочных корней: он — как тростник, колеблемый на ветру. Такие «иванушки» — не редкость на всем протя-

жении русской истории, а XVIII и XIX века ими особенно богаты. В разное время они склоняются к разным нравам — то голландско-немецким, то французским, то американским и т. д. У них нет укорененности в русской почве.

Казалось бы, странно: отец Иванушки — бригадир. Пусть звание бригадира давалось по выходе в отставку и реально он дослужился до полковника. Но все-таки он прошел по всем ступеням этой тяжелой лестницы — солдатской и офицерской службы. Служил в армии, которая вела наступательные и победоносные войны и с Турцией, и со Швецией, и с Пруссией; в армии, которая триумфально вошла в Берлин и которую своим полководческим искусством прославляли и Петр Великий, и Миних, и Румянцев, и Суворов. В русской армии того времени возобладали творческие начала, бережное и уважительное отношение к солдату. Но ни одной кампании, ни одного сражения, ни одного высокого поучительного примера этот служака не вспомнит. А ведь мог бы: о взаимовыручке, солдатском братстве, самопожертвовании, о чем-то высоком; даже о тяготах, которые приходилось преодолевать в походах, о любви к Отечеству. Но речь его не выходит за пределы карьерных хлопот и пережи-

ваний. И кажется, что всю жизнь свою он провел в далеком тыловом гарнизоне и мерил службу годами и неделями на пути к очередному званию. Это, в сущности, и не армия даже — та, русская, победоносная, не защитница Отечества, а нечто чиновно-служилое и бескрыло-рутинное.

Конечно, подходить к комедии с мерками психологических соответствий — это, может быть, строгость излишняя. Но мы имеем дело не с рядовым произведением совсем не рядового писателя. За ним пойдет отчетливая традиция: фонвизинский бригадир откроет целую галерею военных «антигероев» — высших армейских офицеров. Следующим будет полковник (без пяти минут генерал) — Скалозуб, который может говорить о чем угодно, но ни словечком не вспомнит о величайшем народном подвиге в войне 1812 года.

Матушка Иванушки тоже не просвещена светом истинного христианского учения, и те азы деликатности, душевного такта, которые непереставаемо живут и бытуют в самом простом народе, ей не знакомы: она ими бедно одарена. Она послушна, предана своему солдафону мужу, по-своему любит сына, неумно, но все-таки… И только. Этому образу не сообщено человеческого тепла и света. Сейчас образ Бригадирши (заме-

чательно смело и художественно схваченный) уже не вызывает такого оглушительного хохота, как прежде.

Фонвизину трудно даются положительные образы. И Софья, и Добролюбов («Бригадир») разговаривают чересчур правильно, и хотя их реплики можно броско произнести со сцены, они все-таки лишены той сочности, живописности, изумительной сжатости живой русской речи, которыми так богаты отрицательные персонажи пьесы.

Примечательно, однако, что «добродетельные герои» (хотя они и не выходят у Фонвизина убедительными) появляются и в следующей его пьесе — «Недоросль». Причем поручает им значительно более ответственные партии. Это говорит о стремлении Фонвизина запечатлеть разные стороны жизни — и зло, и добродетельные ее начала.

Как известно, новая русская словесность началась с резкого противопоставления двух начал: сатирического — в художестве Антиоха Кантемира и одического, торжественного — в поэзии М. Ломоносова. Казалось, эти начала мало учитывали друг друга и существовали независимо. Но уже ко времени Фонвизина нарастает тяга к

их совмещению, срастанию. Так дает о себе знать стремление русских литераторов запечатлеть жизнь во всей ее сложности, во всем ее богатстве (что впоследствии мы сможем наблюдать в творчестве А. Пушкина).

4

Время от времени возникают попытки истолковать творчество Фонвизина, равно как и других, близких ему просветителей, как старательных деятелей екатерининского Просвещения, рожденных и выпестованных просветительными акциями императрицы. Фонвизин, по мнению некоторых исследователей, имеет гораздо более сходства со взглядами и литературной политикой Екатерины, оппозиционность же его преувеличена. Это не совсем так.

Конец XVIII века — время «крупных» людей. Крупных и в своих достоинствах, и в своих недостатках. Ныне мы уже спокойнее думаем и о Григории Потемкине, и о самой императрице Екатерине II.

Екатерина II, безусловно, сыграла большую роль в развитии русского Просвещения, ее портрет сложен и противоречив, его нельзя рисовать одной краской. Екатерина разрешает издания

журналов и сама активно участвует во «Всякой всячине» (пусть во многом и переписанной с английских нравоучительных журналов начала XVIII века). Императрица не слишком разбирается в живописи, но именно она положит основание уникальному собранию живописи Эрмитажа. Она не очень любит музыку, но русская музыка во время правления Екатерины II достигает значительных высот (Дмитрий Бортнянский, Максим Березовский и др.). Да и приглашенные итальянцы, работающие в Петербурге, — не заштатные ремесленники, а композиторы с европейским именем — Сарти, Арайя, Паизиелло.

Ревнуя ко славе «сочинительницы», Екатерина любила «письменную работу» и много писала и сама. Она автор нескольких комедий «из русских нравов» или в «подражание Шакеспиру»; для своего любимого внука Александра (будущего императора Александра I), которого она отобрала у отца и воспитывала по собственным рекомендациям, императрица сочиняла литературные сказки. Из-под пера Екатерины вышли и исторические, и политические, и юридические сочинения. Такой уж был век: королей заботили лавры «писателей» или «философов» (Фридрих II Прусский тоже отмечен в сочинительстве сти-

хов), а поэты и писатели давали уроки царям, учили их править.

Но, с другой стороны, именно Екатерина много сделала для того, чтобы разрыв между троном и наиболее просвещенной, честной и патриотической частью общества, — разрыв, приведший к столь роковым последствиям в следующем веке, — стал необратимым.

В комедии «Недоросль» главному положительному герою, Стародуму, Фонвизин отводит 450 строк. Даже госпожа Простакова получает в пьесе всего 370 строк. Это объясняется не только речистостью героя, его склонностью к проповедованию и неспешным, но и неостановимым потокам сентенций, выраженных закругленными фразами.

«Говорящее» имя этого героя для драматурга весьма значимо и дано ему не случайно. (Несколько позже, задумывая собственный литературный журнал, Фонвизин выберет для него название «Друг честных людей, или Стародум».)

Образ Стародума для Фонвизина исключительно важен: устами этого «резонера» (а именно так назывался персонаж, которому автор поручал высказывать наиболее ответственные мысли в пьесе) писатель, несомненно, проговаривает

свои самые задушевные мысли.

«Стародумство» не было оформлено как идеологическое течение. «Стародумы» — а к ним вполне можно отнести и выдающегося публициста князя М. М. Щербатова, и замечательного историографа И. Н. Болтина, и самого Д. И. Фонвизина — это не дремучие ретрограды и обскуранты, это европейски образованные люди, которые, однако, считали, что нововведения и реформы не должны нарушать основ национальной жизни. «Стародумы» пересматривают отношение к Петру I, их сердцу мила Древняя Русь, ее религиозные, идейные, этические и эстетические достижения. Не случайно поэтому, что критика существующих порядков в России приобретает у «стародумов» подчеркнуто нравственный характер.

Повышенным вниманием русских идеологов отмечено дворянское сословие, нравственный и гражданский облик дворянина. В их нормативном учении об идеальном монархе особое значение придается «благонравию» государя — «Отца нации». Составной частью учения об идеальном монархе стало учение об идеальном дворянине («отце» вверенных ему Судьбою крестьян). Нравственное же разложение дворянского сословия, считают «стародумы», грозит падением

государства. «Что может быть презреннее дворянина, презревшего свои обязанности перед нацией и Отечеством?» — вопрошают русские писатели. Отсюда — их неизменное и напряженное обдумывание вопросов воспитания дворянина, проблем дворянской семьи.

Восемнадцатый век и нововведения Петра заметным образом сказались на русской семье.

Во-первых, падает нравственная роль главы семьи — отца и мужа: нередко он превращается просто в добытчика денег, стремится блистать и славиться. Но блистать можно было, имея много средств, а на честную копейку ассамблеи и балы не устроишь! Глава семьи становится «гибким», начинает терять нравственную стойкость: он должен потакать, лицемерить, кривить душою, брать взятки… Князь М. М. Щербатов не так уж не прав, говоря в своем знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России», что культ роскоши неодолимо тянул за собой перемены и в психологии, перемены в нравах. Или надо жить честно и не иметь возможности учить своих детей, нанять им стоящего домашнего учителя; или лукавить, льстить царедворцу, самой государыне, чтобы получить выгодное место.

Национальный идеал русской семьи затрещал

по швам. В течение целых столетий великороссы жили, руководствуясь заветами предков, библейскими поучениями и назиданиями «Домостроя». Это сочинение настоятеля Благовещенского собора в Кремле Сильвестра (середина XVI в.), конечно, регламент, установление. Однако автор имел в виду реальные русские семьи, жившие в трудах — чинно, размеренно, но и счастливо. И, без сомнения, такие семьи он наблюдал воочию.

В XVIII веке этот идеал начинает давать сбои — на место несколько однообразной, но степенной и трудовой жизни пришло шумное светское веселье. Соревнуясь в блеске и пышности двора, московские и петербургские помещики старались и у себя устроить «двор в миниатюре». Что-то нарушалось, что-то ломалось в самой сердцевине русской дворянской семьи (эти перемены еще не заденут, не коснутся купеческой и крестьянской семьи).

В русской семье восемнадцатого столетия женщина начинает выступать в необычной роли: она становится полновластной хозяйкой, властительницей, нередко с деспотическими замашками. Уже появляются семьи, где жена унижает мужа, «стирает его в порошок» (именно такую семью Фонвизин и живописует в «Недоросле»). Для нее

уже нет Божьей кары, и поучения апостола «жене глава — муж» (1 Кор. II, 3) забыты ею напрочь.

Если раньше в истинной патриархальности нравов женщина прежде всего понималась как «душа семьи» — хранительница очага и мать, то Петр вздумал вызволить русскую женщину из полумрака женской половины дома. Но блеск ассамблеи непросто было совместить с чинным распорядком русской трудовой семьи. Самый облик русской женщины начинает обретать черты, дотоле ей несвойственные. Раньше подразумевалось, что на каждой женщине-матери непереставаемо должен был сиять отсвет, «лучик» Богородицы. Но разве мыслимо углядеть его в госпоже Простаковой?!

Напомним, что «Недоросль» обдумывался и сочинялся драматургом в пору его «жениховства» — страстного любовного увлечения и строительства собственной семьи, потому-то и мысли его на сей счет самые волнующие и острые. В комедии есть и иной, высокий женский образ — идеал девичества, добродетельный и лучезарный образ Софьи (снова — говорящее имя и в национальной традиции особенное: София — матерь Веры, Надежды и Любви). Но и в этом высоком образе не слышна ли нам скорее неко-

торая печаль по утерянному, по тому, что прежде всегда было, чем мечтание о будущем?..

Образы и мысли Д. Фонвизина имеют множество планов, и далеко не все они нами прояснены и додуманы до конца.

5

Фонвизин — писатель разноплановый и глубокий. Как и большинство русских авторов XVIII века, он сочинял в самых разных жанрах. Однако во мнении своего века Фонвизин — преимущественно обличитель с ярким сатирическим дарованием.

Тем интереснее вглядеться в его поздние творения. В них Фонвизин, так много сил отдавший плодотворной идее «национальной самокритики», обращается к темам, которые отныне ему представляются самыми важными для русского сознания. Одной из таких тем является тема достоинства человека и самоуважения нации.

В 1785 году Фонвизин переводит «Рассуждение о национальном любочестии» И. Г. Циммермана. Этот швейцарский писатель был весьма популярен и у нас, и в Европе в конце XVIII века. Своей известностью в России он обязан вниманием Екатерины II. В 1782 году скоропостижно умирает

довольно еще молодой фаворит императрицы Ланской; Екатерина тяжело переживает эту внезапную смерть. И тут кто-то услужливо кладет ей на стол сочинение Циммермана «О уединении», в котором швейцарский моралист описывал свой выход из душевного кризиса после потери близких.

На императрицу сочинение подействовало благотворно: к ней вернулось душевное равновесие. Она завязывает переписку с Циммерманом, жившим в Ганновере.

Монаршее внимание понудило и русских переводчиков обратиться к творчеству популярного писателя. Сначала, естественно, перевели трактат «О уединении», затем дошел черед и до других сочинений.

Особенно счастливая судьба в 1780-е годы в России (да и в Европе тоже) была у сочинения Циммермана «Рассуждение о национальной гордости». На протяжении восьми лет оно было переведено на русский язык трижды.

Первым к переводу этого сочинения обращается именно Д. Фонвизин. Правда, он перевел только одну главу, заключительную, но зато и самую большую, и как бы подводящую итог всему трактату.

Фонвизин отказывается от словосочетания «национальная гордость» и вспоминает старинное, удержавшееся в церковной практике слово «любочестие». В этом предпочтении Фонвизина сказывается не только читатель православных аскетических поучений, где на слове «гордость» лежал едва ли смываемый отрицательный тон, но и вдумчивый писатель: термин «любочестие» (любовь к чести, почитание) позволял более достойно представить одну из главных, по Фонвизину, гражданских добродетелей — любовь к Отечеству.

Фонвизин не уходит от текста Циммермана и, казалось бы, вышивает словесный узор по наметанной канве, но он вкладывает в перевод всю свою писательскую мощь и насыщает его таким огненным красноречием, что от философического спокойствия и велеречивости оригинала не остается и следа. Это достигается и словарем, который у Фонвизина намеренно «остаринен» и приподнят, и строением фразы.

Это — пережитое. Заветная дума, выношенная в сердце; ей сообщен тон мужественного благородства и сдержанной печали, и кажется, что слово Фонвизина напрямую обращено к потомкам, великороссам будущих поколений.

Писатель рассуждает об облике истинного гражданина и патриота. Он говорит о самом насущном — о любви к своему Отечеству, к национальной истории, к памяти и заветам предков. Но первые его слова — об уважении человека к самому себе, к собственному человеческому достоинству. Без веры в себя и свое назначение не достичь ничего высокого. Такая вера вовсе не противоречит христианскому смирению и вере в Бога, но, напротив, дополняет ее, помогая раскрыть нам дарованные Провидением способности.

Фонвизин не обойдет вниманием и мнимых патриотов, которые куда как горячи на словах, но в трудные для Отечества времена умеют отсидеться в странах, «где жизнь счастливее».

В любви к высокому, заключает Фонвизин, надо воспитывать «со дней младенчества», чтобы юные сердца проникались ревнованием о славе и старались своими достоинствами сравняться со славою предков или превзойти ее. Тогда уже никакой «яд чужих нравов» не растлит сердца.

6

Фонвизин с необыкновенным достоинством пронес по жизни звание русского писателя.

У Гоголя в повести «Ночь перед Рождеством» влюбленный кузнец Вакула, оседлав беса, перелетает в Северную Пальмиру и оказывается во дворце князя Потемкина. Там, в свите императрицы, видит он «стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом…». Со слов государыни ясно, что это — создатель «Бригадира».

Фонвизин не был столь приближен, чтобы непременно находиться в царицыной свите. Но Гоголь не ошибся, подчеркнув прямоту его осанки. Это достоинство писателям XVIII века нужно было еще завоевать! Вспомним, как раболепствовали и сгибались и церковные, и светские писатели перед венценосцами. Вспомним, например, сколь унижен был Тредиаковский, обращенный едва ли не в придворного шута императрицы Анны Иоанновны. (Иван Лажечников расскажет об этом потом в историческом романе «Ледяной дом».) Даже Антиох Кантемир — князь! — вынужден был вести себя подобострастно и, живя во Франции, за казенные деньги покупать бумаги на герцогское звание всесильному временщику и угнетателю родины Бирону.

Чтобы выпрямиться, русскому писателю восемнадцатого столетия понадобилась дерзость. И ее в

избытке хватило у Михайлы Ломоносова. Можно по-разному относиться к его резкостям и спорам, но в лице Ломоносова русская литература бросила вызов и впервые распрямилась во весь рост.

Фонвизин — из следующих «прямостойких» русской литературы. Уже без вызова и эскапад. (Далее будет Карамзин, который, кстати, никогда более не подпишется «Вашего Величества… нижайший раб», но только — «верноподданный».)

Когда пятнадцатилетний Денис Фонвизин вместе с другими лучшими учениками будет представлен в Петербурге вельможному куратору Московского университета графу Ивану Шувалову, он увидит там и Ломоносова. Их разговор длился не более нескольких минут; но такие несколько минут стоят дорого. Фонвизин запомнит их на всю жизнь, и всю жизнь он будет соотносить свою человеческую и писательскую осанку с горделивым обликом Ломоносова.

Фонвизин прошел по жизни внутренне цельным и самодостаточным. Он не лукавил и не выгораживал себя перед Богом («Чистосердечное признание»), но в его исповеди нет униженности: «Это я, Господи!» Он и перед Богом стоит прямо.

Фонвизин, казалось бы, и близок ко двору, но роскошь и блеск двора не ослепят его, и он не

станет придворным одописцем или слагателем торжественных панегириков. Он находится «между», чтобы остаться собой. Чтобы ни к кому не примкнуть и стоять прямо, надобно большое мужество. Конечно, «поздний» Фонвизин знал и непонимание, и одиночество, и вообще его мысли последних лет — это горькие мысли. Он пламенно любит свою Отчизну и видит, насколько разительно несхож ее парадный портрет с действительным ее ликом. Он одержим желанием выправить положение и помочь, но от него отмахиваются, как от докучливой мухи. Он предвидит неминуемые беды и всего более озабочен потерей русскими своего национального лица: они забыли свое родовое, отреклись от глубины предания и обезьянничают, заискивая перед законодателями парижской умственной моды.

В гневе Фонвизин выведет огнедышащие строки своего «Рассуждения о непременных государственных законах». Когда сорок лет спустя Никита Муравьев решит пустить рукописный список этого потаенного сочинения среди декабристов, ему надо будет только обновить несколько старинных слов да переставить запятые. Документ этот — словно рентгеновский снимок всегдашних бед России. Разгадка ее веч-

ного заклятия…

Но Фонвизин предвидит и очень дальние беды. У наших великих отменно чуткий слух: как былинные герои в стародавних баталиях, они прикладывают ухо к родимой земле и слышат ее будущие плачи.

Фонвизин (как и Никита Панин) решительно против разделов Польши. Он всего только месяц не доживет до второго раздела и понимает, что ни Екатерина II, ни Иосиф (Австро-Венгрия), ни Фридрих-Вильгельм II (Пруссия) теперь не остановятся, пока не разорвут Польшу окончательно.

Фонвизину-писателю давно уже выпала трудная судьба: его сочинения «проходят» на уроках в школе. Даже даровитому учителю, педагогу с искрой Божией, непросто подвести юных читателей к тому, чтобы те смогли во всей глубине и свежести оценить фонвизинские комедии и иные его творения.

Но — подумать только! — сколько же поколений русских школьников читали эти «учебные пьесы» на уроках изящной словесности?! На сочинениях Фонвизина воспитывались, — и главное, учились думать и писать — и лицеист Александр Пушкин, и гимназист Николай Гоголь-Яновский, и Федор Достоевский, и Лев Толстой,

и Михаил Пришвин… И снова Денис Иванович напутствует. Он — воспитатель наших вечных учителей! — учит чести, достоинству, любви к Отечеству. И может статься, что и вы услышите горячее, пламенное слово старого писателя…

Радостной встречи!

Э. Афанасьев

Бригадир
Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бригадир[1].
Иванушка, сын его.
Бригадирша.
Советник[2].
Советница, жена его.
Софья, дочь советничья.
Добролюбов.
Слуга советничий.

---

[1] Примечания: 1

Бригадир — военное звание выше полковника и ниже генерала, существовавшее в русской армии XVIII века.

[2] Примечания: 2

Советник — звание чиновника (здесь: статский советник), а также название некоторых должностей в дореволюционной России (советник губернского правления).

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски.

Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит Советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре.

Советник (*смотря в календарь*). Так ежели Бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе.

Сын. Hélas![3]

Бригадир. Очень изрядно, добрый сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женою и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже со всеми вами обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах, мать моя! Да какая церемония меж нами, когда (*указывая на Советника*) хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с Божиим благословением? А чтоб лучше на него, Гуоспода, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Сын (*вслушиваясь, приподнимает шишку колпа-*

---

[3] Примечания: 3

Увы (Сын и Советница часто вставляют в свою речь французские слова и выражения. В сносках дается перевод их на русский язык).

ка). Madame![4] я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О Иванушка! Бог милостив. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили. Мой Игнатий Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Бригадир. Жена, не все ври, что знаешь.

Советник. Полно, соседушка. Не греши, ради бога. Не гневи Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Бригадир. Премудра! Вот-на, соседушка! Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость ее очень на глупость походит. Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, в глаза и за глаза, что ума у нее целая палата. Я мужчина и бригадир, однако ей-ей рад

---

[4] Примечания: 4
Мадам — французское обращение к замужней женщине.

бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

Сын. Dieu![5] Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умов, голова головы лучше.

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Сын. К каким делам? Что читать?

Бригадир. Читать? Артикул и устав военный; не худо прочесть также инструкцию межевую молодому человеку.

Советник. Паче всего изволь читать уложение и указы. Кто их, будучи судьею, толковать умеет, тот, друг мой зятюшка, нищим быть не может.

Бригадирша. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

Советница. Боже тебя сохрани от того, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвеща-

---

[5] Примечания: 5
Боже!

ют. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дурою.

Сын. Madame, вы говорите правду. О! Vous avez raison[6]. Я сам, кроме романов, ничего не читывал, и для того-то я таков, как вы меня видите.

Софья (*в сторону*). Для того-то ты и дурак.

Сын. Mademoiselle[7], что вы говорить изволите?

Советник. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чем-то, с ума сходит.

Софья. То, что я о вас думаю.

Сын. А что бы это было? Je vous pris[8], не льстите мне.

Бригадир. О! это пройдет. У меня жена перед свадьбою недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтоб она когда-нибудь была умнее.

Бригадирша. Дай бог тебе, батюшка, здоровье. Продли бог долгие твои веки; а я, с тобой живучи,

---

[6] Примечания: 6
Вы правы.

[7] Примечания: 7
Мадемуазель — французское обращение к девушке.

[8] Примечания: 8
Прошу вас.

ума не потеряла.

Советник. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

Советница (*вздыхает*). Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

Советник. Она правду говорит. Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе еще до бригадирства рас-проломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил Бог достаточком, который нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов[9], манжет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

Советница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляж-

---

[9] Примечания: 9
Чепцов.

ничать[10]. Я капабельна[11] с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить[12] станешь.

Советник. Без власти Создателя и святейшего Синода[13] развестись нам невозможно. Вот мое мнение. Бог сочетает, человек не разлучает.

Сын. Разве в России Бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение — любить, изменять, жениться и разводиться.

Советник. Да то во Франции, а не у нас, правоверных. Нет, дорогой зять, как мы, так и жены наши, все в руце Создателя. У него все власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Ведь вот, Игнатий Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам Господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы его, мы и деньги считать ленимся, — деньги, которые так редки, что целый парик изочтенных волосов

---

[10] Примечания: 10
Скупиться, скряжничать.

[11] Примечания: 11
Способна.

[12] Примечания: 12
Укорять.

[13] Примечания: 13
Синод — высший орган церковного управления в России до 1917 года.

насилу алтын за тридцать достать можно.

Бригадир. Враки. Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему?

Бригадирша. Не греши, мой батюшка, ради бога. У него генералитет, штаб- и обер-офицеры в одном ранге.

Бригадир. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты Бога-то узнала побольше, так бы ты такой пустоши и не болтала. Как можно подумать, что Богу, который все знает, неизвестен будто наш Табель о рангах?[14] Стыдное дело.

Советница. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискюрировать?[15] Выбрали такую сурьезную материю, которую я не понимаю.

Бригадир. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни

---

[14] Примечания: 14

Табель о рангах — установленный Петром I порядок военных и гражданских званий, насчитывавший четырнадцать классов. Бригадир и советник — звания пятого класса.

[15] Примечания: 15

Разговаривать.

до баталий[16], и ничего такого, что бы…

Советник. Что бы по крайней мере хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мне самой скучны те речи, от которых нет никакого барыша. (*К Советнице.*) Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами?[17]Свой ли овес едят лошади или купленный?

Сын. C'ets plus intéressant[18].

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

Советник (*к жене*). Не стыди меня! Матушка Акулина Тимофеевна, люди наши едят застольное. Не прогневайся на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю.

Бригадирша. Так-то у меня мой Игнатий Ан-

---

[16] Примечания: 16

Воинские упражнения, битвы.

[17] Примечания: 17

То есть держит ли помещик для своих дворовых людей общий стол или выдает им деньги на питание.

[18] Примечания: 18

Это более интересно.

дреич: ему ни до чего дела нет. Я одна хожу в анбары.

Советник (*в сторону*). Сокровище, а не женщина! Какие у нее медоточивые уста! Послушать ее только, так раб греха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадир. Что ты это говоришь, сват? (*В сторону*.) Здешняя хозяйка не моей бабе чета.

Советник. Хвалю разумное попечение твоей супруги о домашней экономии.

Бригадир. Благодарен я за ее экономию. Она для нее больше думает о домашнем скоте, нежели обо мне.

Бригадирша. Да как же, мой батюшка? Ведь скот сам о себе думать не может. Так не надобно ли мне о нем подумать? Ты, кажется, и поумнее его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадир. Слушай, жена, мне все равно, сдуру ли ты врешь или из ума, только я тебе при всей честной компании сказываю, чтобы ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будет худо!

Сын. Mon pére![19] Не горячитесь.

Бригадир. Что, не горячитесь?

Сын. Mon pére, я говорю, не горячитесь.

---

[19] Примечания: 19
Отец!

Бригадир. Да первого-то слова, черт те знает, я не разумею.

Сын. Ха-ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете!

Бригадир. Эк он горло-то распустил. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

Советница. Полно, сударь. Разве ваш сын должен говорить с вами только тем языком, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатий Андреевич, пусть Иванушка говорит как хочет. По мне, все равно. Иное говорит он, кажется, по-русски, а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и говорить, ученье свет, неученье тьма.

Советник. Конечно, матушка! Кому Бог открыл грамоту, так над тем и сияет благодать Его. Ныне, слава богу, не прежни времена. Сколько грамотей у нас развелось; и то-то, ведь кому Господь откроет. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику; и ныне никто ее не знает, а все пишут. Сколько у нас исправных секретарей, которые экстракты сочиняют без грамматики, любо-дорого смотреть! У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной ученый и с грамматикою

вовеки того разуметь не может.

Бригадир. На что, сват, грамматика? Я без нее дожил почти до шестидесяти лет, да и детей взвел. Вот уже Иванушке гораздо за двадцать, а он — в добрый час молвить, в худой помолчать — и не слыхивал о грамматике.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, так ведь ее купить еще надобно. Заплатишь за нее гривен восемь, а выучишь ли, нет ли — Бог знает.

Советница. Черт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе по крайней мере изорвала я одну на папильоты[20].

Сын. J'en suis d'accord[21], на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду[22], и мне кажется, что свет мой, душа моя, adieu, ma reine[23], можно сказать, не заглядывая в грамматику.

---

[20] Примечания: 20
Бумажки для завивки волос.

[21] Примечания: 21
Я с вами согласен.

[22] Примечания: 22
Любовных записок.

[23] Примечания: 23
Прощайте, моя королева.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Слуга

Слуга. Господин Добролюбов приехать изволил.

Софья (*в сторону*). Боже мой! Он приехал, а я невеста другому.

Советник. Пойдем же навстречу сына друга моего и погуляем с ним по саду.

Бригадир (*к Советнице*). Не изволите ли и вы проходиться?

Советница. Нет, сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш сделает компанию.

Сын. De tout mon cœur[24], я с вами наедине быть рад.

Советник (*к Бригадирше*). Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Советница (*Софье*). А ты по крайней мере сделай компанию своей свекрови.

ЯВЛЕНИЕ III

Советница, Сын

---

[24] Примечания: 24
От всего сердца.

Сын (*садится очень близко Советницы*). Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Сын. Он, я вижу, походит на моего батюшку, который во свой век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твое чистосердечие. Ты не щадишь отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Сын. Черт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать[25].

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.

Сын. Ваш резонеман[26] справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

Сын. Пожалуй, говори, что изволишь. Я инди-

---

[25] Примечания: 25
Щадить.

[26] Примечания: 26
Рассуждение.

феран[27] во всем том, что надлежит до моего отца и матери.

Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?

Сын. Dieu! Какой вы знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно об этом говорить без всякой диссимюлации[28]. (*Вздохнув.*) Итак, вы знаете, что я пренесчастливый человек. Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами, а я, черт меня возьми, я живу с животными.

Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего урода. Муж мой — прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседи наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам, обнявшись с женами. А жены их — ха-ха-ха-ха! — жены их не знают еще и до сих пор, чтоу

---

[27] Примечания: 27
Равнодушен, безразличен.

[28] Примечания: 28
Притворства.

это — дезабилье[29], и думают, что будто можно прожить на сем свете в полшлафроке. Они, душа моя, ни о чем больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи…

Сын. Pardieu![30] Поэтому мать моя годится в число ваших соседок; а давно ли вы живете с такою тварью?

Советница. Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего, и для того повез меня мучить в деревню.

Сын. Которую, конечно, нажил до указа.

Советница. При всем том он скуп и тверд, как кремень.

Сын. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.

Советница. Мой урод при всем том ужасная ханжа: не пропускает ни обедни, ни заутрени и думает, радость моя, что будто Бог столько ком-

---

[29] Примечания: 29

Модное утреннее платье, предмет особой заботы щеголих XVIII века. Полшлафрок — обычный халат, в котором считалось неприличным принимать гостей.

[30] Примечания: 30

Черт возьми!

плезан[31], что он за всенощною простит ему то, что днем наворовано.

Сын. Напротив того, мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и черт есть; однако, женяся на моей матушке, скоро поверил, что нечистый дух экзистирует[32].

Советница. Переменим речь, je vous en prie[33]: мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят.

Сын. Madame! Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать

---

[31] Примечания: 31
Снисходителен.

[32] Примечания: 32
Существует.

[33] Примечания: 33
Я прошу вас.

голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов[34]; я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, черт меня возьми, приметить не могу.

Сын. Pardieu! Конечно, этого и никто приметить не может.

Советница. После туалета лучшее мое препровождение в том, что я загадываю в карты.

Сын. Вы знаете загадывать, grand Dieu![35] Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам мое искусство?

Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сын (*придвинув столик с картами*). Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.

Советница. С радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сын (*подумав*). Загадал.

Советница (*раскладывает карты*). Ах, что я вижу! Свадьба! (*Вздыхает.*) Король женится.

Сын. Боже мой! Он женится! Что мне этого

---

[34] Примечания: 34
Одних чувств, одного мнения.

[35] Примечания: 35
Великий Боже!

несноснее!

Советница. А дама его не любит…

Сын. Черт меня возьми, ежели и я люблю. Нет, нет сил более терпеть. Я загадал о себе. Ah, madame! Или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Советница (*вздыхая и жеманяся*). Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сын. Она постоянна!.. О, верх моего несчастья! Она еще и постоянна! Клянусь вам, что ежели я это в ней, женяся, примечу, то ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели бы вы были жена моя, я бы век не развелся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.

Сын. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.

Советница. Очень хорошо. Король трефовый и кёровая дама[36].

Сын (*разложив карты*). Король смертно влюблен в даму.

---

[36] Примечания: 36
Дама червей.

Советница. Ах, что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.

Сын (*посмотрев на нее с нежностью*). И дама к нему не без склонности.

Советница. Ах, душа моя, не без склонности! Скажи лучше, влюблена до безумия.

Сын. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта кёровая дама. Вы краснеете, вы бледнеете. Конечно, это…

Советница. Ах, как несносно признаваться в своей пассии![37]

Сын (*с торопливостию*). Так это вы…

Советница (*притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоит*). Я, я сама.

Сын (*вздохнув*). А кто этот преблагополучный трефовый король, который возмог пронзить сердце кёровой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я все вдруг тебе сказала.

Сын (*встав*). Так, madame, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучный трефовый король, так пламень мой к вам худо награжден.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Сын (*кинувшись на колени*). Ты кёровая дама!

---

[37] Примечания: 37
Страсти.

Советница (*поднимая его*). Ты трефовый король!

Сын (*в восхищении*). О счастье! О bonheur![38]

Советница. Может быть, ты, душа моя, и не ведаешь того, что невеста твоя влюблена в Добролюбова и что он сам в нее влюблен смертно.

Сын. St… St… Они идут. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux[39]. Нам надобно непременно оставить их в покое, чтоб они со временем в покое нас оставили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Добролюбов и Софья

Софья. Вы изволили здесь остаться одни, матушка; я нарочно пришла к вам для того, чтобы вам одним не было скучно.

Добролюбов. А я, сударыня, взял смелость проводить ее к вам.

Советница. Нам очень здесь нескучно. Мы загадывали в карты.

Сын. Мне кажется, mademoiselle, что вы как нарочно сюда, сведать о вашей свадьбе.

---

[38] Примечания: 38
Счастье.

[39] Примечания: 39
О, как мы счастливы.

Софья. Что это значит?

Советница. Мы загадывали о тебе, и если верить картам, которые, впрочем, никогда солгать не могут, то брак твой не очень удачен.

Софья. Я это знаю и без карт, матушка.

Сын. Вы это знаете, на что ж вы рискуете?

Софья. Тут никакого риску нет, а есть очевидная моя погибель, в которую ведут меня батюшка и матушка.

Советница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отроду того не хотела, чего отец твой хочет.

Сын. На что такие изъяснения? (*К Советнице.*) Madame, мы друг друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтиться с компаниею?

Советница. Для меня нет ничего комоднее[40] свободы. Я знаю, что все равно, иметь ли мужа или быть связанной.

Сын (*дает ей знаки, чтоб она Софью и Добролюбова оставила*). Да разве вы никогда отсюда выйти не намерены…

Советница. Изволь, душа моя.

---

[40] Примечания: 40
Удобнее.

ЯВЛЕНИЕ V

Добролюбов, Софья

Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит?

Софья. Это значит то, что мой жених ко мне нимало не ревнует.

Добролюбов. А мне кажется, что и мачехе твоей не противно б было, если б твоя свадьба чем-нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо приметно. Мне кажется, что мы очень некстати к ним взошли.

Добролюбов. Тем лучше, ежели этот дурак в нее влюбился, да и ей простительно им плениться.

Софья. В рассуждении ее кокетства очень простительно, и она лучшего себе любовника найти, конечно, не может; однако я жалею о батюшке.

Добролюбов. О, пожалуй, о нем не тужите. Батюшка ваш, кажется мне, с отменною нежностью глядит на бригадиршу.

Софья. Нет. Этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачехе моей не изменит, чтоб не прогневить Бога.

Добролюбов. Однако он ведает и то, что Бог долготерпелив.

Софья. Ежели ж это правда, то, кроме брига-

дирши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого.

Добролюбов. Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие. Наша же любовь основана на честном намерении и достойна того, чтоб всякий пожелал нашего счастия. Ты знаешь, что ежели б мой малый достаток не отвратил отца твоего иметь меня своим, то бы я давно уже был тобою благополучен.

Софья. Я тебя уверяла и теперь уверяю, что любовь моя к тебе кончится с жизнию моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоею женою. Малый твой достаток меня не устрашает. Я все на свете для тебя снести рада.

Добролюбов. Может быть, и достаток мой скоро умножится. Дело мое приходит к концу. Оно давно б уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают. Вот для чего до сих пор бедное мое состояние не переменяется.

Софья. Мы долго заговорились. Нам надобно идти к ним, для избежания подозрения.

Конец первого действия

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ I

Советники Софья

Советник. Поди сюда, Софьюшка. Мне о многом с тобою поговорить надобно.

Софья. О чем изволите, батюшка?

Советник. Во-первых, о чем ты печалишься?

Софья. О том, батюшка, что ваша воля с моим желанием несогласна.

Советник. Да разве дети могут желать того, чего не хотят родители? Ведаешь ли ты, что отец и дети должны думать одинаково? Я не говорю о нынешних временах: ныне все пошло новое, а в мое время, когда отец виноват бывал, тогда дерут сына; а когда сын виноват, тогда отец за него отвечает; вот как в старину бывало.

Софья. Слава богу, что в наши времена этого нет.

Советник. Тем хуже. Ныне кто виноват, тот и отвечай, а с иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноват только один виноватый. Бывало…

Софья. А правому, батюшка, для чего ж быть

виноватым?

Советник. Для того, что все грешны человецы. Я сам бывал судьею: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду; и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик.

Софья. Позвольте мне, батюшка, усумниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватым, когда он обвинен был.

Советник. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвинен, тогда он уже стал не правый, а виноватый; так ему нечего тут умничать. У нас указы потверже, нежели у челобитчиков. Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может.

Софья. Чего ж, наконец, батюшка, вы от меня желаете?

Советник. Того, чтобы ты мой указ идти замуж толковала не по нашему судейскому обычаю и шла бы за того, за кого я тебе велю.

Софья. Я вам должна повиноваться; только представьте себе мое несчастие: я женою буду такого дурака, который набит одними французскими глупостями, который не имеет ко мне не только любви, ни малейшего почтения.

Советник. Да какого ты почтения от него изволишь? Мне кажется, ты его почитать должна, а не он тебя. Он будет главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, девочка молодая и не читывала Священного Писания.

Софья. По крайней мере, батюшка, будьте вы в том уверены, что он и вас почитать не будет.

Советник. Знаю, все знаю; однако твой жених имеет хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Советник. Деревеньки у него изрядные. А если зять мой не станет рачить о своей экономии, то я примусь за правление деревень его.

Софья. Я не думаю, чтоб будущий мой свекор захотел вас трудить присмотром за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочем, я ни через то, ни через другое не выигрываю. Я привыкла быть свидетельницею доброй экономии.

Советник. Тем лучше. Ты своего не растеряешь; а это разве малое тебе счастье, что ты иметь будешь такую свекровь, которая, мне кажется, превосходит всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастию моему, их в ней приметить еще не могла.

Советник. Это все-таки оттого же, что ты девоч-

ка молодая и не знаешь, в чем состоят прямые добродетели. Ты не ведаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути к своему спасению.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участие свекровь может иметь в пути моего спасения.

Советник. А вот какое: вышед замуж, почитай свекровь свою; она будет тебе и мать, и друг, и наставница. А ты ее первую по бозе[41], угождай во всем быстропроницательным очам ее и перенимай у нее все доброе. О таковом вашем согласии и люди на земле возвеселятся, и ангели на небесах возрадуются.

Софья. Как, батюшка, неужели ангелам на небесах так много дела до моей свекрови, что они тогда радоваться будут, ежели я ей угождать стану?

Советник. Конечно, так. Или думаешь ты, что у Господа в книге животных Акулина Тимофеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не ведаю, есть ли в ней она.

Советник. А я верую, что есть. Поди ж ты, друг мой, к гостям и как будто от себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я, я наставляю тебя угождать ей.

---

[41] Примечания: 41
Первую после Бога.

Софья. Позвольте мне вам доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду без всякого высказывания?

Советник. Я велю тебе ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вот тебе мой ответ. Пошла!

ЯВЛЕНИЕ II

Советник (*один*). Она не дура, однако со всем ее умом догадаться не может, что я привязан к ее свекрови, привязан очами, помышлениями и всеми моими чувствами. Не знаю, как объявить ей о моем окаянстве.

Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грехов моих тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моление, чтоу сотворит со мною Игнатий Андреевич, который столько же хранит свою супругу, сколько я свою, хотя, впрочем, и не проходило у нас сряду двух часов бесспорно? Вот до чего доводит к чужой жене любовь. Выдаю дочь мою против желания за ее сына, для того только, чтоб чаще возмог я по родству видеться с возлюбленною сватьею. В ней нахожу я нечто отменно разумное, которое другие приметить в ней не могут. Я не говорю о ее муже. Он хотя и всегда слыл мужиком разумным, однако военный человек, а притом и кавалерист,

не столько иногда любит жену свою, сколько свою лошадь… А! да вот она и идет.

ЯВЛЕНИЕ III

Советник и Бригадирша

Советник. Ох!

Бригадирша. О чем ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Советник. О своем окаянстве.

Бригадирша. Ты уже и так, мой батюшка, с поста и молитвы скоро на усопшего походить будешь, и долго ли тебе изнурять свое тело?

Советник. Ох, моя матушка! Тело мое еще не изнурено. Дал бы Бог, чтоб я довел его грешным моим молением и пощением до того, чтоб избавилося оно от дьявольского искушения: не грешил бы я тогда ни на небо, ни пред тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чем ты, батюшка, грешишь предо мною?

Советник. Оком и помышлением.

Бригадирша. Да как это грешат оком?

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком…

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обем. Неужели это грешно?

Советник. Так-то грешно для меня, что если хочу я избавиться вечныя муки на том свете, то должен я на здешнем походить с одним глазом до последнего издыхания. Око мое меня соблазняет, и мне исткнуть его необходимо доулжно для душевного спасения.

Бригадирша. Так ты и вправду, мой батюшка, глазок себе выколоть хочешь?

Советник. Когда все грешное мое тело заповедям супротивляется, так, конечно, и руки мои не столь праведны, чтоб они одни взялись исполнять Писание; да я страшусь теплыя веры твоего сожителя, страшусь, чтоб он, узрев грех мой, не совершил на мне заповеди Божией.

Бригадирша. Да какой грех?

Советник. Грех, ему же вси смертные поработилися. Каждый человек имеет дух и тело. Дух хотя бодр, да плоть немощна. К тому же несть греха, иже не может быть очищен покаянием… (*С нежностию.*) Согрешим и покаемся.

Бригадирша. Как не согрешить, батюшка! Един Бог без греха.

Советник. Так, моя матушка. И ты сама теперь исповедуешь, что ты причастна к греху сему.

Бригадирша. Я исповедуюся, батюшка, всегда в Великий пост на первой. Да скажи мне, пожалуй,

что тебе до грехов моих нужды?

Советник. До грехов твоих мне такая же нужда, как и до спасения. Я хочу, чтоб твои грехи и мои были одни и те же и чтоб ничто не могло разрушити совокупления душ и телес наших.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупление? Я церковного-то языка столько же мало смышлю, как и французского. Ведь кого как Господь миловать захочет. Иному откроет он и французскую, и немецкую, и всякую грамоту; а я, грешная, и по-русски-то худо смышлю. Вот с тобою не теперь уже говорю, а больше половины речей твоих не разумею. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумею. Коли чью я речь больше всех разберу, так это своего Игнатья Андреевича. Все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай… Да видал ли ты, мой батюшка, попугаев?

Советник. Не о птицах предлежит нам дело, дело идет о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотения? Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь? Советник. Могу ли я просить… Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денег, то я всем ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы ныне деньги: ими никто даром

не ссужает, а для них ни в чем не отказывают. Здесь входит Сын, а они его не видят.

Советник. Не о деньгах речь идет: я сам для денег на все могу согласиться. (*Становится на колени.*)

Я люблю тебя, моя матушка…

В самое то время, увидев Советник Сына, вскочил, а Сын хохочет и аплодирует.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Сын

Сын. Bravissimo! Bravissimo![42]

Бригадирша. Что ты, Иванушка, так прыгаешь! Мы говорили о деле. Ты помешал Артамону Власьичу: он не знаю чего-то у меня просить хотел.

Сын. Да он, матушка, делает тебе déclaration en forme[43].

Советник. Не осуждай, не осужден будеши. (*Оторопев, выходит.*)

Бригадирша. Иванушка! Вытолкуй ты мне лучше, что ты теперь сказал.

---

[42] Примечания: 42
Этим восклицанием Сын выражает свое восхищение увиденным.

[43] Примечания: 43
Формальное предложение.

Сын. Матушка, он с тобою амурится![44] Разумеешь ли ты хотя это?

Бригадирша. Он амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на уме!

Сын. Черт меня возьми, ежели это не правда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься, опомнись! Ведь чертом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сын. Матушка, я вижу, ты этому не веришь. Да на что он становился на колени?

Бригадирша. Я почем знаю, Иванушка. Неужели это для амуру? Ах, он проклятый сын! Да что он это вздумал?

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Советница

Сын. Madame! я теперь был свидетелем пресмешныя сцены. J'ai pensé crever de rire[45]. Твой муж объявил любовь свою моей матушке! Ха-ха-ха-ха!

Советница. Не вправду ли? (*Во время речи Бри-*

---

[44] Примечания: 44
От французского слова amour — любовь.

[45] Примечания: 45
Я думал, что лопну от смеха.

гадиршиной отводит Сына и нечто шепчет ему.)

Бригадирша (*в сердцах*). Ах он, собака! Да что он и вправду затеял? Разве у меня Бог язык отнял? Я теперь же все расскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ка он ему лоб раскроит по-свойски. Что он это вздумал? Ведь я бригадирша! Нет, он плут! Не думай того, чтоб он нашел на дуру! Мне, слава богу, ума не занимать! Я тотчас пойду…

Сын и Советница ухватили ее за полы.

Сын. Матушка, постой, постой…

Советница. Постой, сударыня.

Сын. Да разве ты, матушка, не приметила, что я шутил.

Бригадирша. Какая шутка! Ведь я слышала, как ты божился.

Советница. Он, сударыня, конечно, шутил.

Сын. Черт меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. Как, ты и теперь так же, батюшка! Что за дьявольщина! Да чему же верить?

Советница. Как, сударыня! Вы не можете шутки отделить от серьезного?

Бригадирша. Да нельзя, мать моя: ведь он так божится, что мой язык этого и выговорить не поворотится.

Советница. Да он, конечно, в шутку и побо-

жился.

Сын. Конечно, в шутку. Я знавал в Париже, да и здесь, превеликое множество разумных людей, et même fort honnêtes gens[46], которые божбу ни во что не ставят.

Бригадирша. Так ты и заправду, Иванушка, шутил?

Сын. Хотите ли вы, чтоб я еще вам побожился?

Бригадирша. Да ты, может быть, опять шутить станешь! То-то, ради бога, не введи ты меня в дуры.

Советница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели б это была правда, я сама капабельна взбеситься.

Бригадирша. Ну, слава богу, что это шутка. Теперь душа моя на месте. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Сын и Советница

Советница. Ты было все дело испортил. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, ведь бы он взбесился и ту минуту увез отсюда и тебя с нею.

Сын. Madame! Ты меня в этом простить можешь.

---

[46] Примечания: 46
И даже очень порядочных людей.

Признаюсь, что мне этурдери[47] свойственно; а инако худо подражал бы я французам.

Советница. Мы должны, душа моя, о том молчать, и нескромность твою я ничем бы не могла экскюзовать[48], если б осторожность не смешна была в молодом человеке, а особливо в том, который был в Париже.

Сын. О, vous avez raison![49] Осторожность, постоянство, терпеливость похвальны были тогда, когда люди не знали, как должно жить в свете; а мы, которые знаем, что это такое, que de vivre dans le grand monde[50], мы, конечно, были бы с постоянством очень смешны в глазах всех таких же разумных людей, как мы.

Советница. Вот прямые правила жизни, душа моя. Я не была в Париже, однако чувствует сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человеческое есть всегда сердце, и в Париже, и в России: оно обмануть не может.

---

[47] Примечания: 47
Легкомыслие, дурачество.

[48] Примечания: 48
Извинить.

[49] Примечания: 49
Вы правы!

[50] Примечания: 50
Жить в большом свете.

Сын. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме. Mon Dieu! Как судьбина милосердна! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы друг для друга.

Советница. Без сомнения, мы рождены под одною кометою.

Сын. Все несчастие мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сын. Это такой défaut[51], которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что ж мне делать?

Сын. Дай мне в себе волю. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable[52] увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, les restes de nos jours[53], будем иметь утешение проводить с французами; тамо увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь

---

[51] Примечания: 51
Недостаток.

[52] Примечания: 52
Благоприятный случай.

[53] Примечания: 53
Остатки наших дней.

société[54].

Советница. Верно, душа моя! Только, я думаю, отец твой не согласится отпустить тебя в другой раз во Францию.

Сын. А я думаю, что и его увезу туда с собою. Просвещаться никогда не поздно; а я за то порукою, что он, съездя в Париж, по крайней мере хотя сколько-нибудь на человека походить будет.

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтет и раю, и Парижу. Словом, он мне делает свой кур[55].

Сын. Как? Он мой риваль?[56]

Советница. Я примечаю, что он смертно влюблен в меня.

Сын. Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?

Советница. Как, душа моя, ты и с отцом подраться хочешь?

Сын. Et pourquoi non?[57] Я читал в прекрасной

---

[54] Примечания: 54
Общество, общение.

[55] Примечания: 55
Он за мной ухаживает.

[56] Примечания: 56
Соперник.

[57] Примечания: 57
А почему нет?

книге, как бишь ее зовут… le nom m'es téchappé[58], да… в книге «Les sottises du temps»[59], что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль… а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилося в Париже?

Советница. Твой отец очень смешон… такие дураки… Ах! как он легок на помине-то… вот он и идет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Бригадир

Бригадир. Я уж начал здесь хозяйничать. Пришел вас звать к столу. Да что ты, матушка, разговорилась с моим повесою? А ты что здесь делаешь? Ты должен быть с своею невестою.

Сын. Батюшка, я здесь быть хочу.

Бригадир. Да я не хочу.

Советница. Да вам, сударь, какое до того дело?

Бригадир. Мне не хочется, матушка, чтоб он тебе болтаньем своим наскучил. Я лучше бы хотел сам с тобою поговорить о деле.

Советница. Говорите, что вам угодно.

---

[58] Примечания: 58
Название я позабыл.

[59] Примечания: 59
«Ошибки времени».

Бригадир. Мне угодно, чтоб сын мой был от вас подале: он вам наскучит.

Советница. Нет, сударь, мы очень весело без вас время проводили.

Бригадир. Да я без тебя скучаю. (*Взглянув на Сына.*) Поди ты вон, повеса.

Советница (*к Сыну*). Когда время идти к столу, так пойдем. (*Подает ему руку, он ведет ее жеманяся; а Бригадир, идучи за ним, говорит.*)

Бригадир. Добро, Иван! Будет то время, что ты и не так кобениться станешь.

Конец второго действия

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадир и Сын

Бригадир. Слушай, Иван! Я редко смолоду краснел, однако, теперь от тебя, при старости, сгорел было.

Сын. Mon cher père![60] Или сносно мне слышать, что хотят женить меня на русской?

Бригадир. Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился.

Сын. Тело мое родилося в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской.

Бригадир. Однако ты все-таки России больше обязан, нежели Франции. Ведь в теле твоем гораздо больше связи, нежели в уме.

Сын. Вот, батюшка, теперь вы уже и льстить мне начинаете, когда увидели, что строгость вам не удалася.

Бригадир. Ну, не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком; а ты думаешь, что я льщу тебе: эдакой осел!

---

[60] Примечания: 60
Мой дорогой отец!

Сын. Эдакой осел! (*В сторону*.) Il ne me flatte pas...[61] Я вам еще сказываю, батюшка, je vous le repète[62], что мои уши к таким терминам не привыкли. Я вас прошу, je vous en prie[63], не обходиться со мною так, как вы с вашим ефрейтором обходились. Я такой же дворянин, как и вы, monsieur[64].

Бригадир. Дурачина, дурачина! Что ты ни скажешь, так все врешь, как лошадь. Ну кстати ли отцу с сыном считаться в дворянстве? Да хотя бы ты мне и чужой был, так тебе забывать того по крайней мере не надобно, что я от армии бригадир.

Сын. Je m'en moque[65].

Бригадир. Что это за манмок?

Сын. То, что мне до вашего бригадирства дела нет. Я его забываю; а вы забудьте то, что сын ваш знает свет, что он был в Париже...

---

[61] Примечания: 61
Он мне не льстит.

[62] Примечания: 62
Я вам повторяю.

[63] Примечания: 63
Я вас прошу.

[64] Примечания: 64
Милостивый государь, господин.

[65] Примечания: 65
Мне все равно, наплевать.

Бригадир. О, ежели б это забыть можно было! Да нет, друг мой! Ты сам об этом напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, из которых за самое малое надлежит, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеном[66].

Сын. Батюшка, вам все кажется, будто вы стоите пред фрунтом и командуете. К чему так шуметь?

Бригадир. Твоя правда, не к чему; а вперед как ты что-нибудь соврешь, то влеплю тебе в спину сотни две русских палок. Понимаешь ли?

Сын. Понимаю, а вы сами поймете ли меня? Всякий галантом[67], а особливо кто был во Франции, не может парировать[68], что он в жизнь свою не имел никогда дела с таким человеком, как вы; следовательно, не может парировать и о том, чтоб он никогда бит не был. А вы, ежели вы зайдете в лес и удастся вам наскочить на медведя, то он с вами так же поступит, как вы меня трактовать хотите.

Бригадир. Эдакий урод! Отца применил к медведю: разве я на него похож?

---

[66] Примечания: 66
Наказание палками.

[67] Примечания: 67
Светский человек.

[68] Примечания: 68
Спорить.

Сын. Тут нет разве. Я сказал вам то, что я думаю: voilá mon caractère[69]. Да какое право имеете вы надо мною властвовать?

Бригадир. Дуралей! Я твой отец.

Сын. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, les animaux[70], одинаковы?

Бригадир. Это к чему? Конечно, все. От человека до скота. Да что за вздор ты мне молоть хочешь?

Сын. Послушайте, ежели все животные одинаковы, то ведь и я могу тут же включить себя?

Бригадир. Для чего нет? Я сказал тебе: от человека до скота, так для чего тебе не поместить себя тут же?

Сын. Очень хорошо; а когда щенок не обязан респектовать[71] того пса, кто был его отец, то должен ли я вам хотя малейшим респектом?

Бригадир. Что ты щенок, так в том никто не сомневается; однако я тебе, Иван, как присяжный человек[72], клянусь, что ежели ты меня еще при-

---

[69] Примечания: 69
Вот мой характер.

[70] Примечания: 70
Животные.

[71] Примечания: 71
Уважать.

[72] Примечания: 72
Дававший военную присягу.

менишь к собаке, то скоро сам с рожи на человека походить не будешь. Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, эдакой скосырь выехал!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Бригадирша

Бригадирша. Что за шум? Что ты, мой батюшка, так гневаться изволишь? Не сделал ли ты, Иванушка, какого нам убытку? Не потерял ли ты чего-нибудь?

Бригадир. И очень много. Пропажа не мала.

Бригадирша (*запыхалася*). Что за беда? Что такое?

Бригадир. Он потерял ум, ежели он у него был.

Бригадирша (*отдыхая*). Тьфу, какая пропасть! Слава богу. Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что-нибудь.

Бригадир. А разве ум-от ничто?

Бригадирша. Как ничто! Кто тебе это сказывал, батюшка? Без ума жить худо; что ты наживешь без него?

Бригадир. Без него! А без него нажила ты вот этого урода; не говаривал ли я тебе: жена! не балуй ребенка; запишем его в полк; пусть он, служа в полку, «ума набирается, как то и я делывал; а ты

всегда изволила болтать: ах! батюшка! нет, мой батюшка! что ты с младенцем делать хочешь? не умори его, свет мой! — Вот, мать моя, вот он здравствует! Вот за минуту применил меня к кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сын (*зевает*). Quelles espèces![73]

Бригадир. Вот, говори ты с ним, пожалуй, а он лишь только рот дерет. Иван, не беси меня. Ты знаешь, что я разом ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каков я.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Советница

Советница. Что ты, сударь, затеял? Возможно ль, чтоб я стерпела здесь такое barbarie?[74]

Бригадир. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Советница. Как! Вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадир. Да ведь, матушка, у него не только что два ребра: ежели я их и выломлю, так с него еще останется. А для меня все равно, будут ли у

---

[73] Примечания: 73
Что за уроды!

[74] Примечания: 74
Варварство.

него те два ребра или не будут.

Бригадирша. Вот, матушка, как он о рождении своем говорить изволит.

Сын (*к Советнице*). C'est l'homme le plus bourru, que je connais[75].

Советница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша к сыну вашему меня беспокоит?

Бригадир. А я, матушка, думал, что грубость его ко мне вас беспокоит.

Советница. Нимало. Я не могу терпеть пристрастия. Мериты[76] должны быть всегда респектованы: конечно, вы не видите достоинств в вашем сыне.

Бригадир. Не вижу, да скажите же вы мне, какие достоинства вы в нем видите?

Советница. Да разве вы не знаете, что он был в Париже?

Бригадирша. Только ль, матушка, что в Париже он был! Еще во Франции. Шутка ль это!

Бригадир. Жена, не полно ль тебе врать?

Бригадирша. Вот, батюшка, правды не говори тебе.

Бригадир. Говори, да не ври.

---

[75] Примечания: 75
Это самый сварливый человек, какого я знаю.

[76] Примечания: 76
Достоинства.

Советница (*к Бригадиру*). Вы, конечно, не слыхивали, как он был в Париже принят.

Бригадир. Он этого сказать мне до сих пор еще не смел, матушка.

Советница. Скажи лучше, что не хотел; а ежели я вас, monsieur, попрошу теперь, чтоб вы о своем вояже что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?[77]

Сын. De tout mon coeur, madame[78]; только в присутствии батюшки мне неспособно исполнить вашу волю. Он зашумит, помешает, остановит…

Советница. Он для меня этого, конечно, не сделает.

Бригадир. Для вас, а не для кого больше на свете, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будет. Говори, Иван.

Сын. С чего ж начать? Par òu commencer?[79]

Советница. Начните с того, чем вам Париж понравился и чем вы, monsieur, понравились Парижу.

Сын. Париж понравился мне, во-первых, тем,

---

[77] Примечания: 77
Удовольствовать.

[78] Примечания: 78
От всего сердца, сударыня.

[79] Примечания: 79
С чего начать?

что всякий отличается в нем своими достоинствами.

Бригадир. Постой, постой, Иван! Ежели это правда, то как же ты понравился Парижу?

Советница. Вы обещали, сударь, не мешать ему. По крайней мере, вы должны учтивостию дамам, которые хотят слушать его, а не вас.

Бригадир. Я виноват, матушка, и для вас, а не для кого более, молчать буду.

Советница (*к Сыну*). Продолжайте, monsieur, continuez[80].

Сын. В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде или я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлася на лицах, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, чтоу они обо мне думают.

Советница (*Бригадиру*). Не должны ли вы прийти в восхищение? Я, ничем не будучи обязана, я от слов его в восторге.

Бригадирша (*плача*). Я без ума от радости. Бог привел на старости видеть Иванушку с таким

---

[80] Примечания: 80
Продолжайте.

разумом.

Советница (*Бригадиру*.) Что ж вы ничего не говорите?

Бригадир. Я, матушка, боюся вас прогневать, а без того бы я, конечно, или засмеялся, или заплакал.

Советница. Continuez, душа моя.

Сын. Во Франции люди совсем не таковы, как вы, то есть не русские.

Советница. Смотри, радость моя, я там не была, однако я о Франции получила уже от тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франции живут по большей части французы?

Сын (*с восторгом*). Vous avez le don de déviner[81].

Бригадирша. Как же, Иванушка! Неужели там люди-то не такие, как мы все русские?

Сын. Не такие, как вы, а не как я.

Бригадирша. Для чего же! Ведь и ты мое рождение.

Сын. N'importe![82] Всякий, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в число тех, затем что он уже стал больше

---

[81] Примечания: 81
У вас есть дар отгадывать.

[82] Примечания: 82
Все равно.

француз, нежели русский.

Советница. Скажи мне, жизнь моя: можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?

Сын. Totalement[83] нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion[84].

Бригадир (*к Советнице*). Матушка, позволь мне одно словцо на все ему сказать.

Сын (*к Советнице*). Cela m'excède, je me retire[85]. (*Выходит.*)

Бригадирша (*к Советнице*). Что он, матушка, это выговорил? Не занемог ли Иванушка, что он так опрометью отсюда кинулся? Пойти посмотреть было.

ЯВЛЕНИЕ IV

Бригадир, Советница

---

[83] Примечания: 83
Совсем.

[84] Примечания: 84
Мечта.

[85] Примечания: 85
Это выводит меня из терпения, я ухожу.

Советница. Вот что вы сделали. Вы лишили меня удовольствия слышать историю вашего сына и целого Парижа.

Бригадир. А я бы думал, что я избавил тебя от неудовольствия слышать дурачества. Разве, матушка, тебе угодно шутить над моим сыном?

Советница. Разве вам, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадир. Над тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали[86], в которую помышляю я о тебе худо.

Советница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму[87].

Бригадир. Не за что, матушка.

Советница. Ваш сын, я вижу, страждет от ваших грубостей.

Бригадир. Теперь для вас ему спускаю; однако рано или поздно я из него французский дух вышибу; я вижу, что он и вам уже скучен.

Советница. Вы ошиблись; перестаньте грубить вашему сыну. Ведаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадир. Какими?

---

[86] Примечания: 86
Расстреляли.

[87] Примечания: 87
Почтительность.

Советница. Разве вы глухи? Разве вы бесчувственны были, когда он рассказывал о себе и о Париже?

Бригадир. Я бы хотел так быть на этот раз, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите; рассказы его — пустошь. Он хотя и мой сын, однако таить нечего; где он был? в каких походах? на которой акции? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь приятное, то прикажи мне, я тебе в один миг расскажу, как мы турков наповал положили, я не жалел басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не так опасно, как теперь.

Советница. Как теперь? Что это такое?

Бригадир. Это то, о чем я, матушка, с тобой давно уже поговорить хотел, да проклятый сын мой с безделками своими мешал мне всякий раз; и ежели тебе угодно, то я его завтра же за это без живота сделаю.

Советница. За что, сударь, хотите вы его так изувечить?

Бригадир. За то, что, может быть, без него я давно бы тебе сказал мой секрет и взял бы от тебя ответ.

Советница. Какой секрет? Какой ответ?

Бригадир. Я чинов не люблю, я хочу одного из

двух: да или нет.

Советница. Да чего вы хотите? Что вы так переменились?

Бригадир. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мне тревога, когда смотрю я на твои бодрые очи.

Советница. Что это за тревога?

Бригадир. Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи против целой неприятельской армии. Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей. Один первый их выстрел простреливший уже навылет мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопают, сдаюся я твоим военнопленным.

Советница. Я, сударь, дискуру[88] твоего вовсе не понимаю и для того, с позволения вашего, я вас оставляю.

Бригадир. Постой, матушка. Я тебе вытолкую все гораздо яснее. Представь себе фортецию[89], которую хочет взять храбрый генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я. Я как храбрый полководец, а ты моя фортеция, которая

---

[88] Примечания: 88
Разговор.

[89] Примечания: 89
Крепость.

как ни крепка, однако все бреу-шу[90] в нее сделать можно.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Советник, Добролюбов

Советник (*к Добролюбову*). Так дело твое уже решено?

Добролюбов. Решено, сударь.

Бригадир. О! Черт их побери! Который раз принимаюсь, да не дадут кончить!

Советница. Что же вы, сударь?

Бригадир. Матушка! Это не такое дело, о котором бы я говорил при вашем сожителе. (*Выходя.*) Я с досады тресну.

ЯВЛЕНИЕ VI

Советник, Добролюбов, Советница

Советник. Да ты как рано о деле своем сведал?

Добролюбов. Сейчас.

Советница. Как? Вы ваш процесс выиграли?

Добролюбов. Так, сударыня; состояние мое гораздо поправилось. Я имею две тысячи душ.

Советник. Две тысячи душ! О Создатель мой,

---

[90] Примечания: 90
Брешь, пролом.

Господи! И при твоих достоинствах! Ах, как же ты теперь почтения достоин!

Советница. Да не были ли вы притом и в Париже?

Добролюбов. Нет, сударыня.

Советница. Жаль: это одно все мериты помрачить может.

Советник. Однако, ежели у кого есть две тысячи душ, то, мне кажется, они все пороки наградить могут. Две тысячи душ и без помещичьих достоинств всегда две тысячи душ, а достоинства без них — какие к черту достоинства; однако, про нас слово, чудно мне, что ты мог так скоро выходить свое дело и, погнавшись за ним, не растерял и достальное.

Добролюбов. Ваша правда. Корыстолюбие наших лихоимцев перешло все пределы. Кажется, что нет таких запрещений, которые их унять бы могли.

Советник. А я так всегда говорил, что взятки и запрещать невозможно. Как решить дело даром, за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человеческой… Как же ты дошел до того, что, наконец, дело твое решено стало?

Добролюбов. Мы счастливы тем, что всякий,

кто не находит в учрежденных местах своего права, может идти, наконец, прямо к вышнему правосудию; я принял смелость к оному прибегнуть, и судьи мои принуждены были строгим повелением решить мое дело.

Советник. Хорошо, что твое дело право, так ты и мог идти далее; ну, а ежели бы оно было не таково, как бы ты далее-то с ним пошел?

Добролюбов. Я бы не только не пошел тогда далее, да и не стал бы трудить судебное место.

Советник. Так хорошее ли это дело? А в мое время всякий и с правым и неправым делом шел в приказ и мог, подружась с судьею, получить милостивую резолюцию. В мое время дале не совались. У нас была пословица: до Бога высоко, до царя далеко.

Советница (*к Добролюбову*). Мне кажется, что вам время уже себя этаблировать[91], время жениться.

Добролюбов. Я ни на ком жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Советник. Друг мой сердечный, ты был недостаточен, да к тому же и мои обстоятельства не

---

[91] Примечания: 91
Устроить.

таковы.

Советница. Я с моей стороны никогда в вашем сватовстве не препятствовала.

Добролюбов. Однако я уже льститься могу…

Советник. Теперь мне ни того, ни другого сказать нельзя. Пойдем-ка лучше да выпьем по чашке чаю. После обеда о делах говорить неловко. Я всегда интересные дела[92] решал по утрам.

Конец третьего действия

[92] Примечания: 92
Дела с денежной выгодой, «интересом».

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ I

Добролюбов, Софья

Добролюбов. Я великую надежду имею к свершению нашего желания.

Софья. А я не смею еще ласкаться ею. С тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка мой изменяет моей мачехе, то и перемена состояния твоего не может переменить его намерения.

Добролюбов. Однако я видел, с каким чувствием услышал он весть о решении дела моего в пользу мою. Я также мыслей своих от тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отец твой любит богатство; а корыстолюбие делает из человека такие же чудеса, как и любовь.

Софья. Со всем тем корыстолюбие редко любовь побеждает. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтоб судьба твоя с моей соединилась; я, однако, и тем одним уже утешаюсь, что твое состояние поправилось.

Добролюбов. Мое состояние до тех пор несчастно будет, пока не исполнится мое главнейшее

желание. Ты знаешь, в чем состоит оно. Тебе известно мое сердце…

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Бригадирша

Добролюбов (*видя, что Бригадирша слезы отирает*). О чем вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый раз на веку плачу. Один Господь видит, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу идти замуж.

Софья. Как, сударыня? Можете ли вы говорить это в самое то время, когда хотите вы того, чтоб я женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебе, матушка, для чего за него нейти? Я сказала так про себя.

Добролюбов. Нет, вы про всех теперь сказать изволили.

Бригадирша. И ведомо.

Софья. Как же это: то про себя, то про всех? Скажите, матушка, что-нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мне что?

Добролюбов. Что же вам угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда так, по-

плакать в свою волю.

Софья. Да о чем же?

Бригадирша (*плача*). О том, что мне грустно. Теперь Игнатий Андреевич нападе на меня ни за что ни про что. Ругал, ругал, а Господь ведает за что. Уж я у него стала и свинья, и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбов. Конечно, видим, сударыня.

Софья. Да за что он так на вас теперь напал?

Бригадирша. Так, слово за слово. Он же такого крутого нраву, что упаси господи; того и смотрю, что резнет меня чем ни попало; рассуди ж, моя матушка, ведь долго ль до беды: раскроит череп разом. После и спохватится, да не что сделаешь.

Добролюбов. Поэтому ваша жизнь всякую минуту в опасности?

Бригадирша. До лихого часу долго ли?

Софья. Неужели он с вами столько варварски поступал, что вы от него уже и терпели на это похожее?

Бригадирша. То нет, моя матушка. Этого еще не бывало, чтоб он убил меня до смерти. Нет, нет еще.

Добролюбов. Об этом, сударыня, вас никто и не спрашивает.

Софья. Довольно, ежели он имел варварство

пользоваться правом сильного.

Бригадирша. То он силен, матушка. Однажды, и то без сердцов, знаешь, в шутку, потолкнул он меня в грудь, так веришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: так глазки под лоб и закатились, не взвидела света Божьего.

Софья. И это было в шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а он, мой батюшка, хохочет да тешится.

Добролюбов. Изрядный смех!

Бригадирша. Недель через пять-шесть и я тому смеялась, а тогда, мать моя, чуть было Богу души не отдала без покаяния.

Добролюбов. Да как же вы с ним жить можете, когда он и в шутку чуть было вас на тот свет не отправил?

Бригадирша. Так и жить. Ведь я, мать моя, не одна замужем. Мое житье-то худо-худо, а всё не так, как, бывало, наших офицершей. Я всего нагляделась. У нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванью Гвоздилов; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает за что-нибудь, а больше хмельной: веришь ли Богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну мы, наше сторона дело,

а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество.

Бригадирша. Вот, матушка, ты и слушать об этом не хочешь, каково же было терпеть капитанше?

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Сын и Советница

Советница (*Сыну*). Не угодно ли сыграть партию в карты? Сын. С великой охотою, avec plaisir[93]. Советница. Так велеть подать карты. Лакей, стол и карты. (*К Добролюбову*.) Не изволите ли вы здесь партию в кадриль?[94] Добролюбов. Ежели вам угодно. Между тем подают стол и карты ставят.

Сын (*разбирает карты и подает каждому по карте для мест*[95]*. К Советнице*). Madame! (*К Бригадирше*.) Madame!

Бригадирша. Это на что, Иванушка? До коли играть, так все раздай. Разве, мой батюшка, ныне

---

[93] Примечания: 93
С удовольствием.

[94] Примечания: 94
Карточная игра.

[95] Примечания: 95
Чтобы сесть за стол в порядке старшинства полученных игроками карт.

по одной карточке играют?

Сын. Это для мест.

Бригадирша. И! Мне и так, по милости хозяйской, место будет.

Сын. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мне, батюшка, в одной карточке?

Советница. Играете ли вы в кадриль, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя, я и слухом не слыхала, что это.

Советница (*к Софье*). Так возьмите вы.

Сын. Mademoiselle! (*Подает, и все садятся, между тем как Сын сдает карты.*)

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на вас, как вы забавляетесь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Бригадир и Советник

Бригадир. Ба! здесь и картёж завели!

Советник. А ты не изволишь ли со мною игорку в шахматы, в большую?

Бригадир. Давай, бери.

Садятся в другом конце. Между тем как Советник с Бригадиром выступают и один другому говорит: «Я так», а тот ему: «А я так».

Советница. В кёрнах волю[96].

Сын. Passe[97].

И все пасуют.

Советница. Они и они.

Бригадирша. Что за околесица — они и они? Кто это они?

Советник (*услышав ее вопрос*). Ныне, матушка, всех игор и не разберешь, в которые люди тешиться изволят.

Бригадирша. Так, мой батюшка, уж чего ныне не выдумают. Они и они! Куды мудрен народ! (*Заглянув к Сыну в карты.*) Ах, Иванушка, как на руках-то у тебя жлудей, жлудей![98]

Сын. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre[99].

Советница. И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на уме… Рекиз[100].

Бригадир (*вслушавшись в речь Советницы*). На

---

[96] Примечания: 96
Карточный термин.

[97] Примечания: 97
Пасуйте, прекращайте игру.

[98] Примечания: 98
Карточная масть трефы (крести).

[99] Примечания: 99
Я брошу их наземь.

[100] Примечания: 100
Карточный термин.

уме? Было бы на чем!.. Шах!

Советник. Плохо, плохо мне приходит.

Бригадир. Не шути, сватушка.

Сын (*показав карты*). Санпрандер шесть матедоров[101].

Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты сказал, мададуры? Вот нынче стали играть и в дуры, а, бывало, так все в дураки игрывали.

Советник. Так, матушка моя, мало ли чего бывало и чего нет, — чего не бывало и что есть.

Бригадирша. Так, мой батюшка. Бывала и я в людях; а ныне — что уж и говорить — старость пришла; уж и памяти нет.

Бригадир. А ума не бывало.

Сын (*поет французскую песню; Советница пристает к нему. К Советнице*). Madame! мы оба беты[102]. Матушка, пропойте-ка вы нам какую-нибудь эр[103].

Бригадирша. Что пропеть? И, мой батюшка, голосу нет. Дух занимает… Да что это у вас за игра идет? Я не разберу, хоть ты меня зарежь. Бывало,

---

[101] Примечания: 101
То же.

[102] Примечания: 102
В проигрыше, платим штрафной взнос.

[103] Примечания: 103
Арию.

как мы заведем игру, так или в марьяж, или в дураки; а всего веселей, бывало, в хрюшки. Раздадут по три карточки; у кого пигус, тот и вышел, а кто останется, так дранье такое подымут, что животики надорвешь.

Советник (*смеется с нежностию*). Ха-ха-ха! Я сам игрывал, бывало, и, помнится мне, при всякой карте разные забавы.

Добролюбов. Медиатор[104].

Бригадирша. Так, мой батюшка! (*Схватила одни карты и подбежала к Советнику*.) Вот, бывало, кто виноват, так и скажут: с этой стороны не проси вот этого, а с этой этого; а потом (*держа в одной руке карты, одним пальцем шмыгает, между тем Советник останавливает игру в шахматы и смотрит на нее с нежностию*) тот и выглядывает карточку; а там до этой карты и пойдет за всякую дранье; там розно: краля по щеке, холоп[105] за ухо волок.

Бригадир. Жена, давай-ка со мною в хрюшки! (*Встает.*) Воля твоя, мы эдак век не кончим.

Сын. Pardieu! Матушка, куда ты карты девала?

Бригадирша. Здесь, Иванушка.

---

[104] Примечания: 104
Карточный термин.

[105] Примечания: 105
В картах: дама, валет.

Сын (*вскоча*). Il est impossible de jouer[106].

Все встают.

Бригадирша. Да я вам что, мой батюшка, помешала? Ведь у вас есть карты, да еще и с тройками.

Бригадир. Слушай, жена! Ты куда ни придешь, везде напроказишь.

Бригадирша. Да тебе, мой батюшка, чем я помешала? Ты бы знал выступал своей игрой. Ведь я к нему подошла (*указывая на Советника*), а не к тебе.

Бригадир. У кого нет ума, тот, подошедши к одному, всем помешать может.

Бригадирша. Вот так; я же виновата стала.

Сын. Матушка, да разве я виноват? (*Указывая на Добролюбова.*) Ou ce monsieur?[107] (*Указывая на женщин.*) Ou ces dames?[108]

Советник. Полно, зятюшка: тебе бы и грешно было упрекать рождшую.

Советница. А вам стыдно, сударь, не в ваши дела вступаться.

---

[106] Примечания: 106
Невозможно играть.

[107] Примечания: 107
Или этот господин?

[108] Примечания: 108
Или эти дамы?

Бригадир. Я, сват, тебя люблю; а с женою моей, пожалуй, ты не мири меня. Разве ты, сват, не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Сын. Так, батюшка, все пословицы справедливы, а особливо французские. Не правда (*к Добролюбову*), monsieur?

Добролюбов. Я знаю много и русских очень справедливых; не правда ли, сударыня (*к Софье*)?

Софья. Правда.

Сын (*к Софье*). А какие же?

Софья. Например, сударь: ври дурак, что хочешь, со вранья пошлин не берут.

Бригадир. Так, матушка, ай люблю! Вот тебе пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иван, чтоб я отгадал ее, так дурак-от выйдешь ты.

Сын. Par quelle raison?[109]

Советница. По какому резону?

Бригадир. По такому, матушка, что он врет беспошлинно.

Бригадирша. Слава богу, милость Божия, что на вранье-то пошлин нет. Ведь куда бы какое всем нам было разорение!

Бригадир. Ништо тебе: ты бы часов в пять-

---

[109] Примечания: 109
На каком основании?

шесть пошла по миру.

Советник. Не гневайся, матушка, на своего супруга, на него сегодня худой стих нашел.

Бригадирша. И, мой батюшка, мне ль сердиться, когда он гневается; мое дело убираться теперь дале. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Бригадир, Советник, Советница, Добролюбов, Сын, Софья

Бригадир. Дело и сделала.

Советница (*к Софье*). Поди ж, сударыня, к своей свекрови. Ведь ей не одной сидеть тамо.

Софья. Иду, сударыня. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Бригадир, Советник, Советница, Добролюбов, Сын

Советник. Воля твоя, братец. Ты весьма худо поступаешь с своею супругою.

Бригадир. А она весьма худо со мной.

Советница. Чем же, сударь?

Бригадир. Тем, матушка, что она не к месту печальна, не к добру весела, зажилась, греха много, некстати.

Советник. Как некстати? Что ж ты и заправду, сватушка? Дай Бог ей многолетное здоровье и долгие веки. С умом ли ты? Кому ты желаешь смерти?

Сын. Желать смерти никому не надобно, mon cher père, ниже собаке, не только моей матушке.

Бригадир. Иван, не учи ты меня. Я хотя это и молвил, однако всё больше ей хочу добра, нежели ты нам обоим.

Сын. Я вас не учу, а говорю правду.

Бригадир. Говори ее тогда, когда спрашивают.

Советница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда он вас не спрашивает?

Бригадир. Для того, матушка, что он мой сын; каково же мне будет, когда люди станут говорить, что у эдакого-то бригадира, человека заслуженного, есть сын негодница?

Сын. Батюшка, я негодница! Je vous demande pardon[110]; я такой сын, по которому свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве! Вы, monsieur (*к Добролюбову*), конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причи-

---

[110] Примечания: 110
Я прошу прощенья.

ной воспитание.

Бригадир. Так, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что он сделался повесою, и тем хуже, что сделался он повесою французскою. Худы русские, а французские еще гаже.

Советник. Э! Господа Бога не боишься ты, сватушка; за что ругаешь ты так свою супругу, которая может назваться вместилищем человеческих добродетелей?

Бригадир. Каких?

Советник. Она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица (*вздыхая*), и верна, яко горлица.

Бригадир. Разве умна, как корова, прекрасна, как бы и то… как сова.

Советник. Как дерзаешь ты применить свою супругу к ночной птице?

Бригадир. Денную дуру к нощной птице применить, кажется, можно.

Советник (*вздыхая*). Однако она все тебе верна пребывает.

Советница. В самом деле, много в ней добродетели, если она вас любит.

Бригадир. Да кого же ей любить-то, ежели не меня? Мне дурно самому хвастать; а, право, я,

кажется, благодаря Бога, заслужил мой чин верой и правдой, то есть она по мне стала бригадиршей, а не я по жене бригадир; это в нынешнем свете приметить надобно. Так как же ей другого-то и полюбить можно? А кабы я не таков был, тогда посмотрел бы ее добродетель; а особливо когда бы поискал в ней кто-нибудь также из нашей братьи первых пяти классов.

Советник. Нет, братец, не говори того: супруга твоя воистину не такова. Да не похвалится всяка плоть пред Богом; а хотя бы достойный и предостойный человек поискал в ней, право бы ничего не нашел. Ведь это, мой друг, не город — штурмом не возьмешь.

Бригадир. Ты говоришь это, а я знаю, каков я.

Сын. Что ж вы, батюшка? Ха-ха-ха-ха! Неужели вы думаете сердце взять штурмом?

Бригадир. Иван, мне кажется, нет ли теперь штурмы в твоей головушке? Не можно ли потише?

Советница. Вы сами шуметь больше всех любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтоб сын ваш не говорил того, что он думает? Вы ужесть как бизарны![111] (*К Сыну и Добролюбову.*) Messieurs! Я

---

[111] Примечания: 111
Странны.

хочу оставить их продолжать важные их дискуры[112] и вас прошу сделать то же.

Сын. Я иду за вами. Adieu, messieurs![113]

Добролюбов. Я воле вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНИЕ VII

Бригадир и Советник

Советник. И жена моя уже приметила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадир. Нет, а я приметил, что она слишком горячо вступается за моего сына.

Советник. Я того не примечаю.

Бригадир. Тем хуже.

Советник. А что же?

Бригадир. Ничего, сват; однако я моей жене не советовал бы за чужого детину так при мне вступаться.

Советник. Ты думаешь, братец, что и я спустил бы жене моей, если бы усмотрел я что-нибудь у нее блажное на уме… Слава богу, у меня глаза-то есть; я не из тех мужей, которые смотрят, да не видят.

---

[112] Примечания: 112
Разговоры.

[113] Примечания: 113
До свиданья, господа!

Бригадир. Я, с моей стороны, спокоен; жена моя другого не полюбит.

Советник. Целомудрие ее известно тому, кто, по несчастию, ослеплен ее прелестьми.

Бригадир. Однако такого дурака нет на свете, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Кого? Нет, братец. Я говорю, что этакого скота еще не родилось, который бы вздумал искать в моей жене.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою.

Советник. Будто ты не бранишься? (*С сердцем.*) Почему же тот дурак, который бы пленился Акулиной Тимофеевной?

Бригадир. Потому что она дура.

Советник. А она так разумна, что все ее слова напечатать можно.

Бригадир. Для чего не напечатать? Я слыхал, сват, что в нонешних печатных книгах врут не умнее жены моей.

Советник. Возможно ли тому статься, чтоб в книгах врали? Да ведаешь ли ты, братец, что печатному-то надлежит верить всем нам пра-

вославным? Видно, вера-то у нас пошатнулась. Еретиков стало больше.

Бригадир. А мне кажется, что много печатного вздору у нас не оттого, что больше стало еретиков, а разве оттого, что больше стало дураков. Ведь я, говоря о жене моей, не говорю того, чтобы она всех была глупее.

Советник. А я говорю о твоей супруге и всегда скажу, что нет ее разумнее.

Бригадир. Хотя бы мне с досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Советник. Всякому, братец, в чужой руке ломоть больше кажется. Я в своей жене много вижу, чего ты не видишь.

Бригадир. Положим, что это правда; однако и то не ложь, что я в супруге твоей также много теперь вижу, чего ты не видишь.

Советник. А что бы такое?

Бригадир. То, что ты, может быть, увидишь, да поздно.

Советник. Я знаю, братец, к чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моей женою; однако для счастия мужей, дай, Господи Боже, чтоб все жены таковы целомудренны были, как моя.

Бригадир. Женщины обыкновенно бывают целомудренны с людьми заслуженными, а с повесами редко.

Советник. Мудрено, братец Игнатий Андреевич, меня обмануть.

Бригадир. А всего мудренее, ежели я в этом обманываюсь.

Советник. Мы оба, кажется, не таковы, чтоб наши жены могли от нас полюбить чужого мужика. Я с первою женою жил лет с пятнадцать и могу, благодаря Бога, сказать, что она так же жила, как и эта. Я в женах не бессчастен.

Бригадир. Разумею.

Советник. Жена какая бы ни была, да только ежели у доброго мужа, то ей и на ум не вспадет полюбить другого.

Бригадир. Не говори, братец. Со мною служил в одном полку секунд-майором — до имени нужды нет — мужик не дурак и на взгляд детина добр. Ростом чуть не вдвое меня выше…

Советник. Этому статься нельзя, братец…

Бригадир. Однако я не лгу. В мое время, когда я еще был помоложе, народ был гораздо крупнее.

Советник. Только все не так крупен, как ты сказываешь. Правда, что и в нашей коллегии был канцелярист один, чуть не впятеро меня толще…

Бригадир. Этому статься нельзя, братец…

Советник. Конечно, так. Когда я был в коллегии, тогда, от президента до сторожа, все были люди дородные.

Бригадир. Ты, братец, перебил только речь мою. Да о чем бишь я тебе хотел сказывать?

Советник. Право, не знаю.

Бригадир. И я не ведаю… о чем бишь… да, о секунд-майоре. Он был мужик предорогой; целый полк знал, что жена его любила нашего полковника, подполковника, премьер-майора, или, лучше сказать, все ведали, что из наших штаб- и обер-офицеров не любила она одного его; а он, собачий сын, и мыслить не хотел, чтоб она кроме его кого-нибудь полюбить могла.

Советник. Что ж мы так долго одни заговорились?

Бригадир. О деле я говорить нескучлив; однако пойдем туда, где все. (*Выходя.*) Впрямь, ежели не переставая сказывать о том, как люди ошибаются, то мы не сойдем с места и до скончания нашей жизни.

Советник. Пойдем же, пойдем.

Конец четвертого действия

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадирша и Сын

Бригадирша. Не упрямься, Иванушка. Для чего тебе не жениться?

Сын. Матушка, довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную аверсию[114] к женитьбе.

Бригадирша. А что ж бы такое, друг мой? Разве мы спустя рукава живем? То правда, что деньжонок у нас немного, однако ж они не переводятся.

Сын. Мало иль ничего, c'est la même chose[115], для меня все равно.

Бригадирша. Как все равно, батюшка! Случится иногда и в десяти копейках нужда, так и тех из земли не выроешь. Уж куда, право, ноне вы прихотливы стали! У вас вот и десять копеек за помёт, а того и не помнишь, что гривною в день можно быть сыту.

---

[114] Примечания: 114
Отвращение.

[115] Примечания: 115
Это одно и то же.

Сын. Матушка! Я хочу быть лучше голоден, нежели сыт за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! Не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтре, так ты небось и нашим сухарям рад будешь.

Сын. В случае голода, осмеливаюсь думать, что и природный француз унизил бы себя кушать наши сухари… Матушка, когда вы говорите о чем-нибудь русском, тогда желал бы я от вас быть на сто миль французских, а особливо когда дело идет до моей женитьбы.

Бригадирша. Как же, Иванушка? Ведь мы уж на слове положили.

Сын. Да я нет.

Бригадирша. Да что нам до этого? Наше дело сыскать тебе невесту, а твое дело жениться. Ты уж не в свое дело и не вступайся.

Сын. Как! Ma mère[116], я женюсь, и мне нужды нет до выбору невесты?

Бригадирша. И ведомо. А как отец твой женился? А как я за него вышла? Мы друг о друге и слухом не слыхали. Я с ним до свадьбы от роду слова не говорила и начала уже мало-помалу кое-как заговаривать с ним недели две спустя

---

[116] Примечания: 116
Матушка.

после свадьбы.

Сын. Зато после слишком вы друг с другом говорили.

Бригадирша. Дай-то господи, чтоб и тебе так же удалось жить, как нам.

Сын. Dieu m'en préserve![117]

Бригадирша. Буди с вами милость Божия и мое благословение.

Сын. Très obligé[118].

Бригадирша. Или я глуха стала, или ты нем.

Сын. Ni l'un, ni l'autre[119].

Бригадирша. Чтой-то мне с тобою будет, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сын. Виноват. Я забыл, что мне надобно говорить с вами по-русски.

Бригадирша. Иванушка, друг мой, или ты выучи меня по-французскому, или сам разучись. Я вижу, что мне никак нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить! (*Отходит.*)

Сын. Как изволишь.

---

[117] Примечания: 117
Боже меня сохрани!

[118] Примечания: 118
Премного обязан.

[119] Примечания: 119
Ни то, ни другое.

ЯВЛЕНИЕ II

Сын и Советница

Советница. Знаешь ли что, душа моя? Мне кажется, будто твой отец очень ревнует; нам как возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сын. Madame, возможно ли скрыть пожар? И такой сильный, car je brûle-moi![120]

Советница. Я боюсь того, чтоб, сведав о нашем пламени, твой отец и дурак муж мой не пришли его тушить.

Сын. Так, vous avez raison[121]: это такие люди, которые не в свои дела вступаться любят.

Советница. А особливо муж мой. Ему ничего нет приятнее, как быть замешану mal à propos[122] в такое дело, которое до него не принадлежит, и чем меньше ему нужды до нашего пламени, тем больше он в том интересоваться будет.

Сын. Vous avez raison. И какая бы ему тут была

---

[120] Примечания: 120
Ведь я пылаю.

[121] Примечания: 121
Вы правы.

[122] Примечания: 122
Некстати.

нужда?

Советница. Вот какая: он говорит, жизнь моя, что будто муж и жена составляют одного человека.

Сын. Тем лучше: par conséquent[123], ежели тебе приятно любить меня, так и ему то должно быть приятно, что ты меня любишь.

Советница. Конечно, он сам себе контрадирует[124].

Сын. Madame, ты не была в Париже, а знаешь все французские слова. (*Садятся оба.*) Avouez[125] (*с веселым видом*), не имела ли ты коннесансу[126] с каким французом?

Советница (*застыдясь*). Нет, душа моя. Мне нельзя было ни с кем, живучи в Москве, познакомиться.

Сын. Et pourquoi?[127] Там разве мало французов?

---

[123] Примечания: 123
Следовательно.

[124] Примечания: 124
Противоречит.

[125] Примечания: 125
Признайтесь.

[126] Примечания: 126
Знакомства.

[127] Примечания: 127
А почему?

Советница. Я никого не знала (*с презрением*) кроме учителей.

Сын. Да знаешь ли ты, каковы наши французские учители? Даром, что большая из них половина грамоте не знает, однако для воспитания они предорогие люди; ведаешь ли ты, что я, — я, которого ты видишь, — я до отъезду моего в Париж был здесь на пансионе у французского кучера.

Советница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon[128]. С сего часа буду я в сердце моем сохранять истинное почтение к французским кучерам.

Сын. Я советую. Я одному из них должен за любовь мою к французам и за холодность мою к русским. Молодой человек подобен воску. Ежели б malheureusement[129] я попался к русскому, который бы любил свою нацию, я, может быть, и не был бы таков.

Советница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты попался к французскому кучеру. Сын. Однако оставим кучера и поговорим об отце моем и о твоем муже.

---

[128] Примечания: 128
Прошу прощенья.

[129] Примечания: 129
По несчастью.

Советница. Возможно ли, душа моя, с такой высокой материи перейти вдруг в такую низкую?

Сын. Для разумных нет невозможного. Советница. Говори же.

Сын. Нам надобно взять свои меры: prendre nos mesures[130].

Входят: с одного конца Бригадир, с другого Советник. А они, не видя их, продолжают.

Советница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сын. На все! (*Кидается на колени.*) Idole de mon âme![131]

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бригадир и Советник

Бригадир. Ба! Это что? Наяву или во сне?

Советник. С нами Бог! Уж не обморочен ли я?

Сын (*вскоча и оторопев*). Serviteur très humble[132].

Бригадир. Теперь я с тобой, Иван, по-русски поговорить хочу.

---

[130] Примечания: 130
Принять меры.

[131] Примечания: 131
Кумир души моей!

[132] Примечания: 132
Ваш покорнейший слуга.

Советница (*к Советнику*). Ты, мой батюшка, вне себя. Что тебе сделалось?

Советник (*с яростью*). Что мне сделалось, проклятая! А разве не ты, говоря с этой повесою, на все соглашалась?

Сын. Да вы за что меня браните! Пусть изволит меня бранить батюшка.

Бригадир. Нет, друг мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Советница. Как! Вы его за то бить хотите, что он из политесу[133] стал передо мною на колени?

Бригадир. Так, моя матушка. Видел я, видел. Поздравляю тебя, братец, переменив зятя на свояка.

Советник. О, Создатель мой Господи! Приходило ль на мое помышление видеть такое богомерзкое дело!

Бригадир. Я, братец, тебе, помнишь, говорил: береги жену, не давай ей воли; вот что и вышло. Мы с тобой породнились, да не с той стороны. Ты обижен, дочь твоя тоже (*в сторону*), да и я не меньше.

Сын (*к Советнику*). Не все ли равно, monsieur: вы хотите иметь меня своим свойственником; я охотно…

Советник. О, злодейка! Ты лишила меня чести

---

[133] Примечания: 133
Из вежливости.

— моего последнего сокровища.

Бригадир (*осердясь*). Ежели у тебя, сват, только сокровища и осталось, то не слишком же ты богат: не за чем и гнаться.

Советник. Рассуди ж, ты сам разумный человек, и это малое сокровище вверил я вот в какие руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Бригадирша, Софья, Добролюбов

Бригадирша. Сокровище! Что за сокровище? Никак вы клад нашли! Дай-то господи!

Бригадир. Клад не клад, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадир (*указывая на Советника*). Вот он в прибылях.

Советник (*к Бригадирше*). Проклятая жена моя, не убояся Бога, не устыдясь добрых людей, полюбила сына твоего, а моего нареченного зятя!

Бригадирша. Ха-ха-ха! Какая околесица, мой батюшка. У Иванушки есть невеста, так как ему полюбить ее! Это не водится.

Сын. Конечно, не водится; да хотя бы и води-

лось, то за такую безделицу, pour une bagatelle[134], честным людямсердиться невозможно. Между людьми, знающими свет, этому смеются.

Бригадир. Кабы кто-нибудь за моей старухой имел дурачество поволочиться, я бы не стал от него ждать дальних разговоров: отсочил бы я ему бока, где ни встретился.

Советник. Нет, сударь мой; я знаю, что с сыном вашим делать. Он меня обесчестил; а сколько мне бесчестья положено по указам, об этом я ведаю.

Бригадирша. Как! Нам платить бесчестье! Напомни Бога, за что?

Советник. За то, моя матушка, что мне всего дороже честь… Я все денежки, определенные мне по чину, возьму с него и не уступлю ни полушки.

Бригадир. Слушай, брат: коли впрямь дойдет дело до платежа, то сыну моему должно будет платить одну половину, а другую пусть заплатит тебе жена твоя. Ведь они обесчестили тебя заодно.

Бригадирша. И ведомо, грех пополам.

Советница (*к мужу*). Разве вы не хотите иметь его своим зятем?

Советник. Загради уста твои, проклятая!

---

[134] Примечания: 134
За пустяк.

Софья. Батюшка, после такого поступка, который сделал мой жених, позвольте мне уверить вас, что я в жизнь мою за него не выйду.

Советник. Я на это согласен.

Добролюбов (*к Софье*). Надежда мне льстит от часу более.

Бригадир. И я не хочу того, чтоб сын мой имел такую целомудренную тещу; а с тобой, Иван, я разделаюсь вот чем (*указывает палкою*).

Советник. Так, государь мой, ты палкой, а я монетою.

Сын. Батюшка, вы не слушайте его: он недостоин иметь ее женою.

Советница. Изменник! варвар! тиран!

Советник (*оторопев*). Что, что такое?

Сын (*к Советнику*). Разве не я видел, как вы становились на колени перед матушкою?

Бригадир. Кто на колени? Ба! Перед кем?

Сын. Он перед моей матушкой.

Бригадир. Слышишь ли, друг мой? А? Что это?

Советник. Не смею воззрети на небо.

Бригадир (*к Бригадирше*). Он за тобою волочился, а ты мне этого, дурища, и не сказала!

Бригадирша. Батюшка мой, Игнатий Андреевич, как перед Богом сказать, я сама об этом не ведала; мне после сказали добрые люди.

Бригадир. Брат, с Иваном-то я разделаюсь; а тебе, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходит, только не в бесчестье, да в увечье.

Советник (*иструсясь*). Ваше высокородие! И Господь кающегося приемлет. Прости меня, согреших пред тобою.

Сын. Mon père! Из благопристойности…

Бригадир. Не учи ты меня, Иван, не забудь того, что я тебя бить собираюсь.

Советница. Что ж ты и вправду затеял? (*Приступая к нему.*) Разве не ты объявлял мне здесь, на этом месте, любовь свою?

Советник. Как? Что такое, государь мой?..

Бригадир (*тише*). Чего изволишь?

Советник. О ком она сказывает?

Бригадир. Обо мне.

Советник. Так ты, государь мой, приехал в дом мой затем разве, чтоб искушать жену мою?

Бригадир. Коли так, то я и назад поеду.

Советник. Не мешкав ни часа.

Бригадир. Ни минуты. Видно, что я к честным и заслуженным людям в руки попался. Иван, вели скорей подать коляску. Жена! Сей минуты выедем вон из такого дому, где я, честный человек, чуть было не сделался бездельником. Бригадирша. Батюшка мой, дай мне хоть при-

брать кое-что. Бригадир. В чем стоишь, в том со двора долой! Советник. А что останется, то мое. Сын (*к Советнице кинувшись*). Прости, la moitiè de mon âme![135] Советница (*кинувшись к Сыну*). Adieu[136], полдуши моей! Бригадир и Советник кидаются разнимать их.

Бригадир. Куды, собака!

Советник. Куды, проклятая! О Господи!

Бригадир (*передразнивая его*). О Господи! Нет, брат, я вижу по этому, что у кого чаще всех Господь на языке, у того черт на сердце… Вон, все мои!

Советник (*вслед за Бригадиршей, всплеснув руками*). Прости, Акулина Тимофеевна!

ЯВЛЕНИЕ V

Советник, Советница, Софья, Добролюбов

Советник. О Господи! Наказуешь нас по делам нашим. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбов. Ежели ваша воля согласится с желанием нашим, то я, став женихом ее, почту

---

[135] Примечания: 135
Половина души моей!

[136] Примечания: 136
Прощай.

себя за преблагополучного человека.

Советник. Как? Ты, получив уже две тысячи душ, не переменяешь своего намерения?

Добролюбов. Меня ничто на свете не привлечет переменить его.

Советник. И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

Софья. Если ваше и матушкино желание не препятствуют тому, то я с радостию хочу быть его женою.

Советница. Я вашему счастию никогда не препятствовала.

Советник. Если так, то будьте вы жених и невеста.

Добролюбов (*Софье*). Желание наше совершается; сколь много я благополучен!

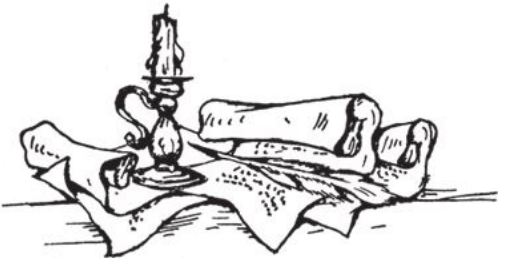
Софья. Я одним тобою могу на свете быть счастлива.

Советник. Будьте вы благополучны, а я, за все мои грехи, довольно Господом наказан: вот моя геенна.

Советница. Я желаю вам счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вот мой тартар.

Советник (*к партеру*). Говорят, что с совестью жить худо: а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже.

Конец комедии



Недоросль
Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Простаков.
Гж.[137] Простакова, жена его.
Митрофан, сын их, недоросль[138].
Еремеевна, мама[139] Митрофанова.
Правдин.
Стародум.
Софья, племянница Стародума.
Милон.
Г-н Скотинин, брат гж. Простаковой.
Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.

---

[137] Примечания: 137

Гж. — сокращенное написание слова «госпожа». В дальнейшем принято более употребительное сокращение — г-жа.

[138] Примечания: 138

Так официально назывались дворяне, преимущественно молодые, не получившие документа об образовании и не поступившие на службу. Вместе с тем словом «недоросль» именовался любой дворянин, не достигший совершеннолетия. Имя Митрофан в переводе с греческого языка означает: «подобный своей матери».

[139] Примечания: 139

Мама — то есть кормилица.

Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна

Г-жа Простакова (*осматривая кафтан на Митрофане*). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходит.*) Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет;

другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да ведь портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Еще он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегает*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сго-

вору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков (*от робости запинаясь*). Ме… мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил, и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи…

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтрева; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за чтоу ж ты прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова (*Тришке*). Выйди вон, скот. (*Еремеевне*.) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать робенку. Ведь, я чаю, скоро и учителя придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Извольте смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я ведь

сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да, видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая же дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков (*в сторону*). Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан (*разнежась*). Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова (*с досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердешный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин.

Простаков. По крайней мере, я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя, от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо…

Г-жа Простакова. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевной отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако, я ей свойственница: а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущею сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар…

Г-жа Простакова (*показывая, будто крестит сердце*). С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так ра-

зоврался, мой батюшка? Еще братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор, как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может! Митрофанушка наш весь в дядю — и он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья

Софья вошла, держа письмо в руках и имея веселый вид.

Г-жа Простакова (*Софье*). Что так весела, матушка, чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца

моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова (*испугавшись, с злобою*). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну, да коли он не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова (*к мужу*). Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! (*К Софье.*) Письмецо-то мне пожалуй. (*Почти вырывает.*) Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе пись-

ма? Я доберусь. Вот до чего дожили. К девушкам письма пишут! девушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. (*К мужу*.) Читай.

Простаков (*долго смотря*). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я от роду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю…

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин.

Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют.

Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, потау[140] его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастие на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины[141]. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

---

[140] Примечания: 140

До тех пор.

[141] Примечания: 141

Дворяне в XVIII веке могли получать чины и звания не служа, числясь в многолетнем отпуске.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал?

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. (*К Правдину.*) Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. (*Читает.*) «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известия. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу…»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин (*читает*). «…которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею…»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!
Простаков. Софью наследницею!
Скотинин. Ее наследницею!
} Вместе.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать Софью*).

Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя с радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то, отец родной! Я и сама все-таки думала, что Бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин (*протянув руку*). Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя выйти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Софьюшка, душа моя! пойдем ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодня сговорутo вряд и быть ли.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, Слуга

Слуга (*к Простакову, запыхавшись*). Барин, барин! солдаты пришли, остановились в нашей

деревне.

Простаков. Какая беда! Ну, разорят нас до конца!

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и Слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

Конец первого действия

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобой! Скажи, каким случаем…

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига[142] сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника[143]. С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами

---

[142] Примечания: 142
Побуждения.

[143] Примечания: 143
Россияв1775годубыларазделенанапятьдесятгуберний. В отдельных случаях две-три губернии объединялись в руках представителя верховной власти — наместника, при котором создавалось правление. Правдин был членом правления наместничества.

испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении[144], там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дня. Нашел помещика дурака бессчётного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено солдат вести без замедления… Да сверх того я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен, и имею счастие быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть,

---

[144] Примечания: 144

Закон о губерниях назывался «Учреждение для управления губерний Российской империи». Он был издан в 1775 году.

она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь[145], однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сомневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчить судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон (*в восторге*). А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья

Софья (*в восхищении*). Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастие!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники…

---

[145] Примечания: 145
Ласкаю себя мыслью, надеюсь.

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно… Ты узнаешь от меня, какие грубости…

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменила со мной свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон (*с нетерпением*). И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет…

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что…

Софья. Нет…

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб…

Софья (*усмехаясь*). Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон (*с негодованием*). Я воображаю все его достоинства…

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

Правдин. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает Часослов; а там, думать надобно, примутся и за Псалтырь[146].

Милон. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно мое состояние!

Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своем, которого (*к Правдину*) не позволил нам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

---

[146] Примечания: 146

Часослов и Псалтырь — церковные книги, по которым обучали грамоте, заставляя затверживать текст наизусть.

Скотинин. Я!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Скотинин

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во все горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шел, я брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин (*озлобясь*). Как мячиком? Оборони бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом. «Что-де тебе, бра-

тец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякой женись на своей невесте. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же. (*Софье.*) Ты не бойсь, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит! Вот еще новое!

Милон (*вскричал*). Какая дерзость!

Скотинин (*к Софье*). Чего ж ты испугалась?

Правдин (*к Милону*). Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья (*Скотинину*). Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок особливый, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин (*Скотинину*). Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как черта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду ее мужем или Митрофан уродом.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Еремеевна и Митрофан

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружочек.

Еремеевна. Изволь подойти к дядюшке.

Митрофан. Здороуво, дядюшка! Что ты так още-

тиниться изволил?

Скотинин. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Еремеевна. Погляди, батюшка.

Митрофан (*Еремеевне*). Да дядюшка что за невидальщина? Что ты на нем увидишь?

Скотинин. Еще раз: гляди на меня прямее.

Еремеевна. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытаращил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

Милон. Вот изрядное объяснение!

Правдин. Чем-то оно кончится?

Скотинин. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Еремеевна (*задрожала*). Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?

Митрофан. Что ты, дядюшка, белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

Скотинин. Смотри ж, не отпирайся, чтоб я в сердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват Богу

и государю. Смотри, не клепли же и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Еремеевна. Избави бог напраслины!

Скотинин. Хочешь ли ты жениться?

Митрофан (*разнежась*). Уж давно, дядюшка, берет охота…

Скотинин (*бросаясь на Митрофана*). Ох ты чушка проклятая!

Правдин (*не допуская Скотинина*). Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка, заслони меня!

Еремеевна (*заслоняя Митрофана, остервенясь и подняв кулаки*). Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин (*задрожав и грозя, отходит*). Я вас доеду!

Еремеевна (*задрожав, вслед*). У меня и свои зацепы востры!

Митрофан (*вслед Скотинину*). Убирайся, дядюшка, проваливай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и оба Простаковы

Г-жа Простакова (*мужу, идучи*). Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, развеся уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова (*к Милону*). А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка.

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопанный. Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен…

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Ведь у

него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!

Правдин (*в сторону*). Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодни матушка все утро изволила провозиться с холопями.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де уж кого и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он не возлюбит, тот дурной человек. (*К Софье.*) Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да*, когда душа его чувствовала *нет*.

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божия к нам, что

удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова (*к Простакову*). Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков (*отходя*). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (*к гостям*). Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с Часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли? Она их манит, а Митрофан отмахивает.

Г-жа Простакова (*не видя их, продолжает*). Авось-либо Господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается?

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорыч Кутейкин…

Еремеевна. И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан (*в сторону*). Пострел их побери и с

Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать. Несчетны годы.

Милон. Ба! Это наш брат служивый! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонный, ваше благородие! А ныне пошел в чистую[147].

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Малу толику арихметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей[148] у счетных дел. Не всякому открыл Господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец поверить, то итоги подвести. Тем и питаюсь: праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломанами[149] бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

---

[147] Примечания: 147
В отставку от службы.

[148] Примечания: 148
Чиновников.

[149] Примечания: 149
Над дробями.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнутьич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

Правдин (*к Кутейкину*). А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

Кутейкин. Из ученых, ваше благородие! Семинарии здешния епархии[150]. Ходил до риторики[151], да Богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию[152] челобитье[153], в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиниями, да не попрут его ногами».

---

[150] Примечания: 150

Епархия — церковно-административный округ.

[151] Примечания: 151

Классы в семинариях назывались по имени основных предметов, изучавшихся на данной ступени курса: риторика, философия, богословие.

[152] Примечания: 152

Консистория — церковная канцелярия, аппарат управления епархией.

[153] Примечания: 153

Прошение, заявление.

Г-жа Простакова. Да где наш Адам Адамыч?

Еремеевна. Я и к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка! Задушил, проклятый, табачищем. Такой греховодник.

Кутейкин. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

Правдин (*в сторону*). Кутейкин еще и умничает!

Кутейкин. Во многих книгах разрешается: во Псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеком».

Правдин. Ну, а еще где?

Кутейкин. И в другой Псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

Правдин (*к г-же Простаковой*). Я не хочу мешать упражнениям сына вашего, слуга покорный.

Милон. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда же вы, государи мои?..

Правдин. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа Простакова. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой…

Милон. С вами, с вами, сударыня.

Правдин. Мы оба эту честь иметь будем!

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин

Г-жа Простакова. Ну, как теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за Часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Ведь здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что… ни про что…

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну…

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну…

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну… а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши…

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да…

Г-жа Простакова. Да… да что… не твое дитя, бестия! По тебе, робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту же минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притупились бы эти (*указывая на ногти*), я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле…

Еремеевна (*заплакав*). Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь… рада бы не токмо что… живота[154] не жалеешь… а все не угодно.

---

[154] Примечания: 154
Жизни (*слав.*).

Кутейкин. Нам восвояси повелите?
Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие? } Вместе.

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. (*К Митрофану.*) Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко[155], так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. (*К Еремеевне.*) С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, чтоу мама и чтоу мать родная. (*Отходит с Митрофаном.*) Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку. Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье. Еремеевна (*в слезах*). Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость

[155] Примечания: 155
Нечто, тайну.

все та же… Кутейкин. А велика ль благостыня? Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день. Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

Конец второго действия

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение…

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких…

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины — перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение…

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, не *вы*. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого…

Правдин. А я слышал, что он в военной службе…

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах…

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на звания мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа…

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. (*С чувством.*) Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, чтоу он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я освободить…

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем…

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня

правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете…

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостию. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сдела-

емся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливый тебе путь, — сказал мне, — а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту же минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду[156].

Правдин. Сущая истина.

Стародум. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал.

---

[156] Примечания: 156
Скаред — скряга, скупец. Здесь — бранное слово.

Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо[157] любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожалованну.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное суще-

---

[157] Примечания: 157
Истинно, действительно.

ство должности[158] дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору[159]. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встре-тясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земи.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие…

Стародум. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, ко-

---

[158] Примечания: 158
Обязанностей, долга.

[159] Примечания: 159
Двор — ближайшее окружение государя, придворные.

торым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству…

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?[160]

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот; а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами, либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? (*Открывает свою табакерку*.)

Стародум (*берет у Правдина табак*). Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублей. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки.

---

[160] Примечания: 160
Не поняли.

И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты[161], без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правила.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. За тем, за чем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья

Софья (*к Правдину*). Сил моих не стало от их шуму.

Стародум (*в сторону*). Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое меня не обманывает…

---

[161] Примечания: 161

«Без ленты» — то есть не получив первой степени одного из орденов, знаком которою, кроме звезды, была носимая через плечо широкая лента установленных для ордена цветов.

Стародум (*обняв ее*). Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросаясь в его объятия*). Дядюшка! Я вне себя от радости.

Стародум. Любезная Софья. Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычь порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости…

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечения — твое счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум (*к Правдину*). Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не

грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицеприятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли бы обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоем замужестве не остановляла нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям…

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям! В голове нет. Умны будут, без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не

наличные достоинства Золотой болван[162] — все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Скотинин, Милон Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рожи, до рожи…

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин (*в запальчивости, оправляя парик*). Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон (*г-же Простаковой*). И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло,

---

[162] Примечания: 162
Статуя.

дай додраться!

Милон (*Скотинину*). Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум (*не могши удержаться от смеха, к Правдину*). Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выезжий?[163]

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я на роду ничего смешнее не видывал.

Скотинин (*держась за шею*). Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину…

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила. В следующую речь г-жи Простаковой Софья сказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нет, братец, ты должен образ выменять господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына

---

[163] Примечания: 163
Приезжий.

вступлюсь. Не спущу отцу родному. (*Стародуму*.) Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум (*указывая на Софью*). Приехал к ней, ее дядя Стародум.

Г-жа Простакова (*оробев и иструсясь*). Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бессчётная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание Божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин (*в сторону*). Тот-то, он-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Еремеевна

Еремеевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты разве девка, собачья ты дочь? Разве у меня в доме, кроме твоей скверной хари, и служанок нет? Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.

Г-жа Простакова. Лежит! Ах, она бестия! Лежит! Как будто она благородная!

Еремеевна. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит…

Г-жа Простакова. Бредит, бестия! Как будто благородная! Зови ты мужа, сына. Скажи им, что второй наш родитель к нам теперь пожаловал по милости Божией, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки. Ну, беги, переваливайся!

Стародум. К чему так суетиться, сударыня? По милости Божией я ваш не родитель; по милости же Божией я вам и незнаком.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой приезд, батюшка, ум у меня отнял; да дай хоть обнять тебя хорошенько, благодетель наш!..

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Простаков, Митрофан и Еремеевна

В следующую речь Стародума Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место в стороне и, сложа руки, стала как вкопанная, выпяля глаза на Стародума с рабским подобострастием.

Стародум (*обнимая неохотно г-жу Проста-*

кову).

Милость совсем лишняя, сударыня! Без нее мог бы я весьма легко обойтиться. (*Вырвавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоящий уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.*) Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум (*увидя еще двух, с нетерпением*). А это кто еще?

Простаков (*обнимая*). Я женин муж.
Митрофан (*ловя руку*). А я матушкин сынок. } Вместе.

Милон (*Правдину*). Теперь я не представлюсь.

Правдин (*Милону*). Я найду случай представить тебя после.

Стародум (*не давая руки Митрофану*). Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка. Какде, сударь, мне не целовать твоей ручки? Ты мой второй отец.

Митрофан. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец… (*К матери.*) Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофан. Второй? Второй отец, дядюшка.

Стародум. Я, сударь, тебе ни отец, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, ведь робенок, может быть, свое счастье прорекает: авось-либо сподобит Бог быть ему и впрямь твоим племянничком.

Скотинин. Право! А я чем не племянник? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братец, с тобою лаяться не стану. (*К Стародуму.*) Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась. У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу. Пусть же, себе на уме, Бог тому заплатит, кто меня, бедную, обижает.

Стародум. Я это приметил, как скоро ты, сударыня, из дверей показалась.

Правдин. А я уже три дня свидетелем ее добронравия.

Стародум. Этой забавы я так долго иметь не могу. Софьюшка, друг мой, завтра же поутру еду с тобой в Москву.

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! За что такой гнев?

Простаков. За что немилость?

Г-жа Простакова. Как! Нам расстаться с Софьюшкой! С сердешным нашим другом! Я с одной тоски хлеба отстану.

Простаков. А я уже тут сгиб да пропал.

Стародум. О! Когда же вы так ее любите, то должен я вас обрадовать. Я везу ее в Москву для того, чтоб сделать ее счастье. Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств. За него ее и выдам.

Г-жа Простакова. Ах, уморил!

Милон. Что я слышу!

Софья кажется пораженною.

Все вместе.

Скотинин. Вот те раз!

Простаков всплеснул руками.

Митрофан. Вот тебе на! Еремеевна печально кивнула головою.

Правдин показывает вид огорченного удивления.

Стародум (*приметя всех смятение*). Что это значит? (*К Софье.*) Софьюшка, друг мой, и ты мне кажешься в смущении? Неужель мое намерение тебя огорчило? Я заступаю место отца твоего. Поверь мне, что я знаю его права. Они нейдут далее, как отвращать несчастную склонность дочери, а

выбор достойного человека зависит совершенно от ее сердца. Будь спокойна, друг мой! Твой муж, тебя достойный, кто б он ни был, будет иметь во мне истинного друга. Поди за кого хочешь.

Все принимают веселый вид.

Софья. Дядюшка! Не сомневайтесь в моем повиновении.

Милон (*в сторону*). Почтенный человек!

Г-жа Простакова (*с веселым видом*). Вот отец! Вот послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человек ее стоил. Так, мой батюшка, так. Тут лишь только женихов пропускать не надобно. Коль есть в глазах дворянин, малый молодой…

Скотинин. Из ребят давно уж вышел…

Г-жа Простакова. У кого достаточек, хоть и небольшой…

Скотинин. Да свиной завод не плох…

Г-жа Простакова. Так в добрый час, в архангельский.
Скотинин. Так веселым пирком да за свадебку. } Вместе.

Стародум. Советы ваши беспристрастны. Я это вижу.

Скотинин. То ль еще увидишь, как опознаешь меня покороче. Вишь ты, здесь содомно. Через час место приду к тебе один. Тут и дело сладим. Скажу, не похвалясь: каков я, право, таких мало. (*Отходит.*)

Стародум. Это всего вероятнее.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца…

Стародум. А он ваш братец?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка. Ведь и я по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было у них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти Господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались… Двое о Святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка!

Стародум. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отец! Не нынешний был век. Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают,

ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. Кстати ли? Покойник-свет и руками, и ногами, Царство ему Небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, что чему-нибудь учиться захочет.

Правдин. Вы, однако ж, своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова (*к Правдину*). Да ныне век другой, батюшка! (*Стародуму*.) Последних крох не жалеем, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет и детина хоть куда. Ведь вот уж ему, батюшка, шестнадцать лет исполнится около зимнего Николы. Жених хоть кому, а все-таки учители ходят, часа не теряет, и теперь двое в сенях дожидаются. (*Мигнула Еремеевне, чтоб их позвать*.) В Москве же приняли иноземца на пять лет и, чтоб другие не сманили, контракт в полиции заявили. Подрядился учить, чему мы хотим, а по нас, учи, чему сам умеешь. Мы весь родительский долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим. Желала б я душевно, чтоб ты сам, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил.

Стародум. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*). Вот и учители! Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет. Свое дитя хвалить дурно, а куда не бессчастна будет та, которую приведет Бог быть его женою.

Правдин. Это все хорошо: не забудьте, однако ж, сударыня, что гость ваш теперь только из Москвы приехал и что ему покой гораздо нужнее похвал вашего сына.

Стародум. Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги, и от всего того, что слышал и что видел.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародум. Благодарен. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мне, и сыну, и мужу. Мы все за твое здоровье в Киев пешком обещаемся, лишь бы дельце наше сладить.

Стародум (*к Правдину*). Когда же мы увидимся?

Отдохнув, я сюда приду.

Правдин. Так я здесь и буду иметь честь вас видеть.

Стародум. Рад душою. (*Увидя Милона, который*

ему с почтением поклонился, откланивается и ему учтиво.)

Г-жа Простакова. Так милости просим.

Кроме учителей, все отходят. Правдин с Милоном в сторону, а прочие в другую.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодня к здешнему обеду провианту не стало.

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня владыко, шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвирне, взалках[164] бы яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!..

Кутейкин. Слыхал ли ты, братец, каково житье-то здешним челядинцам[165], даром что ты

---

[164] Примечания: 164
Захотел есть (взалкать — *слав.*).

[165] Примечания: 165
Челяди, слугам.

служивый, бывал на баталиях[166], страх и трепет приидет на тя…

Цыфиркин. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. (*Вздохнув.)* Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин (*вздохнув*). О, горе мне грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятеся сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумаешься. Дал мне Бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трех перечесть не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости господи, без складу по складам, без толку по толкам.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня рады в толчки.

Кутейкин. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Цыфиркин (*с жаром*). Я дал бы себе ухо отнести,

---

[166] Примечания: 166
В сражениях.

лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкин. Меня хоть теперь шелепами[167], лишь бы выю грешничу[168] путем накостылять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, г-жа Простакова и Митрофан

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женишься.

Митрофан. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодни ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли Божией!

Митрофан. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денеж-

---

[167] Примечания: 167
Плетями.

[168] Примечания: 168
Шею грешничью.

ки было б куды класть.

Митрофан. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). Ах, господи боже мой! Уж робенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

Митрофан. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Всё зады, ваше благородие. Ведь с задами-то век назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залетать далеко, да и боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад[169], идти по дороге со мною. Ну хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое…

Митрофан (*пишет*). Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублей.

---

[169] Примечания: 169
Например.

Митрофан (*пишет*). Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан (*вычисляя, шепчет*). Единожды три — три. Единожды нуль — нуль. Единожды нуль — нуль.

Г-жа Простакова. Что, что, до дележа?

Митрофан. Вишь, триста рублев, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова. Врет он, друг мой сердечный. Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублей.

Митрофан. Десять.

Цыфиркин. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофан (*пишет*). Ну, ну, десять.

Цыфиркин. Сколько ж бы на год?

Митрофан (*вычисляя, шепчет*). Нуль да нуль — нуль. Один да один… (*Задумался.*)

Г-жа Простакова. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет — что считать? Деньги есть — сочтем и без Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкин. Шабашь, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Ведь на поверку приводить не станут.

Митрофан. Небось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

Кутейкин (*открывает Часослов. Митрофан берет указку*). Начнем благословясь. За мною со вниманием. «Аз же есмь червь…»[170]

Митрофан. «Аз же есмь червь…»

Кутейкин. Червь, сиречь животина, скот. Си-

---

[170] Примечания: 170
Я — червь (*слав.*).

речь: «аз есмь скот».

Митрофан. «Аз есмь скот».

Кутейкин (*учебным голосом*). «А не человек».

Митрофан (*так же*). «А не человек».

Кутейкин. «Поношение человеков».

Митрофан. «Поношение человеков».

Кутейкин. «И уни…»

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Вральман

Вральман. Ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хотят репёнка! Матушка ты мая! Сшалься нат сфаей утропой, катора дефять месесоф таскала, — так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим проклятым слатеям. Ис такой калафы долго ль палфан? Ушь диспозисион[171], фсё есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейкин (*затворяя Часослов*). Конец и Богу слава.

Вральман. Матушка мая! Што тепе натопно?

---

[171] Примечания: 171
Расположение (*фр.*).

Сынок, какоф ест, да тал пох старовье, или сынок премудрой, так сказать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха; напить ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда, Адам Адамыч: да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот Петербург, скажут дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит; а и он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман. Сфая кампания то ли тело?

Г-жа Простакова. Адам Адамыч! Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких на

сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

Г-жа Простакова. То даром, что мой сын. Малый острый, проворный.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы рассиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать[172] пез россиской крамат!

Кутейкин (*в сторону*). Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркин (*в сторону*). Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мне.

Вральман. Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калашь.

Г-жа Простакова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл сматреть публик. Пыфало,

---

[172] Примечания: 172
Продвигаться, играть роль (*фр.*).

о праснике съетутца в Катрингоф[173] кареты с хоспотами. Я фсё на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простакова. С каких козел?

Вральман (*в сторону*). Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал? (*Вслух.*) Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова. Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш трашайший сын также на сфете как-нибудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт![174]

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова (*усмехаясь радостно*). Робенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Поти, мая матушка! Салётна птиса!

---

[173] Примечания: 173

Екатерингоф — бывший пригород Петербурга, где устраивались праздничные гулянья.

[174] Примечания: 174

Прочь! (*нем.*)

С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Вральман, Кутейкин, Цыфиркин

Цыфиркин (*насмехаясь*). Эка образина!

Кутейкин (*насмехаясь*). Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин (*ударив по плечу*). А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова!

Вральман. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкин (*ударив по плечу*). Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральман (*тихо*). Пропаль я. (*Вслух.*) Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твои всегда глаголоша гордыню, нечестивый.

Вральман (*оправляясь от робости*). Как фы терсаете нефешничать перед ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою…

Кутейкин. А я Часословом.

Вральман. Я хоспоже на фас пошалююсь.

Цыфиркин, замахиваясь доской, а Кутейкин Часословом.

Цыфиркин. Раскрою тебе рожу напятеро.
Кутейкин. Зубы грешника сокрушу. } Вместе.

Вральман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял трус ноги!

Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный!

Вральман (*в дверях*). Што, фсяли, бестия? Сюта сунтесь.

Цыфиркин. Уплел! Мы бы дали тебе таску!

Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкин. Засел, пребеззаконный! Много ль там вас, басурманов-то? Всех высылай!

Вральман. С атним не слатили! Эх, прат, фсяли!

Цыфиркин. Один десятерых уберу!

Все вдруг кричат.

Кутейкин. Во утрие избию вся грешныя земли!

Конец третьего действия

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ I

Софья (*одна, глядя на часы*). Дядюшка скоро должен выйти. (*Садясь.*) Я его здесь подожду. (*Вынимает книжку и прочитав несколько.*) Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! (*Прочитав опять несколько.*) Нельзя не любить правил добродетели. Они — способы к счастью. (*Прочитав еще несколько, взглянула и, увидев Стародума, к нему подбегает.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Софья и Стародум

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечный!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее,

читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случилось читать из них все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель. Сядем. (*Оба сели.*) Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставления, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я последовать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностью я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум (*с важным чистосердечием*). Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь в свет, где первый шаг решит часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, раз-

вращенные в своих чувствах. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те, которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают, а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для этого добродетельный человек не перестает идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для

того, чтоб слабых глаз не ослепить?

Софья. Да скажите же мне, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне. Всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто ж остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть всегда, как друг, остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, знав, что делает. Надобно, чтоб душа его очень была низка, когда она не выше дурного дела…

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знатность, богатство…

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согла-

симся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степень знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже! По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит…

Стародум. А того не знают, что у двора всякая тварь что-нибудь да значит и чего-нибудь да ищет. Того не знают, что у двора все придворные и у всех придворные. Нет, тут завидовать нечему: без знатных дел знатное состояние ничто.

Софья. Конечно, дядюшка! И такой знатный никого счастливым не сделает, кроме себя одного.

Стародум. Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает.

Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, который бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?

Стародум. Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. С прибеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену ему дает благонравие. Без него умный человек — чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает. Умов много и много разных. Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума и не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо все иметь надобно. Достоинство сердца нераздe-

лимо. Честный человек должен быть совершенно честный человек.

Софья. Ваше изъяснение, дядюшка, сходно с моим внутренним чувством, которого я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честного человека, и его должность.

Стародум. Должность! А, мой друг! Как это слово у всех на языке и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует, когда если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было б совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отчество, которому служить. Тогда не было б таких дворян, которых благородство, можно сказать, погребено с их предками. Дворянин, не достойный быть дворянином, — подлее его ничего на свете не знаю.

Софья. Возможно ль так себя унизить?

Стародум. Друг мой! Что сказал я о дворянине, распространим теперь вообще на человека. У каждого свои должности. Посмотрим, как они исполняются, каковы, например, большею частию мужья нынешнего света, не забудем, каковы и жены. О мой сердечный друг! Теперь мне все твое внимание потребно. Возьмем в пример несчастный дом, каковых множество, где жена не имеет никакой сердечной дружбы к мужу, ни он к жене доверенности; где каждый с своей стороны своротили с пути добродетели. Вместо искреннего и снисходительного друга, жена видит в муже своем грубого и развращенного тирана. С другой стороны, вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. Оба стали друг другу в несносную тягость. Оба ни во что уже ставят доброе имя, потому что у обоих оно потеряно. Можно ль быть ужаснее их состояния? Дом брошен. Люди забывают долго повиновения, видя в самом господине своем раба гнусных страстей его. Имение растощается: оно сделалось ничье, когда хозяин его сам не свой. Дети, несчастные их

дети, при жизни отца и матери уже осиротели. Отец, не имея почтения к жене своей, едва смеет их обнять, едва смеет отдаться нежнейшим чувствованиям человеческого сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, не достойная иметь детей, уклоняется их ласки, видя в них или причины беспокойств своих, или упрек своего развращения. И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет? В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, какому аду доулжно быть в душах и мужа и жены!

Софья. Ах, как я ужасаюсь этого примера!

Стародум. И не дивлюся: он должен привести в трепет добродетельную душу. Я еще той веры, что человек не может быть и развращен столько, чтоб мог спокойно смотреть на то, что видим.

Софья. Боже мой! Отчего такие страшные несчастия!..

Стародум. Оттого, мой друг, что при нынешних супружествах редко с сердцем советуют. Дело о том, знатен ли, богат ли жених? Хороша ли, богата ли невеста? О благонравии вопросу нет. Никому и в голову не входит, что в глазах мыслящих людей честный человек без большого чина

— презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может. Признаюсь тебе, что сердце мое тогда только будет спокойно, когда увижу тебя за мужем, достойным твоего сердца, когда взаимная любовь ваша…

Софья. Да как достойного мужа не любить дружески?

Стародум. Так. Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила б. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны…

Софья. Все, что вы ни говорите, трогает сердце мое…

Стародум (*с нежнейшею горячностию*). И мое восхищается, видя твою чувствительность. От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все приятности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обоих полов совершенства. Ласкаюсь,

что горячность моя меня не обманывает, что добродетель…

Софья. Ты ею наполнил все мои чувства. (*Бросаясь целовать его руку.*) Где она?

Стародум (*целуя сам ее руку*). Она в твоей душе. Благодарю Бога, что в самой тебе нахожу твердое основание твоего счастия. Оно не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства. Все это прийти к тебе может; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтоб чувствовать себя достойною всех благ, которыми ты можешь наслаждаться…

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цену…

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Камердинер Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. (*Отходит.*)

Стародум (*распечатав и смотря на подпись*). Граф Честан. А! (*Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.*) Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья (*отходя*). Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум (*один*). Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком… Если свободно ее сердце…

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья

Софья (*подавая очки*). Нашла, дядюшка.

Стародум (*читает*). «Я теперь только узнал… ведет в Москву свою команду… Он с вами должен встретиться… Сердечно буду рад, если он увидится с вами… Возьмите труд узнать образ мыслей его». (*В сторону*.) Конечно. Без того ее не выдам… «Вы найдете… Ваш истинный друг…» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен… Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча приметил, и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне…

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум (*в сторону*). Милон!

Милон. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей…

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя. Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам свою справедливость. Особливые достоинства… Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди. Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы узнаете его короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей… Стародум оглядывается на Софью.

Софья (*тихо Стародуму и в большой радости*). И матушка любила его, как сына.

Стародум (*Софье*). Мне это очень приятно.

(*Милону*.) Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша…

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою…

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу.

Неустрашимость его состоит, собственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое еще не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостию человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так…

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу

и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более своего сердечного чувства. Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоуит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум (*к Софье, с радостью*). Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. (*В восхищении соединяя их руки.*) От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон (*обнимая Стародума*). Мое счастье несравненно!
Софья (*целуя руки Стародумовы*). Кто может быть счастливее меня! } Вместе.

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон (*целуя руку Софьи*). Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Скотинин

Скотинин. И я здесь.

Стародум. Зачем пожаловал?

Скотинин. За своей нуждой.

Стародум. А чем я могу служить?

Скотинин. Двумя словами.

Стародум. Какими это?

Скотинин. Обняв меня покрепче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародум. Не пустое ль затевать изволишь? Подумай-ко хорошенько.

Скотинин. Я никогда не думаю и наперед уверен, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародум. Это странное дело! Человек ты, как вижу, не без ума, а хочешь, чтоб я отдал мою племянницу, за кого — не знаю.

Скотинин. Не знаешь, так скажу. Я Тарас Скотинин, в роде своем не последний. Род Скотининых

великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии[175] не отыщешь.

Правдин (*смеючись*). Этак вы нас уверите, что он старее Адама?

Скотинин. А что ты думаешь? Хоть немногим…

Стародум (*смеючись*). То есть пращур твой создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама?

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь, как на твоем месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

Скотинин. Рассуди же, какое счастье Софьюшке быть за мною. Она дворянка…

Стародум. Экой человек! Да для того-то ты ей и не жених.

Скотинин. Уж я на то пошел. Пусть болтают, что Скотинин женился на дворяночке. Для меня все равно.

Стародум. Да для нее не все равно, когда скажут, что дворянка вышла за Скотинина.

Милон. Такое неравенство сделало б несчастье вас обоих.

---

[175] Примечания: 175

Герольдией называлось учреждение, в числе других дел регистрировавшее дворянские родословные.

Скотинин. Ба! Да этот что тут равняется! (*Тихо Стародуму*.) А не отбивает ли?

Стародум (*тихо Скотинину*). Мне так кажется.

Скотинин (*тем же тоном*). Да где черту!

Стародум (*тем же тоном*). Тяжело.

Скотинин (*громко, указывая на Милона*). Кто ж из нас смешон? Ха-ха-ха-ха!

Стародум (*смеется*). Вижу, кто смешон.

Софья. Дядюшка! Как мне мило, что вы веселы.

Скотинин (*Стародуму*). Ба! Да ты весельчак. Давича я думал, что к тебе приступу нет. Мне слова не сказал, а теперь все со мной смеешься.

Стародум. Таков человек, мой друг! Час на час не приходит.

Скотинин. Это и видно. Ведь и давича был я тот же Скотинин, а ты сердился.

Стародум. Была причина.

Скотинин. Я ее и знаю. Я и сам в этом таков же. Дома, когда зайду в клева да найду их не в порядке, досада и возьмет. И ты, не в пронос слово, заехав сюда, нашел сестрин дом не лучше клевов, тебе и досадно.

Стародум. Ты меня счастливее. Меня трогают люди.

Скотинин. А меня так свиньи.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна

Г-жа Простакова (*входя*). Всё ли с тобою, друг мой?

Митрофан. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволили, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, чтоб тебя не обеспокоить; не смели в дверь заглянуть; послышим, ан уж ты давно и сюда выйти изволил. Не взыщи, батюшка…

Стародум. О сударыня, мне очень было бы досадно, если б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. (*Стародуму.*) Позволь же, мой батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну.*) Кланяйтесь.

Стародум. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей

наших, — нам, грешным, где б и умолить, — даровал нам Господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ли, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*К Правдину*.) Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.
Простаков. Всему, мой отец.
Митрофан. Всему, чему изволишь.
} Вместе.

Правдин (*Митрофану*). Чему ж бы, например?

Митрофан (*подает ему книгу*). Вот, грамматике.

Правдин (*взяв книгу*). Вижу. Это грамматика. Что ж в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна…

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему ж?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придет

против Адама Адамыча.

Правдин (*Митрофану*). А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной за-летишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет. Наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли оба вы учились и географии?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышишь, друг мой сердечный? Это что за наука?

Митрофан (*тихо матери*). А я почем знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан (*тихо матери*). Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еор-

гафия.

Митрофан. Да что такое! Господи боже мой! Пристали с ножом к горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

Правдин. Описание земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А к чему бы это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда, свезут, — куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на

железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтоб из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похвалюсь, от вас не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! Каково это?

Стародум. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную картину.

Скотинин. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел. А какова была головушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею[176], и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота?

---

[176] Примечания: 176

Потылица — затылок; к похвям — к нахвостному ремню у седла.

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум (*Милону*). Об заклад не бейся. Я думаю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видим своими глазами и в нашем краю. Кто посмышленее, того свои же братья дворяне тотчас выберут еще в какую-нибудь должность.

Стародум. А кто посмышленее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякий того и смотрит, что на покой. (*Правдину*.) Ты сам, батюшка, других посмышленее, так сколько трудишься! Вот и теперь, сюда шедши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! (*Вставая*.) Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеления от наместника.

Стародум (*встает и все встают*). Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтра едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

Милон. А я завтра же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

ЯВЛЕНИЕ IX

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Скотинин, Еремеевна, Стародум, Софья

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

Скотинин. Ну, мой друг сердечный? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обоих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли ж за мною Софьюшке?

Стародум. Не бывать.

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова. А что б помешало?
Скотинин. За чем дело стало?
} Вместе.

Стародум (*сведя обоих*). Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. (*Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним.*)

Г-жа Простакова. Ах, злодей!

Скотинин. Да он рехнулся.

Г-жа Простакова (*с нетерпением*). Когда они выедут?

Скотинин. Ведь ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа Простакова. В семь часов.

Скотинин. Завтре и я проснусь с светом вдруг.

Будь он умен, как изволит, а и с Скотининым развяжешься не скоро. (*Отходит.*)

Г-жа Простакова (*бегая по театру в злобе и в мыслях*). В семь часов!.. Мы встанем поране… Что захотела, поставлю на своем… Все ко мне!

Все подбегают.

Г-жа Простакова (*к мужу*). Завтра в шесть часов чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай.

Простаков. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова (*к Еремеевне*). Ты во всю ночь не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она проснется, беги ко мне.

Еремеевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова (*сыну*). Ты, мой друг сердеч-

ный, сам в шесть часов будь совсем готов и поставь троих слуг в Софьиной предспальней, да двоих в сенях на подмогу.

Митрофан. Все будет сделано.

Г-жа Простакова. Подите ж с богом. (*Все отходят.*) А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик погневается да простит и за неволю. А мы свое возьмем.

Конец четвертого действия

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение Богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно, и что угнетать рабством себе подобных беззаконно.

Правдин. Я в этом согласен с вами; да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

Стародум. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать лю-

дям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

Правдин. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать…

Стародум. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И, во-первых, толпа скаредных льстецов…

Правдин. Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец.

Стародум. Льстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, который сперва свечу погасит, а потом красть станет.

Правдин. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми…

Стародум. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может выйти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, — тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

Правдин. Справедливо. Великий государь дает…

Стародум. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

Правдин. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особливое старание о воспитании…

Стародум. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и

выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин.

Правдин. Но особы высшего состояния просвещают детей своих…

Стародум. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих — благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякий день разогнул ему Историю и указал ему в ней два места: в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

Правдин. Надобно действительно, чтоб всякое состояние людей имело приличное себе воспитание: тогда можно быть уверену… Что за шум?

Стародум. Что такое сделалось?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Милон, Софья, Еремеевна

Милон (*отталкивая от Софьи Еремеевну, ко-*

торая за нее было уцепилась, кричит к людям, имея в руке обнаженную шпагу). Не смей никто подойти ко мне!

Софья (*бросаясь к Стародуму*). Ах, дядюшка! Защити меня!

Стародум. Друг мой! Что такое!
Правдин. Какое злодеяние!
Софья. Сердце мое трепещет!
Еремеевна. Пропала моя головушка!
} Вместе.

Милон. Злодеи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее под руки, несмотря на сопротивление и крик, сводят уже с крыльца к карете.

Софья. Вот мой избавитель!

Стародум (*к Милону*). Друг мой!

Правдин (*Еремеевне*). Сейчас скажи, куда везти хотели, или как с злодейкой…

Еремеевна. Венчаться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа Простакова (*за кулисами*). Плуты! Воры!

Мошенники! Всех прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милона.*) Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват?
Митрофан. За людей приниматься?
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу!
} Вместе.

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам, как дяде, а вам, как жениху…

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаков. Хороши мы!
Митрофан. Всё к черту!
} Вместе.

Правдин. Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представлю ее перед суд,

как нарушительницу гражданского спокойства. Г-жа Простакова (*бросаясь на колени*). Батюшки, виновата! Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии… Простаков. Без вины виноват. Митрофан. Виноват, дядюшка. Вместе бросаясь на колени.

Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку… Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. (*К Софье.*) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! В своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Ведь я

человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да не надобно быть и чертом.

Милон. И преступление, и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством… и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям, своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Пря-

мой ты Скотинин. (*Г-же Простаковой.*) Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен: да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?[177]

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову… (*Порывается идти.*)

Правдин (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынув бумагу и важным голосом Простакову.*) Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа…

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве тер-

---

[177] Примечания: 177

«Указ о вольности дворянской», изданный в 1762 году Петром III, предоставлял дворянству ряд преимуществ, в том числе освобождал дворян от обязательной службы государству. Простакова же понимает указ как разрешение дворянам делать все, что им захочется.

пимо быть не может. (*Простакову*.) Подите.

Простаков (*отходит, всплеснув руками*). От кого это, матушка?

Г-жа Простакова (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да этак и до меня доберутся. Да этак и всякий Скотинин может попасть под опеку. Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю. Совсем погибаю!

Скотинин (*Стародуму*). Я шел было к тебе добиться толку. Жених…

Стародум (*указывая на Милона*). Вот он.

Скотинин. Ага! Так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и…

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей…

Правдин. Побольше любили или б по крайней мере…

Скотинин. Ну?..

Правдин. Хоть не трогали.

Скотинин (*отходя*). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна

Г-жа Простакова (*Правдину*). Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. (*В сторону*.) Я дала бы себя знать…

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а…

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?..

Не доплачено учителям…

Правдин. Учителям? (*Еремеевне*.) Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум (*видя в тоске г-жу Простакову).* Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин

Еремеевна (*введя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман (*к Правдину*). Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

Кутейкин (*к Правдину*). Зван бых и приидох.

Цыфиркин (*к Правдину*). Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум (*с прихода Вральмана в него вглядывается*). Ба! Это ты, Вральман!

Вральман (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин. (*Целуя полу Стародума.*) Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года был у меня кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитель…

Правдин (*к учителям*). По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся…

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милостивый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по-пустому, за…

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину*.) Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин (*потупя голову*). Посрамихся, ока-

янный.

Стародум (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам не заслужа, век не потребую.

Милон (*давая ему деньги*). Вот еще тебе, друг мой!

Цыфиркин. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтре да потрудись расчесться с самой госпожою.

Кутейкин (*выбегая*). С самою! Ото всего отступаюсь.

Вральман (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от

лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Камердинер

Камердинер (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральман. Прикашишь мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна

Стародум (*к Правдину, держа руку Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам… Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца. Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердешный друг, Митрофанушка! Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась… Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*) Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти. Стародум (*Софье*).

Помоги ей, помоги. Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Да она как будто неведомо…

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

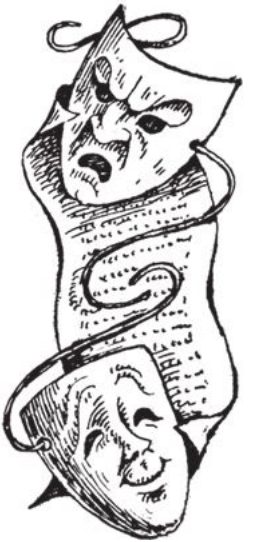
Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю, что делать. Пошел-ко служить…

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят…

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

Конец комедии



Прозаические произведения

Всеобщая придворная грамматика

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора: она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: *вскоре после всеобщего потопа*.

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Вопр. Что есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр. Что значит хитро льстить?

Отв. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выражение души подлой перед душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр. На сколько родов разделяются подлые души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какие подлые души первого рода?

Отв. Те, кои сделали несчастную привычку без малейшей нужды в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр. Какие подлые души второго рода?

Отв. Те, кои, с благоговением предстоя большо-

му барину, смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр. Какие суть подлые души третьего рода?

Отв. Те, которые пред лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отпереться.

Вопр. А какие подлые души рода четвертого?

Отв. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какие суть подлые души пятого рода?

Отв. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр. Какие же суть подлые души рода шестого?

Отв. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне двора кажутся *Катонами*; вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которые трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостию стерегут целость отечества и несчастных избавляют от погибели; но, переступя чрез порог в чертоги государя, делается с

ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестию; кого ругал за полчаса, пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

Вопр. Какое разделение слов у двора примечается?

Отв. Обыкновенные слова бывают: *односложные, двусложные, троесложные и многосложные*. Односложные: *так, князь, раб*; двусложные: *силен, случай, упал;*

троесложные: *милостив, жаловать, угождать*, и наконец многосложные: *высокопревосходительство*.

Вопр. Какие люди обыкновенно составляют двор?

Отв. Гласные и безгласные.

Глава вторая

О ГЛАСНЫХ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Вопр. Что разумеешь ты чрез гласных?

Отв. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверзтие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: *о*! — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: *а*! — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Вопр. Сколько у двора бывает гласных?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубоярин?

Отв. Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные, или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но перед безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Отв. Они у двора точно то, что в азбуке буква

ъ, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Вопр. Что при словах примечать должно?

Отв. Род, число и падеж.

Вопр. Что есть придворный род?

Отв. Есть различие между душою мужескою и женскою. Сие различие от пола не зависит, ибо у двора иногда женщина стоуит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что есть число?

Отв. Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда: сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

Вопр. Что есть придворный падеж?

Отв. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в винительном падеже; снискивают же их расположение в покровительство обыкновенно падежом дательным.

Вопр. Сколько у двора залогов?

Отв. Три: *действительный, страдательный*, а

чаще всего *отложительный*.

Вопр. Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

Отв. Повелительное и неопределенное.

Вопр. У людей заслуженных, но беспомощных, какое время употребляется по большей части в разговорах с большими господами?

Отв. Прошедшее, например: *я изранен, я служил*, и тому подобное.

Вопр. В каком *времени* бывает их ответ?

Отв. В будущем, например: *посмотрю, доложу*, и так далее.

Глава третья

О ГЛАГОЛАХ

Вопр. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

Отв. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным* (для примера прилагается здесь спряжение *настоящего времени*, чаще всех употребительнейшего):

Настоящее:

Я должен. Мы должны.

Ты должен. Вы должны.

Он должен. Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

Отв. Весьма редко: ибо никто долгов своих не платит.

Вопр. А в будущем?

Отв. В будущем спряжение сего глагола употребительно: ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу *будет*, если еще не есть.

Рассуждение о непременных государственных законах

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенствам, поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. И действительно, все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем; но вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были б превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностию беспредельная власть его ограничивалась? Нет. Она есть одного свойства со властию Существа

Вышнего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил Он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть рогом, сам преступить не может. Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней Его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем, и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

Без сих правил или, точнее объясниться, без непременных государственных законов, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той подпоры, на которой бы их общая сила утвердилась. Все в намерениях полезнейшия установления никакого основания иметь не будут. Кто оградит их прочность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования установляемо было? Кто поручится, чтоб сам законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими пред ним истину, не

разорил того сегодня, что созидал вчера? Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения; ибо не нрав государя приноравливается к законам, но законы к его нраву. Какая же доверенность, какое почтение может быть к законам, не имеющим своего естественного свойства, то есть соображения с общею пользою? Кто может дела свои располагать тамо, где без всякой справедливой причины завтра вменится в преступление то, что сегодня не запрещается? Тут каждый, подвержен будучи прихотям и неправосудию сильнейших, не считает себя в обязательстве наблюдать того с другими, чего другие с ним не наблюдают.

Тут, с одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительные дерзкое невежество требует доказательств и без указа им не повинуется, когда, с другой стороны, безумное веление сильного с рабским подобострастием непрекословно исполняется. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет; ибо править дол-

женствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпят. Тут подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному *любимцу*.

Я назвал его недостойным потому, что название *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему Отечеству истинные заслуги, а принадлежит обыкновенно человеку, достигшему высоких степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престает всякое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцевым. От произвола сего последнего все зависит. Собственность и безопасность каждого колеблется. Души унывают, сердца развращаются, образ мыслей становится низок и презрителен.

Пороки любимца не только входят в обычай, но бывают почти единым средством к возвышению. Если любит он пьянство, то сей гнусный порок всех вельмож заражает.

Если дух его объят буйством и дурное воспитание приучило его к подлому образу поведения, то во время его знати поведение благородное бывает уже довольно заградит путь к счастью,

но если провидение в лютейшем своем гневе к человеческому роду попускает душою государя овладеть чудовищу, которое все свое любочестие полагает в том, чтоб Государство неминуемо было жертвою насильств и игралищем прихотей его; если все уродливые движения души влекут его первенствовать только богатством, титлами и силою вредить; если взор его, осанка, речь ничего другого не знаменуют, как «боготворите меня, я могу вас погубить»; если беспредельная его власть над душою государя препровождается в его душе бесчисленными пороками; если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбец, бесстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщею, все сии пороки разливаются и заражают двор, город и, наконец, — Государство. Вся молодость становится надменна и принимает тон буйственного презрения ко всему тому, что должно быть почтенно. Все узы благочиния расторгаются к крайнему соблазну, ни век, изнуренный в служении Отечества, ни сан, приобретенный истинною службой, не ограждают почтенного человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших и одним случаем поднимаемых негодниц. Коварство и ухищрение приемлется главным правилом поведения. Ни-

кто нейдет стезею себе свойственною. Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать. В сие благо-спешное недостойным людям время какого воздания могут ожидать истинные заслуги, или паче есть ли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место государственное не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? Посвятя жизнь свою военной службе, лестно ли дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал, неизвестно кто и неведомо за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером? Лестно ль быть судьею, когда правосудным быть не позволяется? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развращение.

Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может — грабит; кто не может — крадет, и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные Государству откупы, тогда не знает он того, что в Государстве его ненаказанность всякого преступления давно

на откупу, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права взять чужое, тогда всякой спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим. И что может остановить стремление порока, когда идол самого государя, пред очами целого света, в самих царских чертогах, водрузил знамя беззакония и нечестия; когда, насыщая бесстыдно свое сластолюбие, ругается он явно священными узами родства, правилами чести, долгом человечества и пред лицем законодателя божеские и человеческие законы попирать дерзает? Не вхожу я в подробности гибельного состояния дел, исторгнутых им под особенное его начальство; но вообще видим, что если, с одной стороны, заразивший его дух любоначалия кружит все головы, то, с другой, дух праздности, поселивший в него весь ад скуки и нетерпения, распространяется далеко, и привычка к лености укореняется тем сильнее, что рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством, смеха достойным.

После всего мною сказанного и живым примером утверждаемого не ясно ли видим, что не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чает утвердить свое самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди? Подобен будучи прозрачному телу, чрез которое насквозь видны действующие им пружины, тщетно пишет он новые законы, возвещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления: новые законы его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство уничтожено, и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское. Нация тем не менее страждет, что не сам государь принялся ее терзать, а отдал на расхищение извергам, себе возлюбленным. Таковое положение долго и устоять не может. При крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть Государство? Колосс, державшийся

цепями. Цепи разрываются, колосс упадает и сам собою разрушается. Деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять не возвращается.

Для отвращения таковыя гибели государь должен знать во всей точности все права своего величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении и, второе, чтобы самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властию, а именно властию здравого рассудка. До первого достигает государь правотою, до второго кротостию.

Правота и кротость суть лучи божественного света, возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от Бога и что достойна она благоговейного их повиновения: следственно, всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога, но от людей, коих несчастии времян попустили, уступая силе, унизить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело

ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают? Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные; ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какою властию она его облекает. Возможно ль же, чтобы нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государю делать неправосудие безотчетно?

Не стократно ли для нее лучше не иметь никаких законов, нежели иметь такой, который дает право государю делать всякие насильства? А потому и должен он быть всегда наполнен сею великою истиною, что он установлен для Государства и что собственное его благо от счастия его подданных долженствует быть неразлучно.

Рассматривая отношения государя к подданным, первый вопрос представляется разуму: что

же есть государь? Душа правимого им общества. Слабая душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, или вовсе вверяется, или ни в чем не доверяет. Положась на них, беспечно принимает кучу за гору, планету за точку: но буде презирает она их служение, буде возмечтает о себе столько, что захочет сама, зажмурясь, видеть и, заткнув уши, слышать, какой правильной разрешимости тогда ожидать от нее можно и в какие напасти она сама себя не завлекает!

Государь, душа политического тела, равной судьбине подвергается. Отверзает ли он слух свой на всякое внушение, отвращает ли оный от всяких представлений, уже истина его не просвещает: но если он сам и не признает верховной ее власти над собою, тогда все отношения его к Государству в источниках своих развращаются: пойдут различии между его благом и государственным; тотчас поселяется к нему ненависть; скоро сам он начинает бояться тех, которые его боятся, словом: вся власть его становится беззаконная; ибо не может быть законна власть, которая ставит себя выше всех законов естествен-

ного правосудия.

Просвещенный ум в государе представляет ему сие заключение без сомнения во всей ясности, но просвещенный государь есть тем не больше человек. Он как человек родится, как человек умирает и в течение своей жизни как человек погрешает: а потому и должно рассмотреть, какое есть свойство человеческого просвещения. Между первобытным его состоянием в естественной его дикости и между истинным просвещением расстояние толь велико, как от неизмеримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхождения на гору потребно человеку пространство целой жизни: но взошед на нее, если позволит он себе шагнуть чрез черту, разделяющую гору от пропасти, уже ничто не останавливает его падения, и он погружается опять в первобытное свое невежество. На самом пороге сея страшныя пропасти стоит просвещенный государь.

Стражи, не допускающие его падение, суть правота и кротость. В тот час, как он из рук их себя исторгает, погибель его совершается, меркнет свет душевных очей его, и, летя стремглав в бездну, вопиет он вне ума: «Все мое, я все, все ничто».

Державшийся правоты и кротости просве-

щенный государь не поколеблется никогда в истинном своем величестве; ибо свойство правоты таково, что самое ее никакие предубеждении, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий — все на одной чреде стоят; добрый государь добр для всех, и все уважении его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе его не жалобным лицом обманывающего его корыстолюбца, но истинною бедностию несчастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможе, должен он весь свой народ иметь пред глазами. Он должен знать, что государственным награждается одна заслуга Государству, что не повинно оно платить за угождения его собственным страстям и что всякий налог, взыскуемый не ради пользы Государства, есть грабеж в существе своем и форме. Он должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступлении, им терпимые, становятся его

преступлениями. Тщетно государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред Отечеством невинен и что тем весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность его есть платеж долгу, коим он сам себе должен: но Государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которого не сделал. Всякое попущение — его вина; всякая жестокость — его вина; ибо он должен знать, что послабление пороку есть одобрение злодеяниям и что, с другой стороны, наистрожайшее правосудие над слабостьми людскими есть наивеличайшая человечеству обида. К несчастию подданных, приходит иногда на государя такая полоса, что он ни о чем больше не думает, как о том, что он государь; иногда ни о чем больше, как о том, что он человек. В первом случае обыкновенно походит он в делах своих на худого человека, во втором бывает неминуемо худым государем. Чтобы избегнуть сих обеих крайностей, государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ничто за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает

общую безопасность, предается всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит самого себя, наказывается его презрением. Кто не рачит о должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям.

Правота делает государя почтенным; но кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым. Она напоминает ему непрестанно, что он человек и правит людьми. Она не допускает поселиться в его голову несчастной и нелепой мысли, будто Бог создал миллионы людей для ста человек. Между кротким и горделивым государем та ощутительная разница, что один заставляет себя внутренне обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждает себя боготворить, тот внутри души своей, видно, чувствует, что он человек. Напротив того, кроткий государь не возвышается никогда унижением человечества. Сердце его чисто, душа права, ум ясен. Все сии совершенства представляют ему живо все его должности. Они твердят ему всечасно, что государь есть первый служитель Государства; что преимущества его распространены нациею только для того, чтоб он в состоянии был делать

больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может; ибо она дала ему все то, что он сам имеет; что для его же собственного блага должен он уклоняться от власти делать зло и что, следственно, желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властию. Невозможность делать зло может ли быть досадна государю? А если может, так разве для того, что дурному человеку всегда досадно не смочь делать дурно. Право деспота есть право сильного; но и разбойник то же право себе присвояет. И кто не видит, что изречение *право сильного* выдумано в посмеяние? В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда буольшая сила сгоняет ее с места? Войдем еще подробнее в существо сего мнимого права. Потому что я не в силах кому-нибудь сопротивляться, следует ли из того, чтоб я морально обязан был признавать его волю правилом моего поведения? Истинное право есть то, которое за благо

признано рассудком и которое, следственно, производит некое внутреннее чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. В противном случае повиновение не будет уже обязательство, а принуждение. Где же нет обязательства, там нет и права. Сам Бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить нас может, которое захотело бы сделать нас несчастными или по крайней мере не захотело бы никак пещись о нашем благе, когда чувствовали ли бы мы в душе обязанность повиноваться сей вышней воле, клонящейся к нашему бедствию или нас пренебрегающей? Мы уступили бы по нужде ее всемогуществу, и между Богом и нами было бы не что иное, как одно физическое отношение. Все право на наше благоговейное повиновение имеет Бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ли существу, рассудком одаренному?

Нет; оно не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действования. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железа, топоры. Совсем излишне входить в толки о разностях форм правления и разыскивать, где государь самовластнее и где ограниченнее. Тиран, где бы он ни был, есть тиран, и право народа спасать свое бытие пребывает вечно и везде непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находятся в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая *политическая вольность* нации. Тогда всякий волен будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принуждать делать того, чего хотеть не должно: а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроену, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей, чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; чтоб в лишении имения,

чести и жизни одного дан был отчет всем и чтоб, следственно, всякий беспрепятственно пользоваться мог своим имением и преимуществами своего состояния.

Когда же свободный человек есть тот, который не зависит ни от чьей прихоти; напротив же того, раб деспота тот, который ни собою, ни своим имением располагать не может и который на все то, чем владеет, не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоволения, то по сему истолкованию политической вольности видна неразрывная связь ее с правом *собственности*. Оно есть не что иное, как право пользоваться: но без вольности пользоваться что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права; ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, что нельзя никак нарушать вольности, не разрушая права собственности, и нельзя никак разрушать права собственности, не нарушая вольности.

При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательств, найдем необходимо два главнейшие пункта, а именно те, о коих теперь рассуждаемо было: *вольность* и *собственность*. Оба сии преимущества, равно как

и форма, каковою публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением Государства и моральным свойством Нации. Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных. Ясность их должна быть такова, чтоб ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права. От сих точно законов зависит общая их безопасность, следственно, они и должны быть непременными.

Теперь представим себе Государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее; Государство, раздробленное с лишком на тридцать больших областей и состоящее, можно сказать, из двух только городов, из коих в одном живут люди большею частию по нужде, в другом большею частию по прихоти; — Государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное и которого положение таково, что потерянием одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться; — Государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание цело-

го света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся, никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; — Государство, дающее чужим землям царей и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царския особы; — Государство, где есть все политические людей состояния, но где никоторое не имеет никаких преимуществ и одно от другого пустым только именем различается; — Государство, движимое вседневными и часто друг другу противоречущими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения; — Государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцем и судьею над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва; — Государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять Отечество купно с государем и корпусом своим представлять Нацию, руководствуемое одною честию, дворянство уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему Отечество; где знатность, сия един-

ственная цель благородныя души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых Отечеству, затмевается фавором, поглотившим всю пищу истинного любочестия; — Государство не деспотическое: ибо Нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаяся во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпускать двух уважений: первое, что Государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия; второе, что Государство его

ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя Нацию дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы. При таковом соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание[178].

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать его на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердца, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтобы наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или к пороку.

[178] Примечания: 178

Сего начертания не допустила Панина сочинить скоропостижная ему кончина. (*Приписка на полях рукою П. И. Панина.*)

Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие. Если же надеется он на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелию, сам сильно обманывается. Чтоб казаться добрым государем, необходимо надобно быть таким; ибо как люди порочны ни были б, но умы их никогда столько не испорчены, сколько их сердца, и мы видим, что те самые, кои меньше всего привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях. Быть узнану есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не устрашается. Первое его титло есть титло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека. Он, став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее. Почтение его к заслугам и летам бывает наистрожайшим запрещением всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство,

возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в государе мудрого человека? а любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, вопросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим.

Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях

Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых

Вступление

Славный французский писатель Жан Жак Руссо издал в свет Признания, в коих открывает он все дела и помышления свои от самого младенчества; словом, написал он исповедь и думает, что сей книги его как не было примера, так не будет и подражателей.

Я хочу, говорит Руссо, показать человека во всей его истине природы, изобразив одного себя. Вот какой подвиг имел Руссо в своих Признаниях.

Но я, приближаясь к пятидесяти летам жизни моей, прешед, следственно, половину жизненного поприща и одержим будучи трудною болезнию, нахожу, что едва ли мне остается время на покаяние, и для того да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского, чистосердечно открою

тайны сердца моего и *беззакония* моя аз *возвещу*. Нет намерения моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращение свое. *Господи? не уклони сердца моего в словеса лукавствия и сохрани во мне любовь к истине, юже вселил еси в душу мою.*

Но как апостол глаголет: *исповедуйте убо друг другу погрешения*, разумеется, ваши, а не чужие, то я почитаю за долг не открывать имени тех, кои были орудием греха и порока моего, ниже имен тех, кои приводили меня в развращение; напротив того, со слезами благодарности воспомяну имена тех, кои мне благодетельствовали, кои сохранили ко мне долговременное дружество, кои имели в болезнь мою обо мне сострадание и кои, наконец, наставлением и советом своим совращали меня с пути грешнича и ставили на путь праведен.

Не утаивая ничего из содеянного мною зла, скажу без прибавки и все то, что сделал я, следуя гласу совести. И если между множеством согрешений случилось мне в жизни сотворить нечто благое, то признаю и исповедую, что сие не от меня происходило, но от самого Бога, вся благая нам дарующего: Тому единому восписую благие дела мои, Ему единому за них благодарю и Его молю,

да мя в сем благом утвердит до конца жизни.

Сие испытание моей совести разделяю я на четыре книги. Первая содержать будет мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возраст и четвертая приближающуюся старость.

Прежде нежели начну я мое повествование, необходимо надобно описать свойства тех моих ближних, к коим я в течение жизни моей имел более отношения. Да не причтется мне в пристрастие, ежели я, говоря правду, скажу нечто похвальное о ближних моих: ибо я в справедливости моей ссылаюсь на тех, кои их знали.

Отец мой был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением. По крайней мере читал он все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг. Он был человек добродетельный и истинный христианин, любил правду и так не терпел *лжи*, что всегда краснел, когда кто лгать при нем не устыжался. В передних тогдашних знатных вельмож никто его не видывал, но он не пропускал ни одного праздника, чтоб не быть с почтением у своих начальников.

Ненавидел лихоимства и, быв в таких местах, где люди наживаются, никаких никогда подарков не принимал. «Государь мой! — говаривал он просителю. — Сахарная голова не есть резон для обвинения вашего соперника: извольте ее отнести назад, а принесите законное доказательство вашего права». После сего более уже не разговаривал с просителем.

Отец мой жил с лишком восемьдесят лет. Причиною сему было воздержное христианское житие. Он горячих напитков не пил, пищу употреблял здоровую, но не объедался. Был женат дважды и во время супружества своего никакой другой женщины, кроме жен своих, не знал. За картами ни одной ночи не просиживал и, словом, никакой страсти, возмущающей человеческое спокойствие, он не чувствовал. О, если бы дети его были ему подобны в тех качествах, кои составляли главные души его свойства и кои в нынешнем обращении света едва ли сохранить можно!

Отец мой был характера весьма вспыльчивого, но не злопамятного; с людьми своими обходился с кротостию; но, невзирая на сие, в доме нашем дурных людей не было. Сие доказывает, что побои не есть средство к исправлению людей. Невзирая на свою вспыльчивость, я не слыхал, чтоб он с

кем-нибудь поссорился; а вызов на дуэль считал он делом противу совести. «Мы живем под законами, — говорил он, — и стыдно, имея таковых священных защитников, каковы законы, разбираться самим на кулаках. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызов на дуэль есть не что иное, как действие буйственной молодости». Наконец, должен я сказать к чести отца моего, что он, имея не более пятисот душ, живучи в обществе с хорошими дворянами, воспитывая восьмерых детей, умел жить и умереть без долга. Сие искусство в нынешнем обращении света едва ли кому известно. По крайней мере нам, детям его, кажется непостижимо. Но ничто не доказывает так великодушного чувствования отца моего, как поступок его с родным братом его. Сей последний вошел в долги, по состоянию своему неоплатные. Не было уже никакой надежды к извлечению его из погибели. Отец мой был тогда в цветущей своей юности. Одна вдова, старуха близ семидесяти лет, влюбилася в него и обещала, ежели на ней женится, искупить имением своим брата его. Отец мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухе, будучи сам осьмнадцати лет. Она жила с ним еще двенадцать лет. И отец мой

старался об успокоении ее старости, как должно христианину. Надлежит признаться, что в наш век не встречаются уже такие примеры братолюбия, чтоб молодой человек пожертвовал собою, как отец мой, благосостоянию своего брата. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имела разум тонкий и душевными очами видела далеко. Сердце ее было сострадательно и никакой злобы в себе не вмещало: жена была добродетельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная.

Можно сказать, что дом моих родителей был тот, от которого за добродетели их благодать Божия никогда не отнималась. В сем доме проведено было мое младенчество, которого подробности в следующей книге читатель найдет.

Книга первая

Господи! даждь ми помысл исповедания грехов моих

Неестественно человеку помнить первое свое младенчество. Я никак не знаю себя до шести лет возраста. Но без сомнения имел и я в себе то зло, которое у других младенцев видать случается, то есть злобу, нетерпение, любостяжание и при-

творство — словом, начатки почти всех пороков, кои уже окореняются и возрастают от воспитания и от примеров. Не знаю, для чего отнимали меня от кормилицы уже поздно. На третьем году случилось со мной сие лишение, которое, как сказывал мне сам отец мой, перенес я с ужасным нетерпением и тоскою. Однажды он, подошед ко мне, спросил меня: «Грустно тебе, друг мой?» — «А так-то грустно, батюшка, — отвечал я ему, затрепетав от злобы, — что я и тебя и себя теперь же вдавил бы в землю». Сие сильное выражение скорби показывало уже, что я чувствовал сильнее обыкновенного младенца. В четыре года начали учить меня грамоте, так что я не помню себя безграмотного.

Теперь пришло мне на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о котором я никогда никому не сказывал и которое здесь упомяну для того, что можно из него вывести некоторое правило, полезное для детского воспитания. Родителей моих нередко посещала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и нас, племянников своих, любила искренно. Она часто езжала в дом одного славного тогдашнего карточного игрока и всегда от него привозила к нам несколько игор карт, коими нас дарила. Я

не могу изъяснить, сколько я пристрастился к картам с красными задками, и бывал вне себя от радости, когда такие карты мне доставались, но сие случалось редко. Сколько хитростей, обманов и лукавства употреблял мой младенческий умишко, чтоб наделу доставались мне карты с красными задками! Но как хитрости мои редко удавались, то пришел я в уныние и для получения желаемого решился испытать другой способ и чистосердечно открылся самой тетушке о моей печали; но признаюсь, что и тут употребил я некоторую хитрость, а именно: нашедшись с ней наедине, составил я лице такое печальное и такое простодушное, что тетушка спросила меня сама: о чем ты тужишь, друг мой? На сей вопрос признался я в пристрастии моем и, повинясь, что я их всех обманывал, просил, чтоб вперед наделу доставались мне любимые карты. «Ты хорошо сделал, друг мой, что мне искренно открылся, — сказала она, — я для тебя привозить буду всегда особливо игру с красными задками, кои в дележ входить не будут». Я в восторг пришел от сего отзыва и тогда ж почувствовал, что идти прямою дорогою выгоднее, нежели лукавыми стезями. Но должно признаться, что в течение жизни я не всегда держался сего правила, ибо случа-

лися со мною такие обстоятельства, в которых должен был я или погибать, или приняться за лукавство, не скрою однако ж и того, что во время младенчества моего, имея отца благоразумного и справедливого, удавалось мне получать желаемое чаще, следуя чистосердечию, нежели прибегая к лукавству. И я почти внутренно уверен, что воспитатели, ободряя младенцев избирать во всем прямой путь, предуспеют тем гораздо лучше вкоренить в них привязанность к истине и приучить к чистосердечию, нежели оставляя без примечания малейшие их деяния, в коих душевные их свойства обнаруживаться могут. Поистине не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастия и самого младенчества. Я могу сказать, что на картах с красными задками голова моя повернулась. Получение их составляло некоторым образом мое блаженство. И в самом Риме едва ли делали мне такое удовольствие арабески Рафаэле-вы, как тогда карты с красными задками. По крайней мере, смотря на первое, не чувствовал я того наслаждения, какое ощущал от любимых моих карт, будучи младенцем.

Чувствительность моя была беспримерна. Однажды отец мой, собрав всех своих младен-

цев, стал рассказывать нам историю Иосифа Прекрасного. В рассказывании его не было никакого украшения; но как повесть сама собою есть весьма трогательная, то очень скоро навернулись слезы на глазах моих, потом начал я рыдать неутешно. Иосиф, проданный своими братьями, растерзал мое сердце, и я, не могши остановить рыдания моего, оробел, думая, что слезы мои почтены будут знаком моей глупости. Отец мой спросил меня, о чем я так рыдаю. «У меня разболелся зуб», — отвечал я. Итак, отвели меня в мою комнату и начали лечить здоровый мой зуб. «Батюшка, — говорил я, — я всклепал на себя зубную болезнь, а плакал я оттого, что мне жаль стало бедного Иосифа». Отец мой похвалил мою чувствительность и хотел знать, для чего я тотчас не сказал ему правду. «Я постыдился, — отвечал я, — да и побоялся, чтобы вы не перестали рассказывать истории». «Я ее, конечно, доскажу тебе», — говорил отец мой. И действительно, через несколько дней он сдержал свое слово и видел новый опыт моей чувствительности.

Странно, что сия повесть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мне самому к извлечению слез у людей чувствительных. Ибо я знаю многих, кои, читая Иосифа, мною переве-

денного, проливали слезы.

Не утаю и того, что приезжавший из Дмитриевской нашей деревни мужик, Федор Суратов, сказывал нам сказки и так настращал меня мертвецами и темнотою, что я до сих пор неохотно один остаюсь в потемках. А к мертвецам привык я уже в течение моей жизни, теряя людей, сердцу моему любезных.

Родители мои были люди набожные; но как в младенчестве нашем не будили нас к заутреням, то в каждый церковный праздник отправляемо было в доме всенощное служение, равно как на первой и последней неделях Великого Поста дома же моление отправлялось. Как скоро я выучился читать, то отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего российского языка и знать невозможно. Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма примечал мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: «Перестань молоть, — кричал он мне, — или ты думаешь, что Богу приятно твое бормотанье». Сего недовольно: отец мой, примечая из читанного те места, коих, казалось ему, читая, я не разумел, принимал на себя труд

изъяснять мне оные; словом, попечения его о моем научении были безмерны. Он, не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачей меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал.

Остается мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, ударя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого

склонения, тогда примечайте, за какую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжением поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот каков был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего латинского, то пришел на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы, следственно, экзаменованы были без приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? В *Черное море*, отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в *Белое*, отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; *в Черное море, в Белое, не знаю*, сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы ее из класса практического нравоучения, но отнюдь не из географического.

Как бы то ни было, я должен с благодарностью вспоминать университет. Ибо в нем, обучась

по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам.

Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что до сего дня

> *От юности моея мнози борют мя страсти.*

А какие они были, то возвестит книга вторая.

Книга вторая

Господи! отврати лице Твое от грех моих

В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Гольберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды. Книгопродавец сдержал слово и книги на условленные деньги мне отдал. Но какие книги! Он, видя меня в

летах бурных страстей, отобрал для меня целое собрание книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами, кои развратили мое воображение и возмутили душу мою. И кто знает, не от сего ли времени началась скапливаться та болезнь, которою я столько лет стражду? О вы, коих знание обязывает надзирать над поведением молодых людей, не допускайте развращаться их воображению, если не хотите их погибели! Узнав в теории все то, что мне знать было еще рано, искал я жадно случая теоретические мои знания привесть в практику. К сему показалась мне годною одна девушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имела мать, которую ближние и дальние, словом, целая Москва признала и огласила набитою дурою. Я привязался к ней, и сей привязанности была причиною одна разность полов, ибо в другое влюбиться было не во что. Умом была она в матушку; я начал к ней ездить, казал ей книги мои, изъяснял эстампы, и она в теории получила равное со мною просвещение. Желал бы я преподавать ей и физические эксперименты, но не было удобности: ибо двери в доме матушки ее, будучи сделаны национальными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась.

Я пользовался маленькими вольностями, но как она мне уже надоела, то часто вызывали мы к нам матушку ее от скуки для поговорки, которая, признаю грех мой, послужила мне подлинником к сочинению Бригадиршиной роли; по крайней мере из всего моего приключения родилась роль Бригадирши. Все сие повествование доказывает, что я тогда не имел истинного понятия ни о тяжести греха, ни об истинной чести, ни о добром поведении. Заводя порочную связь, не представлял я себе никаких следствий беззаконного моего начинания; но признаюсь, что и тогда совесть моя говорила мне, что делаю дурно. Остеречь меня было некому, и вступление мое в юношеский возраст было, так сказать, вступлением в пороки.

Теперь настало время сказать нечто о моем характере и познакомить читателя с умом моим и сердцем. Я наследовал от отца моего как вспыльчивость, так и непамятозлобие; от матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучив меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенных лет, лишила меня многих способов к счастию, например: в университете пропускал я многие важные лекции за головною болью, в юношестве головная боль мешала мне часто показать мою исправность в отправлении службы, через что и заслужил я от одного начальника имя ленивца. Но со всем тем признаюсь, что головная боль послужила мне и к доброму, а именно: не допустила меня сделаться пьяницею, к чему имел я великий случай и склонность. Природа дала мне ум острый, но не дала мне здравого рассудка. Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным. Видя, что везде меня принимают за умного человека, заботился

я мало о том, что разум мой похваляется за счет сердца, и я прежде нажил неприятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтоб острые слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вам приписываемая, есть для вас сущая отрава; а особливо, если чувствуете склонность к сатире, укрощайте ее всеми силами вашими: ибо и вы без сомнения подвержены будете одинакой судьбе со мною. Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я вместо того, чтоб привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами, и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего так не боялся, как сделать кому-нибудь несправедливость, и для того ни перед кем так не трусил, как перед теми, кои от меня зависели и кои отмстить мне были не в состоянии.

Я, может быть, истребил бы и склонность мою к сатире, если б один из соучеников моих, упражнявшихся в стихах, мне не воспрепятствовал. Я прослыл великим сатириком, и мой соученик весьма боялся, чтобы я не стал смеяться стихам его; а дабы вернее иметь меня на своей стороне,

то стал он хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но как тогда рассудок во мне не действовал, то я со всею моею остротою не мог проникнуть, для чего он так меня хвалил, и думал, что я похвалу его заслуживал. Так-то вертят головы молодым писателям!

Сей мой соученик был знаком со мною, достигши уже и в совершенный возраст. Он был честный человек, благородных качеств. Заблуждение его состояло в том, что будто, не льстя, не можно быть учтиву. Он умер с тем, что я родился быть великим писателем; а я с тем жить остался, что ему в этом не верил и не верю.

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо с одной стороны причиною тому была ребяческая леность, а с другой нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков; но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета плодов сего училища. Я не знаю, каким обра-

зом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас малолетних отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следственно, трудное, так как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя мое почтительное внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворе на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлен

был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка — все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старее четырнадцати лет, ничего еще не видывал, все казалось мне ново и прелестно. Приехав домой, спрашивал я у дядюшки: часто ли бывают у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», — отвечал он. И я решился продлить пребывание мое в Петербурге сколько можно долее, чтобы чаще видеть двор. Но сие желание было действие любопытства и насыщения чувств. Мне хотелось чаще видеть великолепие двора и слышать приятную музыку; но скоро сие желание исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моих родителях, которых захотелось мне видеть нетерпеливо: день получения от них писем был для меня приятнейший, и я сам по нескольку раз заезжал на почту за письмами.

Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, *Генрих* и *Пернилла*. Тут видел я Шумского, который шутками своими так меня смешил, что я,

потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы. Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил. И действительно, через некоторое время познакомился я тут с покойным Федором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным. Тут познакомился я с славным нашим актером Иваном Афанасьевичем Дмитревским, человеком честным, умным, знающим и с которым дружба моя до сих пор продолжается. Стоя в партерах, свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменился и ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не

смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена, бывшего тогда ректором. Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны, и мы с братом скоро потом произведены были в студенты. В самое же сие время не оставлял я упражняться в переводах на российский язык с немецкого: перевел «Жизнь Сифа, царя египетского», но не весьма удачно. Знание мое в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского. Через два года я мог разуметь Вольтера и начал переводить стихами его «Альзиру». Сей перевод есть не что иное, как грех юности моея, но со всем тем встречаются и в нем хорошие стихи.

В 1762 году был я уже сержант гвардии; но как желание мое было гораздо более учиться, нежели ходить в караулы на съезжую, то уклонялся я сколько мог от действительной службы. По сча-

стию моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер взял меня в иностранную коллегию переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен. А как переводил я хорошо, то покойный тогдашний канцлер важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне. В тот же год послан я был с екатерининскою лентою к покойной герцогине Мекленбург-Шверинской. Мне велено было заехать в Гамбург, откуда министр наш повез меня сам в Шверин. Тогда был я еще сущий ребенок и почти не имел понятия о светском обращении; но как я читал уже довольно и имел природную остроту, то у шверинского двора не показался я невеждою. И в прочем поведением своим приобрел я благоволение герцогини и одобрение публики. Возвратясь в Россию с рекомендацией нашего министра о моем поведении, имел я счастие быть весьма хорошо принятым моими начальниками; а между тем перевод мой «Альзиры» стал делать много шума, и я сам начал иметь некоторое мнение о моем даровании; но признаюсь, что, будучи недоволен переводом, не отдал его ни на театр, ни в печать.

В 1763 году ездил я в Петербург; но в иностранной коллегии остался недолго. Один кабинет-министр имел надобность взять кого-нибудь из коллегии; а как по «Альзире» моей замечен я был с хорошей стороны, то именным указом велено мне было быть при том кабинет-министре. Я ему представился и был принят от него тем милостивее, что сам он, прославясь своим витийством на русском языке, покровительствовал молодых писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальник обходился со мною, как надобно с дворянином; но в доме его повсечасно был человек давно ему знакомый и носивший его полную доверенность. Сей человек, имеющий, впрочем, разум, был беспримерного высокомерия и нравом тяжел пренесносно. Он упражнялся в сочинениях на русском языке; физиономия ли моя или не весьма скромный мой отзыв о его пере причиною стали его ко мне ненависти. Могу сказать, что в доме самого честного и снисходительного начальника вел я жизнь самую неприятнейшую от действия ненависти его любимца. Я был бы нечувствительный человек, если б не вспоминал с благодарностью, что сей начальник, узнавая меня короче, стал более любить меня, может быть примечая доброту моего сердца или за от-

крывающиеся во мне некоторые дарования, кои стали делать ему приятным мое общество. Покровительство его никогда от меня не отнималось. Я уверен, что сохраню его во всю жизнь мою.

В то же самое время вступил я в тесную дружбу с одним князем, молодым писателем, и вошел в общество, о коем я доныне без ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровождение времени состояло в богохулии и кощунстве. В первом не принимал я никакого участия и содрогался, слыша ругательство безбожников; а в кощунстве играл я и сам не последнюю роль, ибо всего легче шутить над святыней и обращать в смех то, что должно быть почтенно. В сие время сочинил я послание к *Шумилову*, коем некоторые стихи являют тогдашнее мое заблуждение, так что от сего сочинения у многих прослыл я безбожником. Но Господи! Тебе известно сердце мое; Ты знаешь, что оно всегда благоговейно Тебя почитало и что сие сочинение было действие не безверия, но безрассудной остроты моей.

Тогда сделал я «Бригадира»; скоро потом перевел «Иосифа» и все сие окончил в Москве, в которой познакомился я с одним полковником, человеком честным, но легкомысленным, имеющим жену препочтенную; но как она любила

мужа своего смертно, а он разорялся на одну девку, то жизнь жены его была самая несчастная. Однажды я, проводя у них вечер, нашел тут сестру его родную, женщину пленяющего разума, которая достоинствами своими тронула сердце мое и вселила в него совершенное к себе почтение. Я познакомился с нею и скоро узнал, что почтение мое превратилось в нелицемерную к ней привязанность. Я не смел ей открыться, ибо она была замужем и не подавала мне ни малейшего повода к объяснению, напротив того, всегда меня убегала. И хотя я примечал, что шутки мои, чтение моих сочинений и вообще я ей не не нравился, однако важный ее вид держал меня в почтении к ней. Скоро потом полковник с женою и с нею поехали в подмосковную и меня пригласили, а особливо она уговаривала меня с ними ехать, и мы на несколько дней переселились в деревню. Тут проживши с неделю, так я в нее влюбился, что никогда оставить ее не мог и с тех пор во все течение моей жизни по сей час сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтении и не зависела от разности полов. Здесь должен я сказать, что частое мое посещение полковника возбудило внимание публики. Клеветники приписали оное на счет жены его; но

я долгом чести и совести поставляю признаться, что сей слух был сущая клевета, ибо ни я к ней, ни она ко мне, кроме нелицемерного дружества, другого чувства никакого не имели. Из деревни возвратясь в Москву, стал я собираться в Петербург, а сестра полковницы к мужу, стоявшему с полком недалече от Москвы. Накануне моего отъезда, увидясь со мною наедине, открылся я ей в страсти моей искренно. «Ты едешь, — отвечала она мне, — и Бог знает, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, как я тебя убегала и как старалась скрыть от тебя истинное состояние сердца моего; но наступающая разлука с тобою и неизвестность свидания, а паче всего сильная страсть моя к тебе не позволяют мне долее притворяться; я люблю тебя и вечно любить буду». Я так почитал сию женщину, что признанием ее не смел и помыслить воспользоваться; но, условясь с нею о нашей переписке, простился, оставя ее в прегорьких слезах.

Я приехал в Петербург и привез с собою «Бригадира» и «Иосифа». Надобно приметить, что я обе сии книги читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание покойного Александра Ильича Бибикова и графа Григория Григорьевича Орлова, который не преминул донести о том государыне.

В самый Петров день граф прислал ко мне спросить: еду ли я в Петергоф и если еду, то взял бы с собою мою комедию «Бригадира». Я отвечал, что исполню его повеление. В Петергофе на бале граф, пришед ко мне, сказал: «Ее величество приказала после балу вам быть к себе, и вы с комедиею извольте идти в Эрмитаж». И действительно, я нашел ее величество, готовую слушать мое чтение. Никогда не быв столь близко государя, признаюсь, что я начал было несколько робеть, но взор российской благотворительницы и глас ее, идущий к сердцу, ободрил меня; несколько слов, произнесенных монаршими устами, привели меня в состояние читать мою комедию перед нею с необыкновенным моим искусством. Во время же чтения похвалы ее давали мне новую смелость, так что после чтения был я завлечен к некоторым шуткам и потом, облобызав ее десницу, вышел, имея от нее всемилостивейшее приветствие за мое чтение.

Дни через три положил я из Петергофа возвратиться в город, а между тем встретился в саду с графом Никитою Ивановичем Паниным, которому я никогда представлен не был, но он сам, остановив меня, «Слуга покорный, — сказал мне, — поздравляю вас с успехом комедии вашей;

я вас уверяю, что ныне во всем Петергофе ни о чем другом не говорят, как о комедии и о чтении вашем. Долго ли вы здесь останетесь?» — спросил он меня. «Через несколько часов еду в город», — отвечал я. «А мы завтра, — сказал граф. — Я еще хочу, сударь, — продолжал он, — попросить вас: его высочество желает весьма слышать чтение ваше, и для того, по приезде нашем в город, не умедлите ко мне явиться с вашею комедиею, а я представлю вас великому князю, и вы можете прочитать ее нам». «Я не премину исполнить повеление ваше, — отвечал я, — и почту за верх счастия моего иметь моими слушателями его императорское высочество и ваше сиятельство». «Государыня похваляет сочинение ваше, и все вообще очень довольны», — говорил граф. «Но я тогда только совершенно доволен буду, когда ваше сиятельство удостоите меня своим покровительством», — ответствовал я. «Мне будет очень приятно, — сказал он, — если могу быть вам в чем полезен». Сие слово произнес он с таким видом чистосердечия и честности, что сердце мое с сей минуты к нему привержено стало и как будто предчувствовало, что он будет мне первый и истинный благодетель.

По возвращении моем в город узнал я на дру-

гой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошел во дворец к графу Никите Ивановичу. Мне сказали, что он в антресолях; я просил, чтобы ему обо мне доложили. В ту минуту позван был я к графу; он принял меня очень милостиво. «Я тотчас оденусь, — сказал он мне, — а ты посиди со мною». Я приметил, что он в разговорах своих со мною старался узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила.

Одевшись, повел меня к великому князю и представил ему меня как молодого человека отличных качеств и редких дарований. Его высочество изъявил мне в весьма милостивых выражениях, сколько желает он слышать мою комедию. «Да вот после обеда, — сказал граф, — ваше высочество ее услышите». Потом, подошед ко мне, «Вы, — сказал, — извольте остаться при столе его высочества». Как скоро стол отошел, то после кофе посадили меня и его высочество с графом и с некоторыми двора своего сели около меня. Через несколько минут тоном чтения моего произвел я во всех слушателях прегромкое хохотанье. Паче всего внимание графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу, — сказал он мне, — что вы очень хорошо нравы

наши знаете, ибо Бригадирша ваша всем родня; никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу».

По окончании чтения Никита Иванович делал свое рассуждение на мою комедию. «Это в наших нравах первая комедия, — говорил он, — и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставя говорить такую дурищу во все пять актов, сделали, однако, роль ее столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, что сия комедия столь много имеет успеха; советую вам не оставлять вашего дарования». «Ваше сиятельство, — говорил я, — для меня ничего лестнее быть не может, как такое одобрение ваше». Его высочеству, с своей стороны, угодно было сказать мне за мое чтение многие весьма лестные приветствия. А граф, когда вошли мы в другую комнату, сказал: «Вы можете ходить к его высочеству и при столе оставаться, когда только хотите».

Я благодарил за сию милость. «Одолжи же меня, — сказал граф, — и принеси свою комедию завтра ввечеру ко мне. У меня будет мое общество, и мне хочется, чтобы вы ее прочли». Я с радостию обещал сие графу, и на другой день ввечеру чтение мое имело тот же успех, как и при

его высочестве.

Я забыл сказать, что имел дар принимать на себя лицо и говорить голосом весьма многих людей. Тогда передражнивал я покойного Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорил не только его голосом, но и умом, так что он бы сам не мог сказать другого, как то, что я говорил его голосом; словом сказать, вечер провели очень весело, и граф мною был чрезмерно доволен.

Первое воскресенье пошел я к его высочеству и там должен был повторить то, что я делал у графа ввечеру. Дарование мое понравилось всем, и граф обошелся со мною отменно милостиво.

В сей день представлен был я графом брату его, графу Петру Ивановичу, который звал меня на другой день обедать и читать комедию. «И я у тебя обедаю, — сказал граф брату своему, — я не хочу пропустить случая слушать его чтение. Редкий талант! У него, братец, в комедии есть одна Акулина Тимофеевна; когда он роль ее читает, то я самое ее и вижу, и слышу».

Чтение мое у графа Петра Ивановича имело успех обыкновенный. Покойный граф Захар Григорьевич был тут моим слушателем. «А завтра, — сказал он мне, — милости прошу откушать у меня и прочесть комедию вашу». Потом при-

гласил он обоих графов. Граф Иван Григорьевич Чернышев сделал мне ту же честь, и я вседневно зван был обедать и читать. Равное же внимание ко мне показали: граф Александр Сергеевич Строганов, который всю жизнь свою посвятил единой добродетели, граф Андрей Петрович Шувалов, покойные: графиня Мария Андреевна Румянцева, графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объездя звавших меня, с неделю отдыхал; а между тем приехал ко мне тот князь, с коим я имел неприятное общество. Он рассказывал мне, что весь Петербург наполнен моею комедиею, из которой многие острые слова употребляются уже в беседах. «Мне поручил, — сказал князь, — звать тебя обедать граф***. Поедем к нему завтра». Сей граф был человек знатный по чинам, почитаемый умным человеком, но погрязший в сладострастии. Он был уже старых лет и все дозволял себе, потому что ничему не верил. Сей старый грешник отвергал даже бытие Вышнего Существа. Я поехал к нему с князем; надеясь найти в нем по крайней мере рассуждающего человека; но поведение его иное мне показало. Ему вздумалось за обедом открыть свой образ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожие при молодых людях, за

столом бывших, и при слугах. Рассуждения его были софистические и безумие явное; но со всем тем поколебали душу мою. После обеда поехал я с князем домой. «Что, — спросил он меня, — нравится ли тебе это общество?» «Прошу меня от него уволить, — отвечал я, — ибо не хочу слышать таких умствований, кои не просвещают, но помрачают человека». Тут казалось мне, что пришло в мою голову наитие здравого рассудка. Я в карете рассуждал о безумии неверия очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, так что князь ничего отвечать мне не мог.

Скоро двор переехал в Царское Село; а как тот кабинет-министр, при коем я находился, должен был, по званию своему, следовать за двором, то взял и меня в Царское Село. Я, терзаем будучи мыслями, поселенными в меня безбожническою беседою, хотел досужное время в Царском Селе употребить на дело мне полезнейшее, а именно: подумав хорошенько и призвав Бога в помощь, хотел определить систему мою в рассуждении веры. С сего времени считаю я вступление мое в совершенный возраст, ибо начал чувствовать действие здравого рассудка. Сие время жизни моей содержит в себе

Книга третья

Господи! всем сердцем моим испытую заповеди Твоя

Итак, отправился я с начальником моим в Царское Село, в твердом намерении упражняться в богомыслии; а чтоб было мне из чего почерпнуть правила веры, то взял я с собою русскую Библию; для удобнейшего же понимания взял ту же книгу на французском и немецком языках.

Приехав в Царское Село, обрадовался я, нашед отведенную для меня комнату особливую, в которой ничто упражнениям моим не могло препятствовать. Первое утро открыл я Библию, и мне как нарочно встретилось место, которое весьма приличествовало моему намерению, а именно глава VI Второзакония:

«И да будут тебе словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь в сердце твоем, и в душе твоей; и да накажеши ими сыны твоя, и да глаголеши о них седяй в дому, и идый путем, и лежа, и восстая».

Сие встретившееся мне толь кстати место из Священного Писания наложило на меня долг всякую досужную минуту посвятить испытанию

о Вышнем Существе. Время было прекрасное, и я положил каждое утро ходить в сад и размышлять. Однажды в саду встретил я в уединении гуляющего Григория Николаевича Теплова, с коим я уже познакомился в доме начальника моего. Григорий Николаевич пригласил меня ходить с собою. Он достойно имел славу умного человека. Разум его был учением просвещенный; словом, я с великим удовольствием пошел гулять с ним по саду, и он говорил мне, что желает слышать комедию мою в своем доме, читанную мною. Я обещал сделать ему сию услугу. Он спрашивал меня, кому я ее читал? Я перечел ему всех поименно и не скрыл от него, сколько смущает душу мою посещение графа***. «Итак, вы хотите определить систему в рассуждении веры вашей, — говорил Григорий Николаевич. — С чего же вы начинаете?» «Я начинаю, — отвечал я, — с рассмотрения, какие люди отвергают бытие Божие и стоют ли они какой-нибудь доверенности». «Умное дело делаете, — говорил Григорий Николаевич, — когда стараетесь успокоить совесть свою в толь важном деле, каково есть удостоверение о бытии Божеском». «Ваше превосходительство! — говорил я ему. — Я прошу вас, как умного человека, подать мне наставление, каким способом могу

я достигнуть до сего удостоверения». «Сядем здесь, — сказал он, подведя меня к одной лавке, — мы можем здесь о чем хотим беспрепятственно беседовать!» Я намерен свою беседу описать здесь, сколько могу вспомнить.

Я. Я вижу, что безбожники разделяются на несколько классов: один суть невежды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не рассматривают, а, прочитав Вольтера и не поняв его, отвергают бытие Божие, для того, что полагают себе славою почитаться выше всех предрассудков; ибо они считают предрассудком то, чего слабый их рассудок понять не может.

Григорий Николаевич. Сии людишки не не веруют, а желают, чтобы их считали неверующими, ибо вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения. Я знаю, что Вольтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Вольтеровом уме, ни в его дарованиях. Граф, у которого вы обедали, сделал в России разврата не меньше Вольтерова, имев голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодого слабенького человека может развратить такой, кто еще ограниченнее графа: пример сему видел я на сих днях моими глазами.

Я. Позвольте спросить, ваше превосходительство, как это было?

Григорий Николаевич. На сих днях случилось мне быть у одного приятеля, где видел я двух гвардии унтер-офицеров. Они имели между собою большое прение: один утверждал, другой отрицал бытие Божие. Отрицающий кричал: «Нечего пустяки молоть; а Бога нет!» Я вступился и спросил его: «Да кто тебе сказал, что Бога нет?» «Петр Петрович Чебышев вчера на гостином дворе», — отвечал он. «Нашел и место!» — сказал я.

Я. Странно мне кажется, что Чебышев на старости вздумал на гостином дворе проповедовать безбожие.

Григорий Николаевич. О! так я вижу, вы его не знаете.

Тут начал он описывать голову Чебышева ругательски, или, справедливее сказать, стал его бранить, так что я должен был предполагать у него с Чебышевым личную ненависть, и для того хотелось мне переменить сию материю, а возвратиться на прежнюю.

Я. Есть и еще род безбожников, кои умствуют и думают доказать доводами, что Бог не существует. Противу сих последних желал бы я иметь оружие и доказать им их безумие. Я прошу ваше

превосходительство подать мне наставление, откуда могу почерпнуть наилучшие доводы о бытии Божием.

Григорий Николаевич. Известны ли вам сочинения г-на Кларка, который писал противу Гоббезия, Спинозы и их последователей? Кларк восторжествовал над ними: он, логически выводя одну истину за другой, составил, так сказать, неразрывную цепь доказательств бытия Божия, и уже ни один безбожник умствованиями своими не вывернется от его убеждений.

Я. Мне не известны Кларковы сочинения, но я тотчас сию книгу выпишу из Петербурга.

Григорий Николаевич. А я не сомневаюсь, что вы Кларком будете довольны.

Здесь кончилась наша беседа. Я, пришед домой, тотчас написал в Петербург, чтоб прислали мне сочинения Кларка. Между тем, будучи воспитан в христианском законе и находя заповеди Христовы сходственными с моим собственным сердцем, думал я: если Кларк доказал бытие Божие неоспоримыми доводами, то как бы я был доволен, нашед в его творениях доказанную истину христианского исповедания.

На другой день привезли ко мне книгу под заглавием *Самуэля Кларка доказательства бытия*

Божия и истины христианския веры.

Того-то я и желал! С жадностию бросился я читать сию драгоценную книгу и, прочитав, недоволен был одним разом, но тотчас начал чтение в другой раз. Как скоро я мог обнять порядок и способ Кларковых доводов, то пошел благодарить Григория Николаевича. «Я знал, — говорил он мне, — что вы сею книгою будете довольны». «Я вашему превосходительству откроюсь в моем намерении, — сказал я, — мне хочется перевести ее на русский язык и, издав в свет, сделать некоторую услугу моим соотчичам». «Намерение ваше похвально, но вы не знаете, с какими неприятностями сопряжено исполнение оного. Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского *Опыт о человеке*»? — спросил меня Гр. Николаевич. «Мне сей перевод очень знаком, — отвечал я, — и я его высоко почитаю». «Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к напечатанию, сказывал мне он же. Попы стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали, а дабы читатель не почел их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочно крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского. Ваш перевод, без сомнения,

подвержен будет равной участи. А мне кажется, вместо перевода полезнее будет, если сделаете вы из сочинений Кларковых выписку: вы употребите на нее меньше времени и труда; если же выписка, как я и думаю, хорошо сделана будет, то она принесет равную пользу с переводом, и вам ловчее будет, по востребованию иногда Синода, сделать перемену в выписке, нежели в самом переводе». «Но неужели, — спросил я, — Синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?» «Да разве не знаете вы, кто в Синоде обер-прокурор?» «Не знаю», — отвечал я. «Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев», — сказал Григорий Николаевич. Как бы то ни было, я последовал совету Григория Николаевича и сделал выписку из Кларка. Недавно я ее читал и нахожу за нужное поправить нечто в слоге, а в прочем выписка годится. В самом конце моих «Признаний» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы труд мой принес хотя некоторую пользу благомыслящим читателям.

Комментарии

Сочинения Д. И. Фонвизина много раз издавались в России.

Наиболее полное и авторитетное издание осуществлено Г. П. Макогоненко (Фонвизин Д. И. Сочинения: В 2 т. М., 1960).

В комментариях использованы материалы и наблюдения К. В. Пигарева, Г. П. Макогоненко, В. П. Степанова, М. В. Иванова, Ю. В. Стенника и других комментаторов.

«БРИГАДИР»

Комедия «Бригадир» завершена в Москве в 1769 г. Сразу же стала широко известна в придворных и литературных кругах, хотя поставлена лишь в 1780 г. Высокие достоинства первой оригинальной комедии Д. И. Фонвизина были отмечены критикой.

Н. Новиков писал о ней так: «Его комедия столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшего и Молиер во Франции своим комедиям не видал принятия и не желал» (журнал «Пустомеля», 1770).

С. 25…*дезабилье и корнете*… — *Дезабилье* — домашнее платье; *корнет* — чепчик.

…*шьет в тамбуре*… — шьет на пяльцах.

Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру… — Чин бригадира — 5-й по введенной Петром Великим «Табели о рангах» (1722) — давался по выходе в отставку и находился между 4-м (генерал-майор) и 6-м (полковник). На гражданской службе ему соответствовал статский советник. Таким образом, в пьесе оба почтенных отца семейства равны чинами. Широкая и шумная популярность комедии Д. Фонвизина сделала самое слово «бригадир» нарицательным, и, может быть, поэтому в 1799 г. император Павел вычеркнул этот чин из «Табели о рангах». Первый биограф Д. Фонвизина князь П. А. Вяземский заметил: «Влияние, произведенное комедией Фонвизина, можно определить одним указанием: от нее звание бригадира обратилось в смешное нарицание, хотя сам бригадирский чин не смешнее другого».

С. 26…*потерять все мои патенты на чины*… — то есть грамоты, жалованные на чины.

С. 27. *Читать? Артикул и устав военный; не худо прочесть также инструкцию межевую*… — «Артикул воинский купно с процессом, надлежащим

судящим» — свод законов, написанный Петром I (1715) и касающийся в основном воинских законов и описания судопроизводства. «Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов, всего генералитета и прочих чинов» — сборник воинских законов. «Инструкция о межевании земель во всем государстве» регулировала отношения собственников земли.

С. 29. *Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их Ему?* — Имеется в виду евангельское выражение, что Богом каждый волосок на голове сосчитан (Мф.10,30; Лк.12,7). Забавное чванство Игнатия Андреевича, который всерьез считает, что сам Господь чтит «Табель о рангах» и считает волоски только у первых пяти классов, иллюстрирует чинопочитание в XVIII в.

…ни до экзерциции… — По воинскому уставу маневры и военные упражнения назывались экзерциями.

С. 31*…экстракты сочиняют без грамматики…* — Краткое изложение деловой бумаги и служебного документа в делопроизводстве XVIII в. называли экстрактом.

С. 33*…думают, что будто можно прожить на сем свете в полшлафроке…* — *Шлафроки* и *пол-*

шлафроки — стеганые халаты, которые носили в непринужденной домашней обстановке.

С. 34. *Блонды* — шелковые кружева.

С. 35. *Король трефовый и кёровая дама.* — В карточном гадании сочетание трефового (крестового) короля и керовой (червовой) дамы сулило любовный роман.

С. 36…*Признаваться в своей пассии…* — признаваться в любви.

С. 42. *Оком и помышлением.* — Евангельская мораль считает грехом даже помышление о плотской любви вне брака («не пожелай жены ближнего своего») и требует

«вырви око (глаз)», чтобы не видеть и не соблазняться. Советник говорит о своем любовном интересе иносказательно, прибегая к библейским аллегориям, но Бригадирша не понимает его.

С. 57…*чтоб меня ту минуту акрибузировали…* — то есть расстреляли (*аркебуза* — вид огнестрельного оружия).

…*без живота сделаю…* — лишу жизни, убью (в языке XVIII в. «животом» называли жизнь).

С. 58. *Я чинов не люблю…* — не люблю церемониться, чиниться.

«НЕДОРОСЛЬ»

Комедия написана в 1781 г., опубликована в 1783 г.

О премьере комедии «Драматический словарь» сообщал: «Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге, сентября 24 дня 1782 года, на щот первого придворного актера Г. Дмитревского, в которое время несравненно театр был наполнен и публика аплодировала пиесу метанием кошельков. <…> Сия комедия, наполненная замысловатыми изражениями, множеством действующих лиц, где каждой в своем характере изречениями различается, заслужила внимание от публики».

«Драматический словарь» умолчал, что поначалу актеры антрепризы Дмитревского, или так называемого «Вольного театра», доживающего свои последние дни (театр располагался на Царицыном лугу, ныне Марсово поле), видимо испугавшись остроты текста, пьесу играть не захотели. Но Дмитревский настоял, и комедия была играна в его прощальный бенефис.

В спектакле были заняты замечательные актерские силы. Еремеевну сыграл восхитительный комик Яков Шумский («к несравненному удо-

вольствию зрителей»), а роль Правдина — один из лучших русских актеров Петр Плавильщиков. Но оглушительный успех спектакля во многом был обеспечен блистательной игрой самого бенефицианта — Ивана Афанасьевича Дмитревского, проявившего присущий ему вкус, благородство манер, умение эффектно донести текст. Стародум Дмитревского — веха в развитии русского театра, и сам Фонвизин отчетливо сознавал, сколь многим он обязан своему другу.

Следует также заметить, что весь XIX в., равно как и современные читатели и зрители пьесы, по-видимому, воспринимают ее совсем не так, как современники Фонвизина.

Тогда же, в XVIII столетии, именно реплики и истины, изрекаемые положительными персонажами, слушали с повышенным вниманием. Но уже следующая эпоха с веселым любопытством будет вглядываться в сатирические создания писателя, проповеди же Стародума воспринимать как надоедные рацеи и поучения для простаков. И когда при последующих постановках речи добродетельных героев будут немилосердно сокращать, Н. Карамзин в отчаянии воскликнет: «Да что же они делают?! Выбрасывают из пьесы самое важное!»

Слово «недоросль» в прошлом имело вполне нейтральное значение — им называли не достигших совершеннолетия (двадцати лет). Но оно имело в XVIII в. еще и официальный смысл: так именовали молодых дворян, еще не получивших свидетельства об образовании, а потому не имевших права поступать на военную или гражданскую службу. К тому же им запрещалось и жениться.

Этими мерами Петр I надеялся насильно заставить дворян учиться. Ко времени Фонвизина дворянскому сынку необходимо было трижды являться на проверку: в семь лет, в двенадцать (должен был уметь «совершенно читать и чисто писать») и в пятнадцать (экзаменовался по Закону Божию, арифметике и геометрии, а также по одному из иностранных языков — французскому или немецкому).

Помимо того, до двадцати лет «недоросль» должен был освоить еще историю, географию и артиллерию. Повторно не выдержавший испытаний зачислялся в рядовые без права повышения по службе.

С. 96…*каковым изображен наместник в Учреждении…* — В 1775 г. императрица издала «Учреждение для управления губерний». Во главе

каждой губернии стоял губернатор, а на две-три губернии назначался наместник, который представлял особу государя и осуществлял верховную власть. (Одним из таких наместников был фаворит Екатерины Г. А. Потемкин.) Наместники вовсе не были такими, какими их изображало «Учреждение»: получив огромную власть, они, как правило, использовали ее в корыстных целях. Д. Фонвизин иронизирует над нововведениями Екатерины, далекими от реальной русской жизни.

При каждом наместнике существовало наместническое управление; Правдин — член именно такого управления.

С. 98. *Часослов* — церковнослужебная книга, состоящая из молитвословий церковных служб. По Часослову в старину учили грамоте. Тексты молитв выучивались наизусть, поэтому вместе с навыком к чтению ученик получал и душеспасительное назидание.

С. 100. *На съезжей* — в полицейском участке.

С. 105…*третий год над ломаными бьемся*… — Митрофан никак не может освоить дроби.

Ходил до риторики, да Богу изволившу, назад воротился. — В младших классах Духовной семинарии проходили грамматику и риторику, в

старших — философию и богословие. Соответственно так и называли семинаристов (младших — грамматиками и риторами, старших — философами и богословами). Способностей Кутейкина хватило дойти до второго класса семинарии.

С. 110. *Он… сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый случай…* — «Случайным» («в случае») называли в XVIII в. вельмож, делавших карьеру благодаря благосклонности императрицы или ее «любимцев» (фаворитов).

С. 114. *Тщетно звать врача к больному неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.* — Идея просвещенного абсолютизма, столь популярная в XVIII в., предполагала высокие личные качества благонравного государя. Важным элементом этого учения было требование окружить престол мудрыми и честными помощниками, умонаставителями и советодателями, которые бы предостерегали государя от неверных и безнравственных поступков и помогали «излечиться» от пороков. Русская литература XVIII в. знает множество произведений — од, трагедий, романов, комедий, — в которых содержались «уроки царям». Но «цари» редко их слышали. В патетических речах Стародума Екатерина II

конечно же уловила назидания Фонвизина, но отмахнулась ворчливым замечанием: «Худо мне жить приходит: уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать».

С. 116. *Нет, братец, ты должен образ выменять господина офицера…* — купить иконку с изображением святого, имя которого носил офицер, и молиться ему за то, что святой спас его от расправы.

С. 122…*взалках бы…* — *Взалкать* — захотеть есть. В речи Кутейкина употребляются грамматические формы церковнославянского языка, что придает ей особенный колорит. В данном случае глагол употреблен в форме прошедшего времени (аорист).

С. 123. *По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет, да и зады мямлит, прости Господи, без складу по складам, без толку по толкам.* — В свои 16 лет Митрофан не умеет читать и может лишь повторить текст за учителем, с большим трудом читая (точнее, произнося наизусть) изученное ранее («зады», как тогда говорили). Но надо сказать, что овладение грамотой по методике XVIII в. было совсем непростым делом.

Использовался буквенный метод. Буквы носили названия, не соответствующие звучанию (А

— аз, Б — буки, В — веди, Г — глаголь, Д — добро и т. д.). Вначале заставляли читать «по складам» (каждый слог произносили так: добро и аз, сиречь «да»). Потом начинали читать «по верхам», выучивая звучание слова без названий букв (просто «да»). Быстрое же чтение называлось «по толкам». И для даровитого и старательного ученика процесс обучения чтению требовал времени (как правило, год), рядовые же ученики осваивали грамоту в несколько лет.

С. 130. *Фенелон Франсуа* (1651–1715) — аббат, известный французский писатель и педагог. Для Стародума он прежде всего автор философско-политического романа «Приключения Телемака, сына Улисса» (1699), принесшего ему всеевропейскую славу. Герой романа Телемак странствует по греческим государствам в поисках отца — Одиссея (Улисса), попутно получая уроки политической мудрости на положительных и отрицательных примерах государственного правления (в романе резко осуждаются войны, фаворитизм, религиозная нетерпимость). В европейской культуре роман рассматривался как «урок царям» и обличение венценосцев. Но и европейские монархи тоже изучали роман (Фридрих II, Людовик XV, Екатерина II). Во Франции

роман был издан только в 1715 г., после смерти Людовика XIV, в адрес которого в романе звучала косвенная критика.

В России роман впервые был переведен в 1747 г., а в 1766 г. известный поэт Василий Тредиаковский опубликовал стихотворное переложение романа под названием «Тилемахида», воспринятое императрицей Екатериной II и ее вельможами с нескрываемым раздражением.

София читает другое сочинение Фенелона — «Трактат о воспитании девиц» (1687). Русские переводы этого сочинения выходили в 1763 и 1774 гг.

С. 139. *Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться.* — «*Состояние*» — социальная группа, сословие. Милон выражает общий просветительский взгляд на человека, как существо, одаренное человечностью и умом, независимо от сословия, к которому человек принадлежит.

«Знатность породы» или «благородство» — одну из основных характеристик дворянства у идеологов дворянского сословия в «Опыте российского сословника» Фонвизин называет «самым меньшим из всех человеческих достоинств».

С. 140. *Пращур* — предок. Департамент героль-

дии, находившийся при Сенате, ведал дворянскими родословными (выдавал документы о происхождении, о предках, о прохождении службы, о получении наград и пр.).

Эдак вы нас уверите, что он старее Адама. — В книге «Бытие» — первой книге Библии — повествуется о том, как в шесть дней Бог сотворил мир. В шестой день были созданы сначала звери, а потом первый человек Адам. Правдин иронически намекает, что Скотинин был сотворен ранее Адама, «со скотами».

С. 152. *…повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.* — Опеку над имениями помещиков-тиранов разрешил специальным указом Петр I (1722). В пору своего показного либерализма Екатерина II напомнила об этом («Наказ», 1767). Но на практике это почти никогда не исполнялось, и Фонвизин дерзко, во всеуслышание напоминает императрице об ее обещаниях пятнадцатилетней давности.

«ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА»

В 1788 г. Фонвизин задумывает издание сатирического журнала «Друг честных людей, или Стародум». Он подготовил материалы на первые номера и даже выпустил объявление о подписке,

но власти издание запретили.

Данное сочинение входило в состав предполагаемого журнала. При жизни писателя «Придворная грамматика» была известна читающей публике в рукописном виде. На нее ссылался А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Завидово»). Впервые опубликована в 1830 г.

С. 162. *Катон Марк Порций* (Старший) (234–149 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и оратор. Вел строгий образ жизни и прославился неподкупностью.

«РАССУЖДЕНИЕ О НЕПРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ»

1773 год был в России очень неспокойным.

Русское общество ожидало, что в следующем году, с достижением Павлом совершеннолетия, Екатерина (как она обещала при восшествии на престол) уступит трон сыну — законному наследнику по мужской линии. Только самые трезвые не питали иллюзий на сей счет. Тем не менее в гвардии, которая уже не раз на своих штыках возводила на престол очередного государя, пошли сначала разговоры, а потом и заговоры. Статные

гвардейцы судили и рядили о том, кто же достоин воссесть на русский трон. Интересно, что обсуждались различные персоны. Многие, конечно, склонялись к кандидатуре Павла, но возникали и иные имена. Например, известно, что в этих перешептываниях и беседах (нередко застольных) мелькало имя «герольдмейстера» князя М. М. Щербатова (ведущего, кстати, свое происхождение по линии святого Михаила Черниговского от самого Рюрика и, несомненно, имевшего на русский трон больше наследственных прав, чем Екатерина — принцесса из захудалой Померании). Ничего не подозревавший и даже опешивший М. М. Щербатов был вызван для объяснений в Тайную экспедицию и давал показания. Отныне и он, и другие «кандидаты» (в том числе и сам великий князь Павел) будут под пристальным и настороженным оком императрицы.

Эти разговоры и заговоры Екатерина жестоко пресекла: она вовсе и не думала расставаться с властью. Наиболее отчаянные заговорщики были сосланы в Сибирь. Но волнение в обществе было нешуточным, и вовсе не случайно, что вспыхнувшая именно в 1773 г. грандиозная крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева берет своим знаменем имя будто

бы спасшегося императора Петра III, которого Екатерина свергла еще в 1762 г.

Панинская партия, где одной из самых заметных фигур был Фонвизин, ставила на Павла и деятельно готовила перемены. Именно в недрах кружка Паниных — Фонвизина обдумывался пакет первоочередных, неотложных реформ, а также проект «Фундаментальных прав, непременяемых на все времена никакою властью», которые решили вручить новому царю при восшествии на престол. Вступление к этому проекту написано Денисом Фонвизиным. Это вступление — «Рассуждение о непременных государственных законах» — ярчайший памятник русской публицистики конца XVIII в., и, пожалуй, именно это сочинение более всего оправдывает памятные всем слова А. С. Пушкина: «…блистал Фонвизин, друг Свободы».

«Рассуждение» написано в конце 1782 — начале 1783 г. В 1796 г. «Рассуждение» было передано Павлу I

после его восшествия на престол, но, ознакомившись с ним, новый император спрятал его в секретный ящик, где оно и было обнаружено Николаем I только в 1831 г. Николай передал «Рассуждение» в Государственный архив с надпи-

сью, запрещавшей без его дозволения вскрывать запечатанный конверт. Таким образом, прямая цель «Рассуждения» достигнута не была: к рекомендациям и советам Д. Фонвизина ни один из монархов не прислушался, а само сочинение, казалось, было утаено и скрыто от широкой публики. Однако текст документа дошел и до русского читателя. Одна из копий сохранилась у племянника писателя — М. А. Фонвизина — будущего декабриста. Тот передал копию Никите Муравьеву, который после легкой редактуры пустил «Рассуждение» по рукам.

При жизни Фонвизина не печаталось.

Впервые опубликовано А. И. Герценом в Лондоне в 1857 г.

«ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ДЕЛАХ МОИХ И ПОМЫШЛЕНИЯХ»

Это автобиографическое сочинение создавалось в последние годы жизни писателя — в 1789–1792 гг. — и осталось незаконченным.

Впервые с сокращениями опубликована в «Санкт-Петербургском журнале» (1798). Полностью в 1830 г.

Покаянные мысли и настроения Фонвизина не случайны. Конец жизни драматурга был весьма

тяжел: в 1785 г. его дважды разбивает паралич, от которого он уже так и не оправится.

О последнем дне Фонвизина сохранилось свидетельство Ивана Дмитриева, впервые увидевшего драматурга на вечере у Г. Р. Державина: «В шесть часов пополудни приехал Фонвизин. Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедственность и тщету человеческую. Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами. <…> Уже не мог он владеть одною рукой; равно и одна нога его одеревенела: обе поражены были параличом; говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охриплым и диким; но большие глаза его быстро сверкали. <…> Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела. Несмотря на трудность рассказа (ему трудно было рассказывать из-за поражения языка параличом. — *Э. А.*), он заставил нас не однажды смеяться. Во всем уезде, пока он жил в деревне (в конце жизни Фонвизину была пожалована деревня в Белоруссии, и он только что вернулся оттуда: знакомился и приводил дела в порядок. — *Э. А.*), удалось ему найти одного литератора, городского почтмейстера. Он выдавал себя за жаркого почитателя Ломоносова. «Которую же из од его вы признаете лучшею?» —

спросил его Фонвизин. «Ни одной не случилось читать», — ответствовал почтмейстер…

«Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, — завершает свой рассказ И. Дмитриев, — а на утро (то есть 1 декабря 1792 г.) он был уже во гробе».

Хотя на первой же странице своего сочинения Фонвизин называет в качестве образца «Исповедь» Руссо, здесь ощутимы влияния традиций святоотеческой литературы и древнерусской прозы. Замечателен самый тон записки: исповедальность ее совсем не мрачная, к тому же лишенная малейшей попытки порисоваться, приукрасить что-то, потщеславиться.

С. 181. *Славный французский писатель Жан Жак Руссо издал в свет «Признания»…* — Так Фонвизин называет «Исповедь» Руссо (1712–1778). Опубликованная после смерти писателя «Исповедь» оказала сильнейшее влияние на европейскую прозу конца XVIII — начала XIX в. Впервые Фонвизин познакомился с отдельными ее главами еще во время пребывания в Париже в 1778 г.

Руссо занимает особое место в восприятии Фонвизина.

Напомним, что во Франции русский драматург завязал личные знакомства практически со

всеми знаменитыми писателями и философами того времени и о большинстве из них оставил колкие и нелицеприятные суждения. С Руссо же ему встретиться было не суждено: именно в эти дни тот скончался.

С. 182…*любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы…* — Отец Фонвизина читал в переводе В. Тредиаковского «Древнюю историю» и «Римскую историю» французского историка Роллена (1661–1741). Третья из упоминаемых книг — «Мнения Цицеро-новы, из разных его сочинений собранные аббатом Оливетом».

С. 186…*стал рассказывать нам историю Иосифа Прекрасного.* — Ветхозаветная история Иосифа, проданного братьями в рабство, является одной из самых трогательных в Библии. Впоследствии (1769) Фонвизин опубликовал прозаический перевод поэмы Битобе «Иосиф», содержащей весьма точный пересказ библейской легенды об Иосифе.

С. 187…*отец мой у крестов заставлял меня читать…* — то есть читать церковные книги при домашних богослужениях.

…не мешкал… отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал. — В 1755 г. с открытием Московского университета

Денис и Павел Фонвизины поступили в университетскую гимназию.

С. 190. *В университете был тогда книгопродавец…* — Людвиг Вевер, книгопродавец при университете.

…переводить Голберговы басни… — Фонвизинский перевод «Басен нравоучительных» издавался в Москве трижды (1761, 1765, 1787). *Гольберг Людвиг* (1684–1754) — датский драматург, писатель и историк.

С. 192. *Мелиссино* Иван Иванович (1718–1795) — с 1755 по 1763 г. — директор, а с 1771 по 1795-й — куратор Московского университета. Член Российской Академии наук.

С. 193. *Шувалов* Иван Иванович, граф (1727–1797) — государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны. Оказывал помощь Ломоносову в основании университета и был его первым куратором.

С. 194. «*Генрих и Пернилла*» — комедия Л. Гольберга.

Шумский Яков Данилович (ум. в 1812) — известный актер, сподвижник Ф. Г. Волкова. Исполнял женские комические роли, в частности, первым играл роль Еремеевны в «Недоросле».

Волков Федор Григорьевич (1729–1763) — выда-

ющийся русский актер и театральный деятель; с 1761 г. — директор Русского театра в Петербурге.

Дмитревский Иван Афанасьевич (1734–1821) — актер и режиссер, один из основателей Русского театра, переводчик; друг Фонвизина и Крылова. Первый исполнитель роли Стародума в «Недоросле».

Шаден Иоганн Матиас (1731–1796) — доктор философии, профессор Московского университета.

«*...Сифа, царя египетского*»... — Речь идет о переведенном Фонвизиным сочинении Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств взятая» (М., 1762–1768, в 4-х частях).

С. 196. «*Альзира*» — трагедия Вольтера, переведенная Фонвизиным в 1762 г., но не напечатанная при его жизни.

...двор прибыл в Москву... — Имеется в виду прибытие Екатерины II и двора в Москву в 1762 г. на коронационные торжества.

Голицын Александр Михайлович, князь (1723–1807) — вице-канцлер при М. И. Воронцове и Н. И. Панине с 1762 по 1776 г. Определил Фонвизина на службу в Иностранную коллегию.

Елагин Иван Перфильевич (1725–1794) — писа-

тель, государственный деятель. Был директором театров.

С. 197. *Сей человек… беспримерного высокомерия…* — Речь идет о секретаре И. П. Елагина, драматурге В. И. Лукине (1737–1794).

Козловский Федор Алексеевич, князь (ум. 1770) — бывший воспитанник Московского университета, затем офицер; поэт и переводчик; погиб в Чесменской битве.

С. 198…*заслужило внимание покойного Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова. — Бибиков А. И.* (1729–1774) — генерал-аншеф, в 1767–1768 гг. — маршал комиссии по составлению Нового уложения, с 1771 г. командовал русскими войсками в Польше; *Орлов Г. Г.* (1734–1783) — активный участник переворота 1762 г.; фаворит императрицы Екатерины II; с 1772 г. в опале.

С. 199…*встретился в саду с графом Никитою Ивановичем Паниным… — Панин Н. И.* (1718–1783) — крупный государственный деятель. В 1750-е гг. — русский посол в Швеции, активно поддерживал дворцовый переворот в 1762 г., приведший к власти Екатерину II. С 1760 по 1773 г. был воспитателем наследника престола Павла Петровича, с 1763 г. возглавил Коллегию

иностранных дел. Сторонник конституционной монархии (шведского типа), то есть ограничения власти монарха государственными законами, он возглавил оппозицию «тираническому» правлению Екатерины II, добиваясь передачи власти Павлу Петровичу как прямому наследнику Петра III по мужской линии. Екатерина сумела нейтрализовать замыслы Панина, но долгое время пользовалась его услугами как дипломата и отправила в отставку только в 1781 г. Перейдя в 1769 г. в Коллегию иностранных дел, Фонвизин стал не только секретарем, но и другом и единомышленником Н. И. Панина. После смерти Панина Фонвизин написал «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» (1784), где в возвышенных тонах описал облик этого государственного мужа.

Его высочество… великий князь… — Павел Петрович, наследник престола, воспитанник Н. И. Панина, будущий император Павел I (1754–1801).

С. 202. *Чтение мое у графа Петра Ивановича имело успех необыкновенный…* — Далее Фонвизин рассказывает о том, как он был принят в самых знатных домах Петербурга: Чернышев Захар Григорьевич, граф (1722–1784) — вице-президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал, могилевский и псковский генерал-губернатор, а

впоследствии московский главнокомандующий; Чернышев Иван Григорьевич, граф (1726–1797) — камергер, генерал-поручик; Строганов Александр Сергеевич (1733–1811) — обер-камергер, около двадцати лет состоял членом Иностранной коллегии; Шувалов Андрей Петрович, граф (1744–1789) — директор ассигнационного банка, писал стихи, перевел на французский язык «Письмо о пользе стекла» М. В. Ломоносова; графиня Мария Андреевна Румянцева (ум. в 1788) — статс-дама при дворе, мать выдающегося русского полководца фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского; графиня Катерина Борисовна Бутурлина (1702–1772) — близкая родственница Н. И. Панина; графиня Анна Карловна Воронцова (1723–1778) — обер-гофмейстерина Екатерины II, жена канцлера М. И. Воронцова.

С. 202. *Граф**** — граф А. М. Ефимовский.

С. 203…*встретил я… Григория Николаевича Теплова… — Теплов Г. Н.* (1711–1779) — сенатор, почетный академик, служил в кабинете Екатерины II «у собственных дел и у принятия челобитен».

С. 204. *Чебышев* Петр Петрович — обер-прокурор Синода с 1770 по 1774 г.

С. 205…*сочинения господина Кларка, который писал противу Гоббезия, Спинозы…* — Трактат ан-

глийского философа Самуэля Кларка (1675–1729) «Доказательство существования и признаков Бога» полемизировал со Спинозой; *Гоббеззий* — Гоббс Томас (1588–1679) — английский философ; *Спиноза* Барух (1632–1677) — голландский философ.

С. 206…*перевод господина Поповского «Опыта о человеке»*… — В философской поэме английского поэта Александра Попа (1688–1744) «Опыт о человеке» (1733–1734) писалось о связи человека с природой и добродетели как условии человеческого счастья. Сделанный в 1754 г. учеником Ломоносова Николаем Никитичем Поповским перевод поэмы имел высокие достоинства и расценивался как вклад в русскую культуру.

Э. Афанасьев